

РУССКИЙ СБОРНИК

исследования по истории России

Редакторы-составители

О. Р. Айрапетов, Ф. А. Гайда, И. В. Дубровский,
М. А. Колеров, Брюс Меннинг, А. Ю. Полунов

XXXI

Модест Колеров
Москва 2021

УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2)
P89

P89 Русский Сборник: Исследования по истории России : архивные находки и источниковедение / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Ф. А. Гайда, И. В. Дубровский, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, А. Ю. Полунов. Т. XXXI. М. : Модест Колеров, 2021. 584 с.

Электронные версии «Русского Сборника» доступны в интернете:
www.iarex.ru/books.

ISBN 978-5-905040-74-0

УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-905040-74-0

© Авторы статей, 2021
© Модест Колеров, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. В. Дубровский.</i> К литературной истории битвы под Оршей	7
Приложения:	
Послание Пизона	31
Из «Истории» Джовио	45
Из «Истории Венеции» Даниеле Барбаро	63
<i>Н. В. Белов.</i> Никифор Павлович Чепчугов-Клементьев, военный деятель времени правления царей Ивана IV и Федора Ивановича: материалы к биографии	67

<i>Чиро Паолетти.</i> Появление торпед в Итальянском королевском флоте	85
<i>Чиро Паолетти.</i> Флот, налоги и народ. Программа строительства Итальянского королевского флота 1874 года и её последствия	98
<i>О. Р. Айрапетов.</i> М. В. Алексеев — 1857–1877. От гимназиста до прапорщика. Годы формирования личности	107
<i>В. Н. Коробейников.</i> Путь Г. В. Плеханова к революционным на- родникам (формирование революционного сознания и народни- ческих взглядов)	144
<i>О. Р. Айрапетов, Ф. А. Гайда.</i> 1885–1895. Тихое десятилетие с громкими последствиями. На пути к войнам и революциям	251
<i>О. А. Гоков.</i> Полевые поездки офицеров Генерального штаба в Русской Императорской армии (1871–1914 гг.)	289

А. В. Мартынов. «В ознаменование безмерных заслуг ...»: К истории линейного корабля «Александр III»	378
Р. Г. Гагкуев, М. Е. Григорян. Гибель генерала П. К. фон Ренненкампа	399

М. А. Колеров. Новый русский штрих о Бергсоне и реферативный жанр в России: Реферат «Бакунин и Бергсон (К 100-летию со дня рождения)» (1914)	422
Д. М. Магомедова. Об одном несостоявшемся проекте (Александр Блок в издательстве «Парус»)	435
Приложение: Александр Блок. Из записной книжки № 48. Март–июль 1916	439
Оксана Назарова. Религиозность С. Л. Франка	444
Приложение: Семен Франк. Догматизм и свобода в греческом православии (1929)	501

Андрей Тесля. Академический авторитет и русская драматургия: история Уваровской премии: К. Зубков. Сценарии перемен: Уваровская награда и эволюция русской драматургии в эпоху Александра II. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 608 с. (Серия «Новое литературное обозрение. Научное приложение». Вып. ССХІХ)	532
О. Р. Айранетов. Далибор Денда. Сербская армия 1804–1918 / Пер. с сербского и комм. А. А. Силкин, отв. ред. К. В. Никифоров. М. ; СПб. : Нестор-История, 2021. 160 с.	539
Любовь Ульянова. Журнал «Освобождение» (1902–1905): Репринтное издание под редакцией М. А. Колерова и Ф. А. Гайды / Подг. текста и указателя имен Н. А. Кутуевой. В 3 кн. М., 2021. 560 с. + 612 с. + 688 с.	559
В. И. Станулевич. Судьба предположительных останков Иоанна VI Антоновича: захоронение в Холмогорах	570
Об авторах	582

В. Н. Коробейников

ПУТЬ Г. В. ПЛЕХАНОВА
К РЕВОЛЮЦИОННЫМ НАРОДНИКАМ
(ФОРМИРОВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО
СОЗНАНИЯ И НАРОДНИЧЕСКИХ
ВЗГЛЯДОВ)

Вопросами о том, почему у Г. В. Плеханова зарождалось революционное сознание, и как у него сформировались народнические взгляды, исследователи биографии Георгия Валентиновича задавались еще в начале 1920-х гг. В. А. Тер-Ваганян (Ваганян), советский партийный деятель и литератор, в одной из своих работ писал: «... было бы крайне интересно решить вопрос о том, почему Плеханов, который, несомненно, по своему происхождению, был чужд трудящимся, принадлежал к дворянству и имел все возможности стать отнюдь не последним в лагере господствующих, перешел на точку зрения трудящихся». Таких «перебежчиков», по выражению исследователя, немало в истории России, поэтому этот вопрос имеет общесоциологический интерес. «Единая причина вряд ли установима, — продолжал Ваганян, — и для каждого такого общественного деятеля дело исследователей его личной биографии собрать достаточный материал, могущий осветить причины перехода его на точку зрения другого класса». Этим вопросом, как отмечал Ваганян, «интересовался Плеханов в применении к общественным деятелям, которыми занимался и деятельность которых изучал»¹. В своей работе «А. И. Герцен

¹ Ваганян В. Г. В. Плеханов. Опыт характеристики социально-политических воззрений. М., 1924. С. 7–8.

и крепостное право» философ писал: «задача всякой серьезной биографии общественного деятеля, который, принадлежа по своему происхождению к угнетателям, перешел на сторону угнетенных... обнаружить обстоятельства... возбуждавшие в нем сочувствие к угнетенным». «Признаюсь, я дорого дал бы за такую биографию», — подчеркивал Георгий Валентинович². В свое время Ваганян вынужден был отказаться от «мысли осветить этот интереснейший вопрос в биографии Плеханова». Не только из-за недостатка материалов, как он писал, «но и крайняя субъективность и полу-анекдотический характер имеющихся не внушают никакого доверия к себе». Ваганян считал, что решить «эту научную задачу», возможно будет, когда будет собрано достаточное количество объективного и беспристрастного материала не только о нем самом, но и о его «родителях (особенно о матери, которая, несомненно, имела на Плеханова исключительно большое влияние), об отношении отца к матери... далее чрезвычайно важен подробный материал о братьях, их воззрениях, их отношении к Георгию, наконец, о кадетской обстановке, его учителях и товарищах»³. Иначе говоря, процесс развития взглядов Плеханова связывался с внешними на него влияниями.

Формирование революционного сознания и народнических взглядов Г. В. Плеханова не было предметом отдельного изучения в советском и российском плехановедении⁴. Такая тенденция прослеживалась и в немногочисленных работах российских социал-демократов, которые до 1917 года писали о его мировоззрении⁵. В советское время главное внимание исследователей био-

² Плеханов Г. В. А. И. Герцен и крепостное право // Г. В. Плеханов. Сочинения. Т. XXIII. М.; Л., 1926. С. 273.

³ Ваганян В. Г. В. Плеханов. Опыт характеристики социально-политических воззрений. С. 9.

⁴ На интернет-сайте Дома Плеханова Российской Национальной Библиотеки в разделе «Плехановедение», охватывающем историографию вопроса, начиная с 1884 г., отдельных работ исследователей о формировании у Г. В. Плеханова революционного сознания и народнических взглядов найти не удастся. Лишь на излете советской власти, сравнительно подробно, о формировании у Плеханова революционных взглядов писал А. С. Бережанский, посвятивший этому вопросу главу своей монографии. *Бережанский А. С. Г. В. Плеханов: от народничества к марксизму*. Воронеж, 1990. С. 5–15.

⁵ Стеклов Ю. М. Историческое подготовление русской социал-демократии. СПб., 1906; *Ельницкий А. Георгий Валентинович Плеханов: Биографический очерк: К 30-летней его литературно-общественной деятельности*. СПб., 1906.

графии мыслителя обращалось на его переход от народничества к марксизму и последующий марксистский период, в особенности, на двадцатилетие с 1883 по 1903 годы. Говоря о детстве, отроческих годах и юности Плеханова историки прибегали к обобщающему способу изложения. При этом источниковая база исследований долгое время оставалась ограниченной изысканиями 1918–1930-х годов и публикациями работ политика о народническом периоде его жизни и деятельности. Исследованию более раннего мировоззрения препятствовала и другая причина. О ней высказывался Ваганян: «насколько трудно и бесцельно заниматься его ранней биографией, определением причин, приведших Плеханова в лагерь борцов за социализм, настолько легко и важно установить основные вехи развития той задачи, решение которой составляет величайшую заслугу Плеханова перед историей русской общественной мысли ... — искание законосообразности в ходе развития истории»⁶. За этими словами кроется идеологическая причина малого внимания советских историков к обстоятельствам формирования революционных взглядов такой первостепенной личности российской социал-демократии, как Г. В. Плеханов.

Активное изучение биографии философа-марксиста началось сразу после кончины последнего. Прежде всего, появились публикации воспоминаний его друзей, родственников и коллег; затем вышли исследования о жизни и политической деятельности. В первой такой работе ее автор С. Я. Вольфсон на вопрос о том, «что толкнуло юношу Плеханова в стан революционеров», отвечал, что избрание им революционного пути вызвано было настроениями своего времени: «Плеханов, прежде всего был типичной фигурой своей эпохи — “кающимся дворянином”». Сказались также: влияние матери, которая «внушила ему с малых лет, стремление к правде, справедливости, истине»; благоприятная атмосфера в Воронежской военной гимназии, где, благодаря прогрессивно настроенным педагогам, он получил возможность читать «литературные произведения, оказавшие на него освободительное влияние». Наконец, по мнению автора, «встреча с лучшими представителями петербургского пролетариата окончательно по-

⁶ Ваганян В. Г. В. Плеханов. Опыт характеристики социально-политических воззрений. С. 10.

могла самоопределению Г. В. Плеханова, как революционера». Исследователь полагал также, что на становление молодого человека, как революционера, повлияли «нелегальные кружки юнкерского училища»⁷. С середины 1950-х гг., при рассмотрении эволюции Г. В. Плеханова в направлении революционного народничества, в исторической литературе закрепляется представление, что выбор им революционного пути происходил после того, как он поступил в Горный институт. По мнению В. А. Фоминой, «вольнолюбивое умонастроение Плеханова созрело и укрепилось в Горном институте, среди прогрессивно настроенного студенчества, под влиянием революционной литературы и жизненных обстоятельств», а в начале 1876 г. «он примкнул к одному из революционных народнических кружков, кружку “бунтарей”»⁸. В то же время, Фомина обращала внимание, что еще во время учебы в военной гимназии «в Плеханове пробудился пытливый, критический ум и революционное чувство»⁹. И. Б. Миндлин, в год столетнего юбилея философа, так описывал его путь к народничеству: «Осенью 1874 г. В. Плеханов стал студентом Горного института в Петербурге и вначале намеревался посвятить себя науке, но затем, сблизившись с передовой молодежью, отдался революционной борьбе. В конце 1875 г. он познакомился и сблизился с рабочими-революционерами. В начале 1876 г. В. Плеханов был принят в народнический кружок». Автор отмечал также, что политик «не принял характерного для Бакунина отрицания теории»¹⁰. Ю. З. Полевой писал, что идейные взгляды Плеханова, как революционера-народника, сложились «в течение первого года пребывания в Горном институте», а «идеями русской революционно-демократической литературы» он проникся еще в гимназии¹¹. Того же взгляда, в целом, придерживался Б. А. Чагин. При этом он обращал внимание на начальный период формирования у полити-

⁷ *Вольфсон С. Я.* Плеханов. Минск, 1924. С. 17–18. Кружок юнкеров в Константиновском училище обнаружен был властями в 1867 г.: *Ткаченко П. С.* Учащаяся молодежь в революционном движении 60–70-х гг. XIX в. М., 1978. С. 187–188.

⁸ *Фомина В. А.* Философские взгляды Г. В. Плеханова. М., 1955. С. 17–18.

⁹ *Фомина В. А.* Философские взгляды Г. В. Плеханова. С. 16.

¹⁰ *Миндлин И. Б.* Переход Г. В. Плеханова от народничества к марксизму // Вопросы истории. М., 1956. № 12. С. 4, 5.

¹¹ *Полевой Ю. З.* Зарождение марксизма в России. 1883–1894 гг. М., 1959. С. 139.

ка революционного сознания в детстве и в годы учебы в военной гимназии. При этом историк, давая обобщающие характеристики его духовного развития, подчеркивал, что нравственное развитие началось с «детских наблюдений», из которых будущий философ «вынес убеждение, что в народе растет ропот, глухое недовольство». Подтверждение «этому раннему мироощущению, высказанное в своеобразной форме», писал ученый, Плеханов «нашел в книгах, прочитанных во время пребывания в Воронежской военной гимназии»¹². Чагин отмечал «исключительное влияние на впечатлительного юношу» гимназической среды, окружавшей молодого человека, которая «сыграла известную роль в формировании его первых общественно-политических воззрений». Историк обращал внимание также, что «среди преподавателей гимназии было немало прогрессивно настроенных людей», в их числе «известный педагог Н. Ф. Бунаков». По мнению Чагина, взгляды Бунакова, «сочувствовавшего революционно-освободительным идеям, преклонявшегося перед декабристами», «находили живой отклик среди учеников». «Возникновению у Плеханова революционных настроений, привитию ненависти к самодержавию и горячей любви к народу, — считал автор, — способствовало чтение произведений Белинского, Чернышевского, Герцена»¹³. Авторы научно-популярной биографии Г. В. Плеханова из серии «Выдающиеся мыслители-марксисты» Б. А. Чагин и И. Н. Курбатова находили, что выбор революционного пути их героя, которого во время учебы в Горном институте «не удовлетворяла жизнь ради будущей карьеры, в душе оставалась какая-то пустота», связан был с поиском смысла жизни. «Ответ на этот вопрос он нашел, — писали они, — у своих новых знакомых революционеров-народников, с которыми встретился в Петербурге»¹⁴. О том, когда и как он стал революционером, авторы писали: «Успешно занимаясь в Горном институте, Плеханов неоднократно предоставлял свою комнату для ночевки революционерам, находящимся на нелегальном положении... стал активным революционером»¹⁵. Пример-

¹² Чагин Б. А. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.; Л., 1963. С. 9.

¹³ Там же. С. 10–11.

¹⁴ Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов. М., 1973. С. 11.

¹⁵ Там же. С. 12. Впрочем, и сам Плеханов называл себя революционером, когда осенью 1875 года посещал собрания революционной молодежи в Технологи-

но та же линия проводилась в другой книге о Плеханове, одним из авторов которой была Курбатова¹⁶. А. С. Бережанский в монографии о Плеханове, одна из глав которой была посвящена его ранней биографии, писал, что «к оставлению военной карьеры он был подготовлен всем ходом своего развития во время пребывания в Воронежской военной гимназии». Первым из революционных народников, который повлиял на будущего мыслителя, Бережанский называет тамбовского гимназиста А. И. Прозоровского, а начало идейного развития Плеханова относит к осени 1875 года. Тогда, как считает Бережанский, он прочитал «Исторические письма» Лаврова и стал «лавристом». Процесс формирования революционных взглядов, приведший Плеханова к бунтарству, по мнению Бережанского прослеживается с конца 1875 года, а становление собственно бунтарских взглядов происходит осенью 1875 — в начале 1876 г.¹⁷ С. В. Тютюкин значение учебы в военной гимназии для развития будущего политика ограничивал получением им «неплохой подготовки по всем гуманитарным дисциплинам». Он считал, что в ней Плеханов «приобщился к либерально-демократическим идеям», а также «встал на путь атеизма»¹⁸. В решении стать революционером на молодого человека повлиял, по мнению автора, П. Б. Аксельрод, в дальнейшем «один из самых близких его друзей»¹⁹. Большую роль в повороте к революции имели также его «первые контакты с наиболее развитыми и политизированными петербургскими рабочими, заставившие юного студента совершенно иными глазами посмотреть на класс пролетариев», — писал автор книги²⁰. Памятуя, что в начале своей деятельности среди рабочих Плеханов занимался революционной пропагандой, Тютюкин связывал это с тем, что в России 1870-х годов, как он считал, революционные организации имели смешанную идеологию. Поэтому Плеханов «готов был

ческом институте. По всей вероятности, он считал себя революционером, так как к этому времени проникся революционно-народническими взглядами.

¹⁶ *Иовчук М., Курбатова И.* Плеханов. М., 1977. С. 11.

¹⁷ *Бережанский А. С. Г. В.* Плеханов: от народничества к марксизму. С. 6–12.

¹⁸ *Тютюкин С. В.* Политическая драма Г. В. Плеханова // *Русский марксизм. Георгий Валентинович Плеханов. Владимир Ильич Ульянов (Ленин)*. М., 2013. С. 221

¹⁹ *Тютюкин С. В. Г. В.* Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 23–24.

²⁰ Там же. С. 28.

и “бунтовать” народ, в духе Бакунина, и заниматься пропагандой и просветительством среди рабочих, в духе Лаврова»²¹.

Взгляды историков на путь Плеханова к революционным народникам, начиная с середины 1950-х гг. оставалась в целом общими: в военной гимназии у него сложились демократические представления, а революционные взгляды сформировались под воздействием «передового студенчества» во время учебы в Горном институте осенью 1875 — в начале 1876 гг. Представляется, формирование у Плеханова революционного сознания и народнических взглядов, как всякое духовное и идейное развитие человека, было более сложным. Для его изучения необходимо использовать новые исторические источники, которые позволят раскрыть особенности в развитии раннего мировоззрения Плеханова. Наряду с фактической стороной вопроса, важным, если не важнейшим, в выборе политиком жизненного пути являлись морально-нравственные установки, которые сформировались у него в юности. Показ взаимосвязи нравственного и идейного развития Плеханова в годы его детства и юности является одной из задач статьи. С использованием достижений историков, изучавших формирование народнических взглядов Г. В. Плеханова, и на основе новых исторических источников, в этой работе делается попытка решить комплекс вопросов, связанных с его ранней биографией.

Формирование взглядов молодого Плеханова становится понятнее, если учитывать, что подобное ему развитие прошли многие участники революционного движения 1870-х гг., в том числе вышедшие из дворянства. Для такого феномена, как, «народолюбие» (Плеханов), необходима была определенная историческая обстановка и идейное основание. Исторические условия для появления народничества, как явления общественной жизни, были созданы переменами, происходившими в политической и социальной жизни России во второй половине 1850 — 1860-х гг., а идейное его основание создавалось отцами русского социализма А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, революционными демократами Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым и революционными теоретиками М. А. Бакуниним, П. Л. Лавровым. Революционер-народник 1870-х гг. Л. Э. Шишко в своих воспоминаниях и замет-

²¹ Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 27.

ках писал: «Тот нравственный переворот, который заставлял тогда людей от окружающего их буржуазного мира уходить в стан погибающих, совершался под влиянием именно социалистических идей, внесенных в русскую общественную мысль Белинским, Герценом, Чернышевским и Добролюбовым... Человек делался, прежде всего социалистом и в силу этого становился революционером»²². Народолюбец Н. А. Морозов выделял нравственность революционной молодежи 1870-х гг.: «корни революционного движения семидесятих годов находились вовсе не в одних социалистических идеях... Чувствовалась какая-то другая скрытая пружина... И эта пружина, как я глубоко убежден теперь, была ничто иное, как полное несоответствие существовавшего у нас самодержавного режима с тем высоким уровнем умственного и нравственного развития, на который успела подняться лучшая часть молодого поколения того времени»²³. Плеханов, после того, как он стал считать самодержавный режим враждебным простому народу, оказался «в плену» великой нравственной социалистической идеи.

О содержании морально-нравственного кодекса революционных народников философ-марксист писал: «когда экономическое развитие расшатало основы крепостного порядка и выдвинуло на нашу историческую сцену целый слой образованных разночинцев, только тогда началось у нас почти непрерывное общественное движение во имя более или менее прогрессивных, более или менее широких гражданских идеалов. Чем более препятствий встречалось на пути этого движения, тем решительнее выбивались его участники из колеи обыденных житейских занятий и тем очевиднее становилось для них, что их житейская специальность заключается в том, чтобы вовсе не иметь никакой житейской специальности, кроме специальности гражданина-борца за лучшее будущее своей страны, служение угнетенному народу²⁴, эта борьба за его освобождение составляет не только нравственную обязан-

²² Лукашевич А. О. «В народ!» (из воспоминаний семидесятника) // Былое. 1907. № 3. С. 6.

²³ Морозов Н. А. Повести моей жизни. Мемуары. Т. 1. М., 1965. С. 74.

²⁴ В этих словах Плеханова звучали идеи П. Л. Лаврова, которые он излагал в 1873 г. в первом томе сборника «Вперед». Лавров писал, что пропагандист должен «вооружиться основательными знаниями» и отказаться от «всякого участия в государственном строе современной России», чтобы встать в ряды

ность, но также и непреодолимую потребность честного и мыслящего человека». И далее приводил отрывок из стихотворения Некрасова:

Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее тернового венка!...»²⁵

Решение вопроса о «переходе человека, принадлежащего к господствующему классу, на сторону класса угнетенного», Плеханов сводил к «классовому влиянию», под которое попадал такой индивид. Методологически интересно, как он решал подобный вопрос, исследуя «те влияния, благодаря которым склонился к борьбе» с крепостным правом А. И. Герцен²⁶. В определенной мере это можно отнести и к обстоятельствам формирования революционного сознания у Г. В. Плеханова, который в своем анализе опирался на воспоминания мыслителя, описавшего свои чувства и переживания в годы детства. Он отмечал, что автор «Былого и дум» «принадлежал к тому поколению русских людей, на которых глубоко повлияло ... неудавшееся восстание 14 декабря 1825 г.». На него, «впечатлительного» ребенка, повлияли «рассказы о возмущении, о суде», и особенно «поразил ужас в Москве», когда ему «открылся новый мир, который становился все больше и больше средоточием всего нравственного существования»²⁷. Личностными факторами влияния на Герцена были: учителя, которые поддержали его в сомнениях и вопросах, и, так называемая, «передняя», дворовые крестьяне, неосознанно воздействовавшие на самосознание ребенка²⁸. О влиянии народа на сознание русского дворянства Плеханов писал: «Что русская “крещеная собственность”²⁹ не оставалась без того или другого более или менее полезно-

страдающих и обездоленных и объяснять своим братьям-труженикам их права и задачи борьбы, сплотить их для социального переворота.

²⁵ Плеханов Г. В. Н. А. Некрасов. К 25-летию его смерти // Плеханов Г. В. Сочинения. Т. X. М.; Л., 1925. С. 384, 385, 387.

²⁶ Плеханов Г. В. А. И. Герцен и крепостное право. С. 270.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 271, 272.

²⁹ Выражение А. И. Герцена, примененное Г. В. Плехановым.

го и разностороннего влияния на “благородное сословие”, это нетрудно признать а priori, и это подтверждается целым рядом общеизвестных фактов»³⁰. Приводя, в частности, пример М. Ю. Лермонтова, указывая, что в детстве и отрочестве тот провел тринадцать лет в деревне, живя в тесном общении с простым людом, Плеханов задавал себе вопрос: «не это ли тесное общение забросило в его душу первые семена того “отрицательного” настроения, которое впоследствии так своеобразно развилось, — вернее было бы сказать: так своеобразно недоразвилось в ней»? И отвечал: «Я считаю это весьма и весьма вероятным»³¹. Резюмируя, он писал: «Своим сочувствием народному горю Герцен был обязан влиянию на него многострадальной крепостной “передней”»³². Тем самым, философ косвенно признавал, что, живя в родительском доме, испытал те же чувства³³: «чувство жалости и неловкости» перед народом ему было присуще с раннего детства³⁴.

Как следствие внешних влияний и внутренней отзывчивости, «гордыня сословного чувства», характерная для отца Г. В. Плеханова, сменялась в сыне нравственным чувством сострадания к народу, которое вело к складыванию у него революционного сознания и народнических убеждений. Такое развитие доступно было, по выражению самого Плеханова, «наиболее отзывчивым индивидуумам»³⁵, тем, в ком существовало стойкое понятие о человеческом достоинстве и порядочности. Как бы экстраполируя на себя, юношу, Плеханов приводил слова Герцена: «Ничто в свете не очищает, не облагораживает так отроческий возраст, не хранит его, как сильно возбужденный общечеловеческий интерес». Соглашаясь с этим («это бесспорно так», — писал Плеханов), он до-

³⁰ Плеханов Г. В. А. И. Герцен и крепостное право. С. 273. Когда Плеханов так писал, он мог иметь ввиду пример своей матери, которая проявляла деликатность в своих отношениях с дворовыми крестьянами.

³¹ Там же. С. 278.

³² Там же. С. 353.

³³ На то, что нравственное развитие Плеханова началось с «детских наблюдений», из которых он «вынес убеждение, что в народе растет ропот, глухое недовольство», писал, как сказано выше, историк и философ Б. А. Чагин.

³⁴ Об этом писал Дейч, передавая рассказы Плеханова (Дейч Л. Г. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии. Выпуск 1-й. От народничества к марксизму. М., 1922. С. 10).

³⁵ Плеханов Г. В. А. И. Герцен и крепостное право. С. 275.

бавлял: «Но можно прибавить: ничто в свете не охраняет так возбужденный в отроке общечеловеческий интерес, как возможность разделить его»³⁶. Этими словами мыслитель раскрывал «секрет» владевших им в отроческие годы нравственных чувств и стремлений, ставших внутренним двигателем для складывания у него революционного сознания. «Общечеловеческим интересом» для России являлось социальное освобождение трудящегося народа, которому Плеханов посвятил свою жизнь.

Семья Г. В. Плеханова

Георгий Валентинович Плеханов (родился 29 ноября (11 декабря) 1856 года) происходил из семьи потомственных мелкопоместных дворян. Его прадед Семен Григорьевич Плеханов был офицером российской армии и в 1770-х гг. служил поручиком в пехотном полку, расквартированном на Левобережной Украине. Там он женился на дочери кассира Лубенского комиссариатства Ирине Павловне Корниевич. Их сын Петр с малых лет прошел военную службу в полках российской армии. В 1809 году он вышел в отставку в чине майора и обосновался в Липецком уезде Тамбовской губернии, женившись на Елене Васильевне Племянниковой, происходившей из древней служилой семьи. В соответствии с «грамотой Екатерины II на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» Петр Семенович был причислен к потомственному «военному дворянству». У Петра и Елены Плехановых было два сына Валентин и Михаил также прошедших военную службу. Валентин, отец Г. В. Плеханова, в 1831 году участвовал в Польско-русской войне и вышел в отставку штабс-капитаном. Первой его женой была Вера Ивановна Познякова из старинной дворянской семьи. Из их 13 детей выжило 7³⁷. 4 сына Валентина Петровича от первого брака (Александр, Митрофан, Николай и Григорий) были офицерами российской императорской армии. После смерти Веры Ивановны штабс-

³⁶ Плеханов Г. В. А. И. Герцен и крепостное право. С. 281.

³⁷ Коробейников В. Н. Предки и родственники Георгия Валентиновича Плеханова в XVIII–XX веках // Известия русского генеалогического общества. Выпуск 36. СПб., 2020. С. 71.

капитан в 1855 году женился на Марии Федоровне Бельнской, ставшей матерью Г. В. Плеханова. Ее дед Дмитрий Павлович Бельнский получил дворянство на военной службе, став в 1789 году поручиком во время Русско-турецкой войны³⁸. Кроме Георгия, у Валентина Петровича и Марии Федоровны был сын Федор и три дочери: Александра, Варвара и Клавдия. Род Плехановых по мужской линии состоял на военной службе, более престижной и почетной в Российском государстве, чем гражданская служба³⁹. Героий Валентинович стал исключением в этой родовой традиции.

Имение его отца по 10 ревизии 1850 года состояло из 151 десятины 1059 сажень земли в деревне Гудаловка и в дачах, отмежеванных из соседних с ней сёл Семеновка и Сселки Липецкого уезда. По той же ревизии В. П. Плеханову принадлежали в сельце Малая Семеновка (Гудаловка) 28 душ мужского пола и 8 «дворовых людей». Такое же количество крестьян оставалось у него перед отменой крепостного права. Обремененный многочисленными детьми, ограниченный пределами своего небольшого имения, В. П. Плеханов являл собой тип мелкого дворянина, который, как писал Романович-Словатинский, «сближается с народом, не утрачивая, впрочем, своей горделивой сословной точки зрения на него»⁴⁰. В 1863 году по Уставной грамоте, составленной Валентином Петровичем, 1-я плехановская община в сельце Малая Семеновка получила 61 десятину 600 сажень земли. Во владении отца семейства, после выделения из его имения крестьянских наделов, осталось 93 десятины «удобной» земли⁴¹, за счет которой в дальнейшем жили его наследники по второму браку.

³⁸ Коробейников В. Н. Бельнские — предки и родственники Г. В. Плеханова // Генеалогический вестник. № 62. СПб., 2020. С. 120.

³⁹ Престижность офицерской службы основывалась на требованиях к нравственным качествам, которые выдвинул Петр I, как одно из необходимых условий для звания офицера. На практике это условие достигалось подписями всего офицерского общества полка, при аттестации представляемого в офицерское звание. Байов А. Курс истории русского военного искусства. Выпуск II. Эпоха Петра Великого. СПб., 1909. С. 76.

⁴⁰ Романович-Словатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Свод материалов и приготовительные материалы для исторического исследования. СПб., 1870. С. 26.

⁴¹ Статистические сведения об имениях частных владельцев Липецкого уезда. Имения более 50 десятин, сдаваемых в аренду в полном составе. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Том восемнадцатый. Частное землевладение Липецкого уезда. Тамбов. 1893. С. 40.

Клавдия Валентиновна Плеханова, младшая сестра Георгия Валентиновича, писала в 1930 году об отце и матери: «Очень внимателен был отец ко всем нам, к Жоржу (Георгию Плеханову. — В. К.) в особенности. Но строг он был не только к другим, но и к себе. Часто приходилось слышать о строгости отца, но о его жестокости никогда и ничего не слышала. Случалось, отец помогал мамаше в ее занятиях с нами. Старался преодолеть свою вспыльчивость. Но это плохо удавалось ему, и мать спешила отказать от его помощи. Да и своих занятий было у него масса. Он изучал медицину, агрономию. Знание агрономии давало блестящие результаты в хозяйстве. И читал он много. Его домашняя библиотека была искусно подобрана. «По ней я развила свою любовь к чтению и свой вкус», — говорила сестра Варя. Сама мамаша... применялась к склонностям и способностям каждого. Она полагала, что в каждом ребенке можно развить любовь к науке, а опыт в этом был у нее большой: подготовляла в учебные заведения не только своих детей и пасынков, но и многих других, которым давала уроки на дому. Но Жорж выделялся из всех. Мамаша гордилась: его способностями, силой и нежностью его характера, сострадательности, даже к животным, свободолюбием. Находила в нем сходство с Христом: по внешности, по словам и по поступкам. Впоследствии, неслыханно страдая за него, она говорила: «Бог послал мне страдание за мою гордость. Я так гордилась и горжусь Жоржем». О отце, Валентине Петровиче, мать говорила: «он строг был, но и справедлив» ... А арендаторы, крестьяне наши, говорили: «женился Ваш папенька на ангеле и сам стал ангелом» ... Мамаша была, как видно, из разряда людей, о которых говорил Чернышевский и к которым причислял и себя, что они «кроют чужие избы раньше своих»⁴².

Г. В. Плеханов в военной гимназии

Годы, проведенные в военной гимназии, имели большое значение для формирования у Плеханова революционного сознания. Как у него появлялись в гимназии «революционные мыс-

⁴² Российская Национальная Библиотека (РНБ) Архив Дома Плеханова (АДП) Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л. 2–2 об, 4.

ли», и что подвигало его к таким выводам, известно не так много. Опубликованные воспоминания Плеханова и его родственников об учебе в военной гимназии могут восполнить этот пробел, но они единичны и фрагментарны. Тем не менее, собранные вместе, и вплетенные в канву жизни во время учебы в гимназии, они помогают воссоздать картину развития взглядов философа-марксиста в годы его детства и отрочества.

Учеба мальчиков в семье В. П. Плеханова происходила за дворянский счет в кадетском корпусе и в военной гимназии. В отношении же Георгия в исторической литературе сложилась традиция считать, будто Валентин Петрович намеревался отдать его учиться в классическую гимназию⁴³. Причиной называлось слабое здоровье и склонность молодого человека «к серьезным умственным занятиям»⁴⁴. Л. Г. Дейч в воспоминаниях писал, что Валентин Петрович пожелал определить сына «по гражданской части», так как «с освобождением крестьян наступила новая эра и России нужны уже не столько военные, сколько лица, занимающиеся свободными, гражданскими профессиями»⁴⁵. Но Георгий, по словам Дейча, «начитавшийся разных военных книг, ни за что не хотел быть “штафиркой”, а так как он унаследовал от отца упрямство, настойчивость, то последнему пришлось уступить»⁴⁶. Об этом же, вторя Дейчу, писал Ю. М. Арзаев⁴⁷ в биографическом очерке о Г. В. Плеханове, предпосланном к двухтомнику статей и речей последнего за 1917 год. Он сообщал, что, когда настало время поступать в школу, отец захотел пустить сына «по гражданской части», но Георгий заявил, что «не желает быть штафиркой» и Валентин Петрович, «относившийся к сыну с особенной любовью»,

⁴³ Вольфсон С. Я. Плеханов. С. 9; Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 18.

⁴⁴ Бережанский А. С. Плеханов: от народничества — к марксизму. М., 2006. С. 20.

⁴⁵ После отмены крепостного права среди дворян Тамбовской губернии бытовало такое мнение, описанное помещиком той же губернии С. Н. Терпигоревым (С. Атава) в очерках «Оскудение».

⁴⁶ Дейч Л. Молодость Г. В. Плеханова. Воспоминания // Былое. 1918. № 13. Кн. 7. С. 126; РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 4–4 об.

⁴⁷ Юлий Михайлович Арзаев (Фердман), живший в эмиграции в Швейцарии (в Лозанне), в 1918–1921 гг. был членом антибольшевистской «Лиги возрождения России» (Волков С. В. База данных «Участники Белого движения в России»: <http://swolkov.org/info1.htm>).

уступил его желанию⁴⁸. Кроме рассказов Р. М. Плехановой (жены Георгия Валентиновича), Арзаев, по-видимому, пользоваться, опубликованными ранее, воспоминаниями Дейча о молодости Плеханова. Несколько иначе об этом вспоминала Варвара Валентиновна Познякова (сестра Г. В. Плеханова). 6 апреля 1919 года, в письме к Дейчу, она сообщала, что младших трех сыновей В. П. Плеханова от первого брака (Митрофана, Николая и Григория) его вторая жена Мария Федоровна «подготовила в учебные заведения — двух в военную гимназию, а младшего — в гражданскую гимназию»⁴⁹. Судя по этим воспоминаниям, Мария Федоровна подготовила к поступлению в кадетский корпус Митрофана и Николая, а в гражданскую гимназию — Григория⁵⁰. Как видим, однозначного представления о том, кого из младших сыновей В. П. Плеханов намеревался отдать учиться в гражданскую гимназию приведенные исторические источники не дают. Как бы

⁴⁸ Арзаев Ю. Г. В. Плеханов. 1857–1918 (Биографический очерк) // Плеханов Г. В. Год на родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 г. : в 2 т. Т. 1. Париж, 1921. С. X. Биографический очерк Арзаева написан был в мае 1921 г., когда вдова Плеханова, жившая тогда в Париже, делалась с автором рассказами о Георгии Валентиновиче. Б. И. Николаевский — деятель российского социал-демократического движения, его историк и архивист, писал, что Арзаев для составления своего очерка о жизни Г. В. Плеханова «пользовался рассказами Р. М. Плехановой» (Б. И-ский. Новое о прошлом в зарубежной печати. К биографии Г. В. Плеханова // Каторга и ссылка. 1928. № 5 (42). С. 167). Посмертный сборник статей Г. В. Плеханова был издан после обращения к политической эмиграции его друзей и соратников за финансовой поддержкой (Филимонова Т. И. Семья Георгия Валентиновича Плеханова // Георгий Валентинович Плеханов. К 150-летию философа, мыслителя и общественного деятеля. Липецк. 2006. С. 34).

⁴⁹ Познякова-Плеханова В. В. Детство и отрочество Г. В. Плеханова // Группа Освобождение труда. Сборник № 1. М., 1924. С. 91. Григорий также воспитывался в Воронежской военной гимназии.

⁵⁰ На этот факт было обращено внимание Г. А. Сакварелидзе. Автор писал, что «из воспоминаний членов семьи Г. Плеханова известно, что Мария Федоровна подготавливала младшего из своих пасынков (а младший был Григорий) для поступления в городское училище». Не найдя в имевшихся списках воспитанников военной гимназии имени Григория Плеханова, автор посчитал, что вышла ошибка и он вообще не учился в Воронежской военной гимназии (Сакварелидзе Г. А. У истоков русской марксистской педагогической мысли: Педагогические взгляды Г. В. Плеханова. Тбилиси, 1975. С. 33). Из послужного списка Григория Валентиновича Плеханова, ставшего офицером, известно, что он учился в Воронежской военной гимназии в одно время с Георгием, и в 1871 г. был переведен в Московское юнкерское училище.

то ни было, но всех своих сыновей, даже младшего из них Федора, отличавшегося особенно слабым здоровьем, Валентин Петрович, как небогатый мелкопоместный дворянин, участвовавший в 1831 году в Русско-польской войне, отдавал учиться в кадетский корпус или в военную гимназию на полный пансион за дворянский счет.

Поступление Георгия Плеханова в Воронежскую военную гимназию

О времени его поступления в Воронежскую военную гимназию исследователи писали по-разному. До начала 1970-х гг. называли годом поступления 1866 год⁵¹. В дальнейшем биографы философа считали, что он начал учебу с 1868 года. Причиной расхождения, как представляется, была разная оценка историками значимости исторических источников, имевших отношение к этому вопросу.

Определение сына в учебу В. П. Плеханов стал готовить с 1861 года, когда 31 августа Георгия вписали в губернскую дворянскую родословную книгу. 2 мая 1864 года Валентин Петрович освидетельствовал его здоровье у липецкого городового врача в присутствии полицейского пристава. В это время он намеревался отдать сына в учебу по военной части. В заключении врача было записано: «малолетний Георгий телосложения крепкого и болезней, препятствующих приему его *в военно-учебное заведение* (курсив мой. — В. К.) не имеет»⁵². Таким образом, В. П. Плеханов стал готовить документы для подачи прошения об определении Георгия в кадетский корпус заранее, когда ему не было 8-ми лет. Поступил же он в Воронежскую военную гимназию в 1866 году, в неполных 10 лет, о чем рассказывали его родственники и друзья. Дейч в 1918 году писал, что Плеханов «летом 1866 г. был принят во второй класс Воронежской

⁵¹ Об этом писали: Чагин Б. А. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. С. 9, Фомина В. А. Философские взгляды Г. В. Плеханова. С. 16, Чумаченко В. Г. Страницы жизни и деятельности Г. В. Плеханова // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 132.

⁵² Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли» / Под ред. М. П. Каплана и П. Е. Щеголева. М., 1930. С. 370–371.

военной гимназии, в которой уже обучался один из его старших братьев»⁵³. Вслед за Дейчем, Арзаев в 1921 году писал: «Жоржу не было десяти лет, когда он, подготовленный в гимназию матерью, превосходно выдержал экзамены и летом 1866 года был принят во второй класс Воронежской закрытой военной гимназии»⁵⁴. И, наконец, сестры Г. В. Плеханова в 1922 году вспоминали, что «10-летний Жорж осенью 1866 года успешно сдает экзамен и поступает в Воронежскую военную гимназию»⁵⁵. Николай Валентинович Плеханов, сводный старший брат Георгия Валентиновича, в 1924 году писал, что тот учился в первом классе Воронежской военной гимназии в 1866 году, куда тогда же был переведен и он сам из Тамбовского кадетского корпуса для малолетних дворян, после чего они «прожили три года душа в душу до 1869 г.»⁵⁶. Результаты архивных поисков И. Д. Смирнова дали основание считать, что учеба Георгия Плеханова в военной гимназии была прервана, после чего в конце августа или в начале сентября 1868 года он «выдержал экзамен в соответствующий возрасту класс»⁵⁷ и был принят в гимназию «приходящим» воспитанником⁵⁸. Причина, по которой молодой человек сдавал экзамен, когда уже начались занятия⁵⁹, остается неизвест-

⁵³ Дейч Л. Молодость Г. В. Плеханова. С. 126.

⁵⁴ Арзаев Ю. Г. В. Плеханов. 1857–1918 (Биографический очерк). С. X. До 1922 года считалось, что Г. В. Плеханов родился в 1857 году.

⁵⁵ Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова. (Материалы к биографии) // Пролетарская революция. 1922. № 8. С. 34. В 1922 году стала известна дата рождения Г. В. Плеханова — ноябрь (декабрь) 1856 г.

⁵⁶ Аманжолова Д. А. Из семейной хроники Плехановых. 1924–1935 // Исторический архив. 1998. № 2. С. 171.

⁵⁷ Российский Государственный Архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 264. Оп. 1. Д. 214. Л. 4. Прием воспитанников в гимназию «в соответствующие возрасту классы» был вызван положением о военном обучении, которое предписывало получение ими офицерского чина к 18 годам (6 лет обучения в военной гимназии и 2 года изучения специальных наук в военном училище).

⁵⁸ Смирнов И. Г. В. Плеханов в Воронежской военной гимназии (По архивным документам) // Каторга и ссылка. 1929. № 12 (61). С. 141.

⁵⁹ Пропьбы об определении в военные гимназии воспитанников, в том числе приходящих, могли подаваться на имя директора не позже 1 февраля года поступления в гимназию. Занятия в ней начинались 15 августа, а заканчивались сдачей экзаменов до 5 июня следующего года. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗРИ). Второе собрание. Т. XLI. СПб., 1868. № 43738 (13 октября 1866 г.). С. 136.

ной. Таким вопросом никто из историков не задавался, а с некоторых пор стали считать, что начал он учиться в военной гимназии, подготовленный матерью, со второго класса в сентябре 1868 года, в 12 лет. В РГАСПИ в фонде Г. В. Плеханова в описании документов дела о его поступлении в 1868 году в Воронежскую военную гимназию указывалось: «Общеизвестно (курсив мой. — В. К.), что Г. В. Плеханов, хорошо подготовленный своей матерью, поступил во второй класс военной гимназии»⁶⁰. Первоисточником сведений, что в военную гимназию Плеханов поступил в 1866 году, был Дейч, писавший в 1918 году; «Мария Федоровна, мать Георгия Валентиновича, ... сама подготовила своего необыкновенно даровитого сынка; не имея еще десяти лет, он превосходно сдал экзамен, и летом 1866 г. был принят во второй класс воронежской военной гимназии»⁶¹. Дейч, в предисловии к публикации Смирнова, писал: «Только теперь, благодаря стараниям т. И. Смирнова, извлечены из архива официальные документы, отчасти освещающие время пребывания Г. В. в Воронежской военной гимназии (с 1868 по 1873 г.). Из этих документов явствует, что в появившихся в печати биографических данных о Г. В. Плеханове имеются некоторые ошибки и преувеличения. Так, сообщалось, — и мною в том числе, — что Г. В. “блестяще окончил военную гимназию, почему его имя было занесено на мраморную доску, с которой оно было выскоблено в 1881 г., после убийства Александра II террористами”. Эти и другие сообщения ... оказываются неверными»⁶². Как видим, Дейч не признавал, что учеба будущего политика в военной гимназии началась в 1868 году, а лишь считал, что официальные документы «отчасти освещают время пребывания Г. В. в Воронежской военной гимназии (с 1868 по 1873 г.)». Надо заметить, что в 1868 году Плеханов по своему возрасту должен был начать учиться в 3 классе, но по каким-то причинам сдавал экзамены во 2-й класс. Причиной перерыва в учебе была, по всей вероятности, болезнь Георгия, из-за которой он временно оставил гимназию. К примеру, его младший брат Федор из-за болезни

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 214. Л. 4.

⁶¹ Дейч Л. Молодость Г. В. Плеханова. С. 126.

⁶² Смирнов И. Г. В. Плеханов в Воронежской военной гимназии (По архивным документам). С. 140.

надолго прервал учебу в военной гимназии (почти на год). При этом он считался «уволненным, для поправления здоровья, в длительный загородный отпуск» до тех пор, пока не был «уволен из заведения по просьбе родителей»⁶³. Георгий также, учась в предыдущем классе, мог быть «уволненным, для поправления здоровья», а затем возобновил учебу, сдал экзамен для поступления во 2-й класс. Возможно, из-за недостаточно крепкого здоровья сына и отсутствия свободного места на полный пансион, В. П. Плеханов 27 августа 1868 года, когда уже начались занятия, подал прошение директору военной гимназии об определении Георгия «во вверенную» ему гимназию «вольнопriходящим воспитанником» (курсив мой. — В. К.), и получил резолюцию: «Допустить к экзаменам»⁶⁴. После приезда в конце августа 1868 года с отцом в Воронеж Георгий Плеханов в первых числах сентября держал экзамен⁶⁵. К этому времени занятия в заведении должны были начаться, но директор имел право определять приходящих воспитанников в зависимости от имевшихся вакансий⁶⁶. Георгию было 11 лет 9 месяцев и он, по положению о возрасте воспитанников, поступающих в военные гимназии, мог быть принят во 2-й класс. В числе восьми «малолетних», успешно «выдержавших экзамен в соответствующие возрасту классы», Главным управлением военно-учебных заведений 18 сентября ему было разрешено «быть приходящим воспитанником». 26 сентября 1868 года Георгия Плеханова приказом по гимназии зачислили во 2-й класс⁶⁷.

⁶³ Чесноков В. И. Поиски материалов о Г. В. Плеханове в воронежских архивах в 1920-е годы // Из истории Воронежского края. Вып. 4. Воронеж, 1972. С. 38.

⁶⁴ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1 Ед. хр. 3. То же см.: РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 214. Л. 3.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 214. Л. 4.

⁶⁶ ПСЗРИ. Второе собрание. Т. XLII. № 43738 (13 октября 1866 г.). Положение о военных гимназиях. С. 133.

⁶⁷ Чесноков В. И. Поиски материалов о Г. В. Плеханове в воронежских архивах в 1920-е годы. С. 37; Государственный Архив Воронежской Области. Ф. 441. Оп. 1. Д. 29. Приходящие или вольноопределяющиеся воспитанники имели право жить с родителями или на квартирах, питаться на свой счет, при условии обязательного посещения занятий. (Примечание В. И. Чеснокова). Плата за посещение Воронежской военной гимназии приходящими воспитанниками бралась такая же, как в гражданских гимназиях города Воронежа.

Учеба Георгия Плеханова в военной гимназии

По воспоминаниям сестер, которым мать Мария Федоровна рассказывала «о своем первенце», Георгий «учился охотно, был трудолюбив и проявил недюжинные способности уже с раннего детства»⁶⁸. С первого года учебы он показал свои способности и устремления, направленные к получению всё новых знаний. Успехи в этом, отмечавшиеся педагогическим комитетом с первых месяцев его поступления в гимназию, достигались им за счет памяти и быстроты восприятия учебного материала. Отличался он также в первые годы пребывания в военной гимназии «образцовым исполнением всех требований начальства по части дисциплины и субординации»⁶⁹. В стенах гимназии проявилась тяга молодого человека к естественно-научным и гуманитарным знаниям. Эти две области интересов способствовали в дальнейшем выработке им материалистического сознания. Проявлению и развитию его способностей способствовали новые порядки и новые программы обучения в военной гимназии. Плеханов вспоминал, что «началась поистине новая эра: шагистику почти совсем оставили (на нее посвящалось не более 1 часа в неделю), преподавание было осмыслено, программа учебных занятий значительно увеличена, телесные наказания почти совсем выведены из употребления»⁷⁰. Преподаватели стали внимательнее относиться к интересам воспитанников и учитывать особенности их характера. В первый год учебы, когда Георгий был «приходящим воспитанником» и жил у квартирной хозяйки, чтение книг в свободное время было любимым его занятием. Об этом говорят воспоминания его сестер, передававших рассказы их матери Марии Федоровны. Приехав как-то к сыну в Воронеж, она спросила у его квартирной хозяйки — «готовит ли он уроки?». «Нет, — ответила та, — уроки не учит, только всегда читает другие книги»⁷¹. Воспитатель в гимназии на вопрос Марии Федоровны: «Что с моим сыном, почему он уроков не учит?», — отвечал: «Ваш сын велико-

⁶⁸ РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1.

⁶⁹ РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 5.

⁷⁰ Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский. Введение [к немецкой книге 1894 г.] // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 4. М., 1958. С. 56–57.

⁷¹ Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова. С. 34.

лепно учиться и делает блестящие успехи. Мы теперь поняли его, с ним надо только добром обращаться»⁷².

В первый год учебы Георгий отличался религиозностью, привитой ему, по свидетельству сестер, матерью. В раннем детстве она читала ему «рассказы из священного писания», которые он, благодаря внутренней отзывчивости и природной феноменальной памяти, запоминал и пересказывал «точно, с мельчайшими подробностями»⁷³. Если ребенком Плеханов был очень религиозным, то потом, еще при жизни отца, он перестал молиться, затем стал неверующим⁷⁴. В гимназии он «с большим прилежанием изучал Ветхий и Новый завет, следил внимательно за уроками» Закона Божьего. Причиной интереса молодого человека к священному писанию стало, как представляется, проявившееся у него желание поверить христианские каноны своей рациональной критикой, которая стала формироваться в его восприятии окружающего мира, как прообраз естественно-научного материализма исследователя⁷⁵. В отношении к религии это качество проявилось в первую очередь. Вопросы, которые он на уроках Закона Божьего задавал батюшке, первоначально воспринимались последним благосклонно, и с какого-то времени переросли в дискуссию. Уроки вызывали интерес у воспитанников гимназии. Но вскоре, после 4–5 занятий, священник заявил воспитаннику: «Нет, молодой человек, оставим эти диспуты, иначе уроки Закона Божьего превратятся у нас в уроки о безбожии»⁷⁶. Своими знаниями и готовностью ими делиться Плеханов приобрел авторитет у товарищей по гимназии. Те обращались к нему «за разъяснениями и пояснениями, которые «всеведающий Жорж Плеханов» охотно всем давал». Через много лет, в апреле 1917 года, известный политик получил письма от двух бывших товарищей по Воронежской военной гимназии, в которых они с благодарностью вспоминали о его «духовном и моральном влиянии на всех товарищей»⁷⁷.

Приходящим воспитанником Плеханов оставался до 27 августа 1869 г., когда был переведен во 2-е отделение 3-го класса на пол-

⁷² Там же. С. 34–35.

⁷³ Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова. С. 34–35.

⁷⁴ Там же. С. 36.

⁷⁵ Как выражались в XIX веке, «естественно-исторический материализм».

⁷⁶ Арзаев Ю. Г. В. Плеханов. 1857–1918 (Биографический очерк). С. XI.

⁷⁷ РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. Л. 5.

ный пансион, что стало облегчением для финансов его родителей⁷⁸. Тогда же ему, как награда за прилежание и успехи в учебе, были «нашиты погоны»⁷⁹. С осени 1869 г., переведенный, как отличившийся ученик, на казенное содержание, он полностью вошел в коллектив гимназистов. Во время учебы в 3-м классе Георгий оставался в числе «весьма хорошо успевающих» воспитанников. 30 декабря 1869 г. его имя поместили на «красную доску». 3 июня 1870 г., при переходе из 3-го в 4-й класс, решением педагогического комитета «за весьма хороший успех в науках (10 и более баллов в среднем выводе и по каждому предмету не менее 8) при доброй нравственности» молодой человек получил «награды первой степени, состоящие из книг и похвального листа»⁸⁰. С 1871 года, с 4-го класса, в сохранившихся приказах по гимназии о поощрениях Плеханова записаны только оценки за поведение⁸¹. В 1871 году у многих воспитанников из его класса были плохие успехи в учебе. Причиной этого учитель русского языка и словесности Н. Ф. Бунаков считал «попечительный характер заведения» и отсутствие у воспитанников «заботы о самом себе, о своей жизни, о своем образовании, о своем деле, о будущности»⁸². Что касается Плеханова, снижение успехов в учебе вызвано было, как представляется, увлечением современной литературой и переоценкой им своих жизненных приоритетов⁸³.

⁷⁸ Полный пансион в военной гимназии стоил около 170 рублей, которые для Плеханова оплачивались из денег дворянского собрания.

⁷⁹ Чесноков В. И. Поиски материалов о Г. В. Плеханове в воронежских архивах в 1920-е годы. С. 37; РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 214. Л. 14 об.

⁸⁰ Смирнов И. Г. В. Плеханов в Воронежской военной гимназии. (По архивным документам). С. 142.

⁸¹ Чесноков В. И. Поиски материалов о Г. В. Плеханове в воронежских архивах в 1920-е годы. С. 37–38. Оценки за поведение начислялись каждый год плюсованием баллов к предыдущим. Итоговая оценка Плеханова за поведение за 6 классов учебы была 8, довольно высокая. «Незадолго до окончания гимназии поведение Георгия оценивалось лишь восьмеркой» (Тютюкин С. В. Политическая драма Г. В. Плеханова. С. 221–222).

⁸² Коробейников В. Н. Общественно-политические взгляды Н. Ф. Бунакова — гимназического учителя Г. В. Плеханова // История. Научное обозрение OSTKRAFT. М., 2020. № 5–6 (17–18). С. 70–71.

⁸³ Как считает Бережанский, сказала «тяга к естественным наукам», которые «заставляли его меньше внимания обращать на школьные предметы» (Бережанский А. С. Плеханов: от народничества — к марксизму. С. 6).

Традиции военной гимназии как фактор образования коллективистских взглядов у Г. В. Плеханова

В военной гимназии у Георгия Плеханова началось складывание коллективистских взглядов, которые способствовали формированию его революционного сознания. Причиной появления у него новых воззрений стал принцип «товарищества», существовавший между воспитанниками военной гимназии. Этому способствовала «впечатлительность» и отзывчивость будущего политика, его всегдашняя готовность помогать другим. Коллективизм и товарищество проявлялись впоследствии в его взаимоотношениях с участниками революционного сообщества.

Привычки и стиль поведения молодого человека формировались под влиянием правил и норм жизни в этом закрытом военно-учебном заведении. При поступлении туда он сразу проявил свой, в буквальном смысле, бойцовский характер. Старший брат Николай, учившийся осенью 1866 года в 4-м классе и знакомый с «кадетскими» традициями, предупредил брата, по словам его сестер, «что он должен, по обычаю, подвергнуться избиению со стороны старых учеников»⁸⁴. Традиция испытания новичков, перешедшая в Воронежскую военную гимназию из кадетского корпуса, была одним из проявлений «неформальных иерархических отношений» внутри закрытых коллективов, какими были военно-учебные заведения. Зарождаться такие традиции начали при Александре I, прежде всего, в кадетских корпусах Санкт-Петербурга. Сформировались же они во время царствования Николая I. Воплощением кадетских традиций было «товарищество» между учащимися, стремившихся обособиться и защититься от карающей начальственной опеки. «С целью проверки на верность “товариществу” воспитанник при поступлении в корпус подвергался испытанию, результаты которого определяли его место среди кадетов и диктовали линию поведения по отношению к нему»⁸⁵. «Маленький

⁸⁴ Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова. С. 34.

⁸⁵ Гребенкин А. Н. Социокультурное взаимодействие между преподавателями и воспитанниками в кадетских корпусах Российской империи в 1801–1855 гг. Автореферат дисс. ... к. и. н. Орел, 2009. С. 26–27. Реформы Милютина в военно-учебных заведениях, гуманизируя, в сравнении с кадетскими корпусами, процесс воспитания и обучения в военных гимназиях, нейтрализовали причины возникновения ряда «кадетских традиций». Однако избавиться

Георгий стойко отражал удары, не жалуясь и не плача»⁸⁶, выдержав испытание характера, сходное с обрядом инициации — посвящением мальчика в мужчину, и «вызвал уважение к себе своей твердостью». Среди гимназистов, наблюдавших за поединком, раздались крики «браво, новичок». Его репутация утвердилась, и он был избавлен в дальнейшем от обид со стороны соучеников⁸⁷. По рассказу Л. И. Аксельрод (Ортодокс), Плеханов так вспоминал об этом эпизоде из своей биографии: «Я не знал этого обычая, будучи уверенным, что в храмах науки только учение имеет место. Но я, сейчас же, сообразил, что раз дерутся, надо дать сдачи, — и дал. Драчуны, как мне казалось, остались довольны моей сообразительностью, и мы впоследствии стали товарищами»⁸⁸.

Традиция товарищества предполагала обязательную взаимопомощь и взаимовыручку воспитанников. Соблюдалось правило «сговора», обеспечивавшее единство действий и принцип «не выдавать», спасавший воспитанников от индивидуальных жестоких наказаний со стороны начальства. «Воспитанники, нарушавшие традиции, и в первую очередь доносчики, выбраковывались из кадетской семьи и подвергались остракизму»⁸⁹. В закрытом коллективе военной гимназии между воспитанниками существовала «круговая порука», которая сплачивала их в тесную семью, «освящала обычай взаимопомощи и взаимовыручки». В кадетах воспитывалась «готовность и в будущем помогать сослуживцам»⁹⁰. Товарищество между воспитанниками становилось

ся от «кадетского товарищества» — круговой поруки среди воспитанников, уже было невозможно (Гребенкин А. Н. Негативные традиции воспитанников военных учебных заведений Российской империи в 1-й половине XIX века // Научные ведомости Белгородского Государственного Университета. История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. Вып. 10. № 7 (62). С. 135).

⁸⁶ Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова. С. 34.

⁸⁷ РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1.

⁸⁸ Аксельрод Л. И. (Ортодокс). Этюды и воспоминания. Л., 1925. С. 19. «По свидетельству сестер Георгия Валентиновича, Варвары и Клавдии, Г. В. был в детстве очень сосредоточенным мальчиком, избегавшим шалости и драк. Самым любимым его занятием было чтение».

⁸⁹ Гребенкин А. Н. Социокультурное взаимодействие между преподавателями и воспитанниками в кадетских корпусах Российской империи в 1801–1855 гг. С. 27

⁹⁰ Гребенкин А. Н. Негативные традиции воспитанников военных учебных заведений Российской империи в 1-й половине XIX века. С. 135.

основой для формирования коллективистских взглядов. У Плеханова новые принципы, вынесенные им из военной гимназии, проявились, когда он вошел в революционное сообщество. Его участники воспринимали друг друга, как единомышленников и своих товарищей по борьбе. Но главное, их объединяли общие морально-нравственные взгляды, «готовность к беззаветной, самоотверженной преданности народному делу»⁹¹.

Гимназическая дружба и товарищество сохранились в памяти будущего политика, как лучшее в годах его отрочества, сыгравшее свою положительную роль в складывании демократического и революционного мировоззрения. Сестры Плеханова — Варвара и Клавдия и Николай Николаевич Позняков (муж Варвары), вспоминая свои беседы с Георгием Валентиновичем в те месяцы, когда они жили у него в Сан-Ремо в 1909–1911 гг.⁹², говорили, что он «много раз с радостью вспоминал свои школьные годы»⁹³.

Роль общественно-политических настроений среди кадетов в выборе Георгием Плехановым революционного пути

Заслужив уважение старших воспитанников военной гимназии, Георгий Плеханов стал входить в их общественно-политические интересы, которые варьировались от нигилистических до государственных. Многие из старших воспитанников начинали учебу в Воронежском кадетском корпусе, когда там шла перестройка отношений между учениками и воспитателями. Старшие братья Георгия: Митрофан, выпущенный из военной гимназии в 1866 году, и Николай, начавший учиться в кадетском корпусе в 1863, и окончивший военную гимназию в 1869 году, были хорошо знакомы с настроениями кадетов. Они могли просвещать Георгия о политических увлечениях воспитанников, особенно Николай, с 1866 по 1869 годы живший в военной гимназии с Георгием «душа в душу».

Пробуждение общественных интересов среди кадетов началось после перемен, наступивших в России в результате поражения в Во-

⁹¹ Дейч Л. Г. Молодость Г. В. Плеханова. С. 145.

⁹² РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 67; РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 607.

⁹³ Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова. С. 34.

сточной (Крымской) войне, и изменения порядков в военно-учебных заведениях. Как писал Плеханов, в «образованном обществе» обнаружилось недовольство внутренним положением в стране, а правительство, опасаясь последствий, решило, что «лучше дать добровольно то, что возьмут, пожалуй, силой»⁹⁴. «Оттепель», начавшаяся в общественной жизни России, сказалась на военно-учебных заведениях. В Воронежском кадетском корпусе при директорстве генерала А. Д. Винтулова (до 1856 года), «кадетам позволили читать решительно все». Один из воспитанников тех лет вспоминал: «Прежний порядок жизни критиковался без снисхождения и признавался ни к чему не годным... Кадеты жадно набросились на чтение... критические статьи, а в особенности публицистические, прочитывались с захватывающим интересом. Интерес к литературе и общественной жизни повлек за собой сборища наиболее рьяных чтенцев, их дебаты о всевозможных вопросах, наконец, выразились в том, что кучкой молодежи стал издаваться свой журнал — рукописный. Но, боже мой, какой сумбур, по большей части, представляли из себя эти литературные дебаты и этот доморощенный журнал?!»⁹⁵. Если Винтулов «привлек в корпус ряд видных общественных деятелей Воронежского края», то в годы директорства либерального генерала А. И. Витаци (1858–1865 гг.) в нем произошли изменения в системе воспитания и преподавания. В корпусе прекратились телесные наказания, введенные предыдущим директором Броневским, «лекции стали носить характер собеседования»⁹⁶. О переменах, происходивших в «образованном обществе», учащиеся узнавали из статей Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, Н. В. Шелгунова, номеров «Колокола», от чего среди них «образовались материалисты и идеалисты...»⁹⁷.

О взглядах кадетов говорит дело юнкеров 2-го Константиновского училища Петра Лукашевича⁹⁸, Ивана Субботина

⁹⁴ Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский. Введение [к немецкой книге 1894 г.]. С. 53.

⁹⁵ Дерфельден фон С. Воспоминания старого кадета // Русская старина. 1903. Т. 115. № 7. С. 81.

⁹⁶ Дерфельден фон С. Воспоминания старого кадета. С. 83.

⁹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. 3 эксп. 1867 г. Д. 129. Л. 51.

⁹⁸ Лукашевич Петр Александрович, ко времени заведения на него дела был 18-ти лет. Родился в Ставропольской губернии. Отец его родился в Чернигове и к 1867 году был капитаном 10-го Кавказского линейного батальона.

и 3-го Александровского училища Михаила Касьянова⁹⁹, заведенное в октябре 1867 года. Следствие возникло после того, как в Петербургском почтамте было перлюстрировано письмо Лукашевича в Москву к своему товарищу Касьянову. В нем «сообщалось о существовании какого-то тайного общества с целью просветить народ и ввести в России конституционное правление»¹⁰⁰. Агентами III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии у Лукашевича были «отобраны письма и бумаги»¹⁰¹. 10 и 16 октября 1867 г. их передали в «Особую следственную комиссию по делам о распространении преступных воззваний... против правительства»¹⁰² под председательством графа П. П. Ланского¹⁰³. Лукашевича и Касьянова арестовали и содержали при III отделении¹⁰⁴. Почти все юнкера, проходившие по этому делу, были выпускниками Воронежской военной гимназии 1866 года, за год перед тем организованной из кадетского корпуса, в котором сблизилась и после зачисления в военные училища вели между собой переписку. В одном из писем упоминался некий Плеханов. Это был брат Георгия Валентиновича — Митрофан, весной 1866 года завершивший учебу в Воронежской военной гимназии. Для окончания подготовки к офицерскому чину 24 августа он был переведен юнкером во 2-е военное Константиновское училище¹⁰⁵. Лукашевич и М. В. Плеханов воспитывались в корпусе и в гимназии с 1862 по 1866 гг.¹⁰⁶. По результатам работы комиссии Ланской

Проживал с семьей в крепости Грозный (ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1867 г. Д. 129. Л. 51, 51 об.).

⁹⁹ Касьянов Михаил Петрович, 19-ти лет, уроженец станицы Аксайской Земли Войска Донского. Отец служил в Войске сотником (к 1867 г. — умер). Мать с другими детьми жила на хуторе Михайловском (ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1867 г. Д. 129. Л. 51 об.).

¹⁰⁰ *Богучарский В. Я.* Общественное движение 60-х гг. под пером его казенных исследователей (неизданный документ) // *Голос минувшего.* 1915. № 4. С. 210.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп., 1967 г. Д. 129. Л. 44.

¹⁰² *Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг.* Т. 1. *Высшие государственные учреждения.* СПб., 1998. С. 130–131.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1867 г. Д. 129. Л. 52.

¹⁰⁴ Там же. Л. 44, 44 об.

¹⁰⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 21. Д. 667. Л. 81 об.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 415. Л. 25.

сообщал главному начальнику III отделения и шефу Корпуса жандармов П. А. Шувалову, что «большая часть писем Лукашевича заключает в себе суждения о нигилизме, социализме и самоуправлении... вызванные чтением книг и журнальных статей политико-экономического, социального и финансового содержания, что при недостатке знаний и научной подготовки легко сбивает с толку учащееся юношество, весьма восприимчивое ко всякого рода теориям и учениям»¹⁰⁷. Документы дела показывали широкий спектр взглядов и общественных интересов кадетов разных военных гимназий России. После поступления в Константиновское училище Лукашевич в декабре 1866 года писал своему товарищу Касьянову о политических взглядах юнкеров: «Ну, так о нашем политическом кружке. Он состоит из воспитанников военных гимназий, из таковых же гражданских гимназий и из юнкеров армии»¹⁰⁸. К числу первых Лукашевич относил воспитанников Новгородской, Полоцкой, Полтавской, Киевской, 1-й и 2-й Петербургских военных гимназий. О выпускниках Киевской военной гимназии он писал, как «о молодых людях, пропитанных польским революционным духом и ведущих споры о восстаниях 1831 и 1863 годов». Делясь впечатлениями о юнкерах Константиновского училища, Лукашевич сообщал Касьянову, что там есть два маленьких кружка: «первый из них — вполне польский и в нем говорят исключительно по-польски, русских называют москалями в бранном смысле и православную веру — еретической; второй кружок — также с польским духом, в нем говорят по-польски только при поляках, а при русских — корчат украинофилов, плачут об Украине, поработченной москалями — варварами»¹⁰⁹. Отвечая Петру Лукашевичу, Михаил Касьянов 3 января 1867 г. писал о Воронежском кадетском корпусе «...назад тому года три или четыре “Колокол” был у некоторых первым журналом и авторитетом в их действиях... книги против правительства имели место во время уроков, перепиской которых заняты были, можно сказать без преувеличения, почти все, и... защита Польши была открыта». Раскрывая политические

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1867 г. Д. 129. Л. 44 об.

¹⁰⁸ Лукашевич имел ввиду юнкеров 2-го Константиновского училища, составивших кружки с разной политической направленностью.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 415. Л. 30–31.

приоритеты воспитанников корпуса, Касьянов в тоже время делился с Лукашевичем своими государственнымческими взглядами: «Я был всегда враг разных политических партий, которые также имели своё место в корпусе. Мало ли было украинофилов, полонофилов, славянофилов и, наконец, просто федералистов, которые желали особого управления каждому племени, роду, словию, так что если бы исполнилось их желание, то в России образовалось бы больше государств, чем в прежней Германии. Желания мои всегда стремились к слитию всех разноплеменностей в одну русскую народность, не исключая и уменьшения прав тех, которые препятствовали такому слитию, если не в народности, то в управлении... Как человек, любящий свое отечество, я не могу не встретить с величайшею радостью настоящие приобретения в Польше, как там ни стараются некоторые показать, что она спокойна, однако же только до поры до времени, и если правительство так деятельно решает этот вопрос, то причиной тому исторические доказательства, сознание самого правительства и общества, а отчасти и той литературы, которая так храбро отбила нападение всей Европы 1863 года»¹¹⁰.

В 1870-х гг., несмотря на официальную реакцию, среди воспитанников Воронежской военной гимназии не переводились любители социальной философии. В. Я. Богучарский,¹¹¹ вспоминая о своей учебе в ней, писал об «умных» разговорах, которые вели он и его товарищи: «В постоянных, хотя, конечно, в высшей степени незрелых дебатах о Бокле и Марксе, о Спенсере и Михайловском, о субъективизме и объективизме в социологии и тому подобных вещах проходили часы нашего досуга в рекреационных залах или прогулках по Дворянской¹¹² с гимназистами»¹¹³.

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1867 г. Д. 129. Л. 48 об. — 49 об.

¹¹¹ Богучарский (Яковлев) Василий Яковлевич (1860–1915) историк русского освободительного движения. Из дворян. Учился в Воронежской военной гимназии с 1871 по 1878 гг. Был переведен в 2-е военной Константиновское училище, которое окончил в 1880 г. За участие в военных народовольческих кружках в 1884 г. был арестован и выслан в Сибирь. В дальнейшем был политическим деятелем, одним из организаторов и членов Совета Союза освобождения (Историческая записка о Михайловском Воронежском кадетском корпусе. С приложением списка воспитанников за 50 лет (1845–1895). Воронеж, 1895. С. 80).

¹¹² Дворянская улица в Воронеже.

¹¹³ РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 214. Л. 6–7

Демократические настроения среди воспитанников гимназии сохранялись в годы учебы Георгия Плеханова, а при директорстве генерала П. П. фон Винклера до 1870 года начальство поддерживало либеральные порядки. С изменением внутренней политики в стране, после покушения Д. Каракозова 4 апреля 1866 года на Александра II, в военно-учебных заведениях ужесточалась дисциплина и введены карательные меры. Ограничения в жизни воспитанников Воронежской военной гимназии начались после прихода нового директора полковника А. П. Тыртова¹¹⁴. На преподавателях и на преподавании эти строгости не сказались. Н. Ф. Бунаков писал: «Хорошо и весело было работать в военной гимназии, в кругу молодых и симпатичных товарищей, не чувствуя в исполнении своего дела ни малейшего гнета начальства, оставаясь самостоятельным в исполнении данной программы. Скоро вместо генерала Винклера¹¹⁵ к нам приехал другой директор А. П. Тыртов, уступавший Винклеру по уму и образованию, но человек свежий, простой, с добрыми стремлениями, и общий ход воспитательно-учебного дела в гимназии не изменился¹¹⁶.

Уже отмеченное выше «увлечение» Георгия Плеханова чтением, стимулировалось, думается, влиянием на него старших гимназистов, обсуждавших между собой новые книги и журнальные статьи. Георгий стремился узнать и войти в интересы своих товарищей. О круге читательских пристрастий юноши достоверно известно немного. Судя по тому, что на уроках Закона Божьего он вел дискуссии с законоучителем, ему был известен труд Ч. Р. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора»¹¹⁷. Гимназист показывал способность к самостоятельной работе с книгами. Как писал Ф. И. Цедербаум, Плеханов «увлекался чтением», это были: «Тургенев, Гоголь, Пушкин, Лермонтов, “Иллиада” Гомера, в последнем классе — Писарев;

¹¹⁴ Смирнов И. Г. В. Плеханов в Воронежской военной гимназии (По архивным документам). С. 143.

¹¹⁵ Н. Ф. Бунаков был принят в гимназию 5 марта 1866 года, после преобразования в 1865 году кадетского корпуса в военную гимназию.

¹¹⁶ Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. СПб., 1909. С. 86–87.

¹¹⁷ Арзаев Ю. Г. В. Плеханов. 1857–1918 (Биографический очерк) С. XIII. Труд Дарвина издан в Лондоне в 1859 г. и вскоре о нем стало известно в России из рецензий, публиковавшихся в журналах.

тайком — случайно попавшиеся произведения Герцена!»¹¹⁸. Приезжая домой летом на каникулы, он, как вспоминали сестры, «долгие часы проводил за книгой, чем даже вызывал недовольство матери»¹¹⁹. Ко времени выхода с военной службы «его любимейшими писателями были Белинский, Чернышевский, из поэтов он больше любил Некрасова»¹²⁰. Из того, что известно об учебе Плеханова в военной гимназии, можно также сделать вывод о его большой тяге, путем самообразования, к познанию окружающего физического и духовного мира. Этот период жизни был для него началом накопления знаний — интеллектуального фундамента, на котором формировалось революционное и философское мировоззрение.

Советский историк и философ Б. А. Чагин писал: «оказавшая молодого Плеханова среда в гимназии оказала исключительное влияние на впечатлительного юношу и сыграла известную роль в формировании его первых общественно-политических воззрений»¹²¹. Историк С. В. Тютюкин высказывался более определенно. Он писал, что в военной гимназии Плеханов «приобщился к либерально-демократическим идеям»¹²². Точнее будет сказать, что будущий политик «приобщался» к развивавшемуся в 1860-х гг. революционно-демократическому направлению общественной мысли. В этом значительно повлиял на него учитель русского языка и словесности Н. Ф. Бунаков. Его методы способствовали осознанию учеником окружающей действительности с революцион-

¹¹⁸ *Дневниковый П.* Из жизни Г. В. Плеханова // Памяти Г. В. Плеханова (Бюллетень ко дню похорон 9 июня 1918 г.). Пг., [1918]. С. 3. Пантелеймон Дневниковый (Ф. И. Цедербаум) (1883–1941) — сотрудник плехановских изданий «Дневник социал-демократа» (1905–1912), «Единство» (1914), секретарь Г. В. Плеханова. По всей вероятности, близко общаясь с Плехановым, он слышал его рассказы о учебе в военной гимназии и в военном училище. По выражению А. О. Дан, «последователь и верный оруженосец Плеханова». Двоюродный брат Ю. О. Маргова («Поговорить с Вами является для меня не только желанием, но и потребностью». Письма А. И. Балабановой к Г. В. Плеханову. 1906–1914 // Исторический архив. 1998. № 2. С. 111).

¹¹⁹ *Френчер А. А.* На родине Г. В. Плеханова. С. 35.

¹²⁰ Там же. С. 38. Интерес к статьям Чернышевского мог пробудить у отдельных гимназистов, в их числе и у Плеханова, преподаватель русской словесности Н. Ф. Бунаков, «преклонявшийся» перед ним.

¹²¹ *Чагин Б. А. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии.* С. 9–10.

¹²² *Тютюкин С. В.* Политическая драма Г. В. Плеханова. С. 221

но-демократических позиций. Система преподавания Бунакова, направленная на нравственно-патриотическое воспитание учеников, строилась, главным образом, на произведениях отечественной литературы, «проникнутых переживаниями, чаяниями и надеждами народа». Эта система, основанная, несмотря на его молодой возраст¹²³, на большом учительском и общественно-политическом опыте, в дополнении с одушевленным стилем ведения занятий, пробуждала в наиболее нравственно чутких учениках сочувствие к страдающему народу. Бунаков, входивший в 1863 году в вологодское отделение общества «Земля и воля»¹²⁴ и в авторский кружок журнала «Русское Слово»¹²⁵, своей манерой преподавания вызывал у наиболее отзывчивых из воспитанников стремление помочь угнетенному народу¹²⁶. На таких гимназистов оказывала воздействие и поэзия Н. А. Некрасова, поэта народной скорби и печали, вызывавшая у них настроения протеста.

О революционности взглядов Г. В. Плеханова в последнем классе военной гимназии

О влиянии Некрасова на воспитанников Воронежской военной гимназии Плеханов писал, вспоминая о коллективном чтении его стихов в последнем классе¹²⁷. В запомнившемся эпизоде из гимназической жизни его друг после прочтения «Железной дороги» признавался, что взял бы ружье и пошел «сражаться за русский народ». О том, как он ответил на слова своего товарища по гимназии, мемуарист в речи, посвященной Некрасову,

¹²³ В 1866 году Бунакову было 29 лет.

¹²⁴ Коробейников В. Н. Общественно-политические взгляды Н. Ф. Бунакова — гимназического учителя Г. В. Плеханова. С. 54.

¹²⁵ Журналы «Русское Слово» и «Современник» в 1863–1866 гг. признавали необходимость коренной ломки основ существующего строя, осуждали либерализм и его сделки с самодержавием, защищали интересы народа (Коробейников В. Н. Общественно-политические взгляды Н. Ф. Бунакова — гимназического учителя Г. В. Плеханова. С. 59).

¹²⁶ Коробейников В. Н. Общественно-политические взгляды Н. Ф. Бунакова — гимназического учителя Г. В. Плеханова. С. 69–73. О воспитанниках Бунакова, которые после окончания военной гимназии приняли участие в революционно-народническом движении, сказано далее.

¹²⁷ Плеханов Г. В. Н. А. Некрасов (речь) // Плеханов Г. В. Сочинения. Т. X. С. 389.

не говорил, но тот случай надолго остался в его памяти. Он был солидарен со своим товарищем. Об этом рассказывала в 1925 году Р. М. Плеханова. По ее словам, он считал тогда, «что на военном поприще сможет служить народу, обратив оружие свое и солдат, которыми будет командовать, на защиту его против угнетения»¹²⁸. Плеханов решил, что, когда будет командовать солдатами, он поднимет их на защиту народа против самодержавия. Причину такого радикального воздействия стихов Некрасова на молодое поколение 1860–1870-х гг., в том числе и на свои взгляды, революционер впоследствии видел в том, что поэт «был выразителем целой эпохи нашего общественного развития». Он писал: «Кто интересуется нравственным или идейным содержанием этой замечательной эпохи, тот найдет в поэзии Некрасова богатейший материал для его характеристики». И далее Плеханов уточнял: «кого интересует идейное и нравственное содержание эпохи образованного разночинца, тот непременно должен обратиться к поэзии Некрасова». В то же время он не отказывал Некрасову во влиянии его стихов на духовное развитие части дворянского сословия. Или, как писал Плеханов, с точки зрения социального слоя, интересы которого выражал Некрасов, — его поэзия влияла на «образованного разночинца», «передового разночинца»¹²⁹. По словам политика, «Некрасов своими стихотворениями» не только «выражал прогрессивные стремления современной ему передовой молодежи», но и «будил» в ней эти стремления¹³⁰. В старших классах военной гимназии у Георгия Плеханова начинает складываться представление, что существующий порядок вещей в российском государстве противоречит интересам крестьянской массы. Но это было скорее чувство протеста против бедственного положения народа, чем идейно сложившаяся уверенность в порочности существующего режима власти.

Юношеский радикализм Плеханова не был единичным среди воспитанников Воронежской военной гимназии. Находились и такие, кто эти настроения реализовывал в конкретных поступках.

¹²⁸ РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 5. (Р. М. Плеханова. «Плеханов и рабочие». Речь на вечере в зале Ленинградской певческой капеллы 3 мая 1925 г.).

¹²⁹ Плеханов Г. В. Н. А. Некрасов. К 25-летию его смерти. С. 379, 383.

¹³⁰ Там же. С. 389.

Известно о двух ее выпускниках 1872 года, которые стали участниками народнического движения революционной молодежи. Константин Гамов, в 1872 г. переведенный в 3-е военное Александровское училище¹³¹, принял участие в московских революционных кружках. На него, по всей вероятности, оказали влияние старшие братья, Дмитрий и Измаил Ивановичи Гамовы. Дмитрий входил в пропагандистский кружок долгушинцев, а Измаил — в московские кружки революционной молодежи. В 1873 году Константин примкнул к «чайковцам», а осенью и зимой этого года братья участвовали в собраниях московской радикальной интеллигенции в квартире Н. С. Кишкиной¹³². После ареста Дмитрия Гамова осенью 1873 года по долгушинскому делу, 15 января 1874 года был сделан обыск у Константина. У него обнаружили дневники, в которых были записи о тяжелом положении народа, и наброски плана социального переустройства России. Нашли также записки Дмитрия, который, для подготовки народной революции, кроме прочего, ставил задачу приобретения оружия. При этом особые надежды возлагались на военные кружки, которые должны были, «овладев войском, расположить к себе солдат». Как пишет исследователь, «все эти материалы были, в основном, результатом совместной работы трех братьев»¹³³. Как сказано выше, после окончания военной гимназии Георгий Плеханов высказывал подобные мысли: на военном поприще служить народу, обратив оружие свое и солдат, которыми будет командовать, на защиту его против угнетения.

Другой однокашник Плеханова — Нефёдов Михаил Дмитриевич в 1872 г., после окончания Воронежской военной гимназии, переведен был в Михайловское Артиллерийское училище в Санкт-Петер-

¹³¹ Историческая записка о Михайловском Воронежском кадетском корпусе. С приложением списка воспитанников за 50 лет (1845–1895). Воронеж, 1895. С. 66.

¹³² Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь (Далее — ДРДВР). Т. 2. Семидесятые годы. Вып. 2. М., 1930. Стлб. 571.

¹³³ Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М., 1965. С. 252–253; ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп., 1873 г. Д. 404, ч. 3. Л. 33, 87, 213; ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 92. Л. 180. Константин был привлечен к дознанию за участие в революционных кружках и в июне 1874 г. уволен с военной службы. 28 августа дело о нем по Высочайшему повелению было прекращено (ДРДВР. Т. 2. Вып. 1. М., 1929. Стлб. 242–244).

бург¹³⁴. Вместе с несколькими юнкерами, учившимися с ним в одном классе училища, он вошел в, так называемый, «кружок артиллеристов», который собирался на квартире поручика Е. Е. Емельянова, помощника начальника мастерской снарядного отдела Патронного завода (на Васильевском острове Петербурга)¹³⁵. Среди них были отставные артиллерийские офицеры С. М. Степняк-Кравчинский, Л. Э. Шишко, Д. М. Рогачев, доказывавшие «необходимость революции, как единственного средства разорвать заколдованный круг, в котором находилось общество». Юнкеры, члены кружка, в числе которых был и Нефёдов, решили оставить военную службу. Выйдя в марте 1873 г. из училища, Нефёдов поступил затем в Технологический институт¹³⁶. Вместе с другими членами «кружка артиллеристов», он поселился в квартире, где жили петербургские студенты, с которыми осенью 1873 года познакомился с революционной литературой: с журналом «Вперед!» П. Л. Лаврова и «Сборником» работ М. А. Бакунина. В результате споров, «кто прав во взглядах на народное дело, Лавров или Бакунин»? — они «склонились на сторону Бакунина». Как рассказывал Нефёдов на следствии, было решено, что «нужно идти в народ, слиться с ним, и жить его жизнью»¹³⁷. В начале 1874 года с другими своими товарищами он отправился «в народ».

Судьба Плеханова сложилась иначе. В революционное движение он включился через два с половиной года после окончания военной гимназии. Можно согласиться с предположением С. В. Тютюкина, что «если бы Плеханов поступил в Горный институт на пару лет раньше, он уже в 1874 году ушел бы в деревню». Подтверждением этого прогноза служат примеры Константина Гамова и Михаила Нефёдова. Историк ссылался на высказывание Георгия Валентиновича, относящееся к концу 1875 года¹³⁸, когда тот уже учился в Горном, о том, что «как и все студенты-революционеры того времени», он был большим народолюбом и собиравал

¹³⁴ ДРДВР. Т. 2. Вып. 3. М., 1931. Стб. 1023, 1024.

¹³⁵ *Бортник М.* В 70-е и 80-е годы на Трубочном заводе (очерк) // Красная летопись. 1928. № 2 (26). С. 178.

¹³⁶ Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник под редакцией В. Базилевского (Богучарского). Том третий (Процесс 193-х) СПб., 1904. С. 55–57.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 8680. Л. 1.

¹³⁸ *Тютюкин С. В.* Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 25.

ся идти в «народ». Тютюкин полагал, что для вступления на революционный путь Плеханову предварительно необходимо было влиться в студенческую среду Петербурга.

Размышляя о предстоящем пути в жизни, юный Плеханов еще в последних классах военной гимназии склонялся к решению избрать для себя судьбу борца за освобождение народа. Через много лет важнейшими человеческими чувствами он называл «стремление к истине, искание серьезного общественного дела, жажду борьбы»¹³⁹. Эти настроения начали складываться в нём в годы учебы в военной гимназии, в которой сформировалось его революционное сознание.

Г. В. Плеханов в военном училище

В мае 1873 года Георгий Плеханов окончил Воронежскую военную гимназию и 7 августа в сопровождении воспитателя и гимназического «дядьки», в группе из шести выпускников, завершивших учебу по 1-му разряду¹⁴⁰, был направлен в Санкт-Петербург во 2-е военное Константиновское училище, которое располагалось на Обуховском проспекте в доме № 1 («у Обуховского моста»¹⁴¹)¹⁴². 10 августа кадеты прибыли в столицу, где их зачислили в 3-ю роту училища¹⁴³. Авторы биографий Г. В. Плеханова писали, что он поступил в Константиновское артиллерийское училище¹⁴⁴. Это неточно. Воспитанники 2-го военного Константиновского

¹³⁹ Плеханов Г. В. Н. А. Некрасов. К 25-летию его смерти. С. 380.

¹⁴⁰ Смирнов И. Г. В. Плеханов в Воронежской военной гимназии (По архивным документам). С. 144.

¹⁴¹ Михневич В. Петербург весь на ладони. СПб., 1874. С. 378. Обуховский проспект начинался от пересечения р. Фонтанки Обуховским мостом в сторону Технологического института.

¹⁴² В это училище определены были воспитанники «более слабые здоровьем». Георгий Плеханов за время пребывания в военной гимназии болел 13 раз (в среднем, 2–3 раза в год). Смирнов И. Г. В. Плеханов в Воронежской военной гимназии (По архивным документам). С. 144.

¹⁴³ РГВИА. Ф. 320. Оп. 1. Д. 252. Л. 187 об.; РГВИА. Ф. 320. Оп. 1. Д. 97. Л. 42 об.

¹⁴⁴ Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов. С. 10; Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. С. 10; Курбатова И. Н. Г. В. Плеханов — историк рабочего движения в России // Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. Статьи 1885–1903 гг. А., 1989. С. 9; Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 20; Бережанский А. С. Плеханов: от народничества — к марксизму. С. 33.

училища в год перевода туда будущего политика получали образование для службы офицерами «в пехотных войсках, но в виде временной меры разрешено выпускать из училища на службу в артиллерию»¹⁴⁵. Переформирование его в артиллерийское произошло в 1894 году¹⁴⁶.

В Константиновском военном училище существовал строгий распорядок и юнкера находились в нём под наблюдением начальства. Ко времени учебы там Плеханова дисциплинарные меры были ужесточены, что стало следствием, по всей вероятности, работы комиссии Ланского по делу Петра Лукашевича, и в целом внутренней политики после покушения на царя Дмитрия Каракозова. Во время следствия Лукашевич рассказывал, что юнкера училища, названные им «нигилистами» так как «разговаривали и смеялись в церкви», в складчину «без разрешения училищного начальства» выписывали журнал «Дело»¹⁴⁷. По его словам, в училище он получил от своих товарищей статью Писарева «Погибшие и погибающие»¹⁴⁸ и книги: Кери «Руководство по социальной науке»¹⁴⁹ и Дрепера «История умственного развития Европы»¹⁵⁰. Комиссия Ланского, придя к выводу, что мнения юнкеров, представленные в их письмах, «складывались на основании городских слухов и вестей», решила, что это стало возможно «только при той бесконтрольной свободе, относительно знакомств и выхода из заведения», которой они пользуются¹⁵¹. Эти выводы, сообщенные

¹⁴⁵ Справочная книжка для юнкеров 2-го военного Константиновского училища на 1874–75 учебный год. Издана под редакцией полк. М. Дегена. СПб., 1874. С. 25.

¹⁴⁶ Константиновское 2-е военное училище. Военная энциклопедия. Т. 13. СПб., 1813. С. 126.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1867 г. Д. 129. Л. 47.

¹⁴⁸ Статья была написана Д. И. Писаревым в Петропавловской крепости в 1866 г. Впервые опубликована в том же году в учебно-литературном сборнике «Луч». По отзыву цензоров: «Статья... в высшей степени оскорбительна для духовно-учебных заведений и для духовного ведомства вообще... речь идет не об одних духовно-учебных заведениях, а говорится вообще о русской школе» (*Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем*: в 12 т. Т. 8. М., 2004. С. 549).

¹⁴⁹ Кери Г. Ч. Руководство к социальной науке. Вып. 1. СПб., 1866.

¹⁵⁰ Дрепер Д. В. История умственного развития Европы. СПб., 1866; ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1867 г. Д. 129. Л. 48–48 об.

¹⁵¹ ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1867 г. Д. 129. Л. 44 об., 50. По результатам работы комиссии Ланского, Петр Лукашевич был выслан на Кавказ рядовым, с лише-

военному министру «для принятия соответственных мер к устранению сего на будущее время»¹⁵², повлияли на дисциплинарные порядки в Константиновском училище. К 1873 году юнкерам запрещались «самовольные сборища, как в училище, так вне оно, с какой бы то ни было целью, а также всякое выражение общего одобрения или неодобрения». Запрещалось участвовать в тайных кружках и обществах, «даже и без предосудительной цели»¹⁵³. Оберегалась честь и нравственность будущих офицеров. В увольнении, находясь «в театрах, цирках, концертах и на публичных лекциях дозволялось» занимать места «не ближе 7 ряда кресел и стульев». Посещение же «театров Берга¹⁵⁴ и Буфф¹⁵⁵» воспрещалось¹⁵⁶.

нием права на производство в офицеры через три года (ДРДВР. Т. 1. Вып. 2. М., 1928. Стлб. 221). Ланской предлагал перевести Лукашевича в крепость Грозный, «поручив его непосредственному наблюдению отца и начальства» (ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1867 г. Д. 129. Л. 52). Касьянов был освобожден, «так как обнаружил патриотические чувства и похвальное поведение» (ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1867 г. Д. 129. Л. 52, 52 об.).

¹⁵² ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1867 г. Д. 129. Л. 52об.

¹⁵³ Справочная книжка для юнкеров 2-го военного Константиновского училища на 1874–75 учебный год. С. 26.

¹⁵⁴ Театр Берга находился на Екатерингофском проспекте в Коломенской части. Был деревянным, вместимостью до 900 зрителей. Открывался только в зимний сезон. Ежедневные спектакли состояли из «французских шансонет и интермедий», а также «небольших русских пьесок, гимнастических упражнений и балетных сцен» (Михневич В. Петербург весь на ладони. С. 223).

¹⁵⁵ Театр Буфф находился на Александринской площади и содержался Фигнером. Здание было деревянным, несколько лет в нем был цирк. Театр открывался в зимние сезоны и «давал ежедневные французские спектакли, оперетки, сцены, шансонетки и танцы» (Михневич В. Петербург весь на ладони. С. 223).

¹⁵⁶ Справочная книжка для юнкеров 2-го военного Константиновского училища на 1874–75 учебный год. С. 80. О театральных увлечениях петербургского общества конца 1860-х годов П. А. Кропоткин писал в своих «Записках революционера: «вкусы “общества” падали все ниже и ниже. Итальянская опера, прежде служившая радикалам форумом для демонстраций, теперь была забыта. Русскую оперу... посещали лишь немногие энтузиасты. И ту и другую находили теперь “скучной”. Сливки петербургского общества валили в один пошленький театр Берга, в котором второстепенные звезды парижских малых театров получали легко заслуженные лавры от своих поклонников, конногвардейцев. Публика шла на “Прекрасную Елену” с Лядовой, в Александринском театре, а наших великих драматургов забывали. Оффенбаховщина царила повсюду» (Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966. С. 234).

«Революционное ядро» Константиновского училища и Плеханов

Познакомившись с юнкерами училища, Георгий Плеханов нашел среди них единомышленников, составивших кружок. Несмотря на все санкции и надзор начальства, у них сохранялась библиотека запрещенных книг: «По рукам ходил Герцен и Чернышевский, подпольные издания: лавровский “Вперед”, бакунинские листки»¹⁵⁷. Плеханов вспоминал, что среди юнкеров «создалось небольшое ядро революционеров»¹⁵⁸. Поступив в училище, он стал считаться состоящим на действительной военной службе и был приведен к присяге¹⁵⁹. После приезда весной 1917 года в Петроград, в беседах о своем отношении к Временному правительству и защите революционного отечества, Плеханов рассказывал о себе: «Помню, перед присягой, некоторые товарищи обратились ко мне с вопросом: “Как же ты будешь присягать царю, если ты против самодержавия?”. Я ответил: “В формуле присяги говорится о верности царю и отечеству, и если интересы царя и отечества разойдутся между собой, я буду защищать отечество, изменив царю (курсив мой. — В. К.), а вы измените отечеству, если будете защищать царя”»¹⁶⁰.

Оставление Г. В. Плехановым военной службы

Вскоре после начала учебы в Константиновском училище Плеханов решил выйти из военной службы. Хотя сделать это он мог и после его окончания, выйдя в отставку: в отношении воинской повинности юнкера считались вольноопределяющи-

¹⁵⁷ Дневниковый П. Из жизни Г. В. Плеханова. С. 3. Как считал историк Чумаченко, в Константиновском военном училище Плеханов был «убежденным противником самодержавия» (Чумаченко В. Г. Страницы жизни и деятельности Г. В. Плеханова. С. 133).

¹⁵⁸ Г. В. Плеханов в свободной России. Пг., 1917. С. 28.

¹⁵⁹ Приказ по военному ведомству № 105 от 4 апреля 1873 г. («О том, с какого времени считать юнкеров военных училищ на действительной службе») // Россия. Приказы по военному ведомству. 1873 год; Ежегодник русской армии за 1873 и 1874 гг. Часть 2. СПб., 1874. С. 219.

¹⁶⁰ Г. В. Плеханов в свободной России. С. 28.

мися¹⁶¹. Тем не менее, он пожелал теперь же выйти из военной службы. Как принявшему присягу, для этого необходимо было подать прошение шефу училища великому князю Михаилу Николаевичу.

Решение Плеханова завершить учебу в училище, историки объясняли по-разному: «состоянием здоровья... и с согласия матери»¹⁶²; «пришедшим пониманием, что военная служба не для него и состоянием здоровья»¹⁶³ и, наконец, разочарованием в военной службе в результате пришедшего понимания, что «интересы царя расходятся с интересами отечества», к чему подготовлен он был «всеми ходом своего умственного развития за время пребывания в Воронежской военной гимназии»¹⁶⁴. При этом автор ссылаясь на высказывание молодого человека о положении русского «военного сословия», присягающего служить правительству «с оружием в руках до последнего издыхания», но в том случае, когда «интересы царя расходятся с интересами отечества», предлагавшего офицерам «идти против царя на защиту отечества»¹⁶⁵. Надо заметить, что из этого не следовало, будто Плеханов сам «разочаровался в военной службе». Об этом было сказано выше. Ссылаясь на приведенную цитату из Плеханова, Бережанский далее произвольно переносил ее на взгляды своего героя в 1873 году. Он считал, что «многочисленные аресты, происходившие в то время» в связи с «хождением в народ», стали «причиной разрыва Плеханова с военной карьерой», так как он, «принадлежа к военному сословию», стал сознавать, что «в случае народного выступления не сможет выполнить то, что падает на долю армии»¹⁶⁶.

¹⁶¹ Справочная книжка для юнкеров 2-го военного Константиновского училища на 1874–75 учебный год. С. 26.

¹⁶² *Иовчук М., Курбатова И.* Плеханов. С. 11; *Курбатова И. Н. Г. В.* Плеханов — историк рабочего движения в России. С. 9. Курбатова добавляла, что Плеханов подал рапорт об увольнении с военной службы с согласия матери.

¹⁶³ Плеханов «пришел к выводу, что военная карьера не для него, поэтому подал рапорт с просьбой отчислить его из училища по состоянию здоровья» (*Тютюкин С. В. Г. В.* Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 21).

¹⁶⁴ *Бережанский А. С. Г. В.* Плеханов: от народничества к марксизму. С. 6; Плеханов: от народничества — к марксизму. С. 32.

¹⁶⁵ *Плеханов Г. В.* Послесловие к обвинительному акту по делу Софьи Гинсбург // Плеханов Г. В. Сочинения. Т. XXIV. М.; Л., 1927. С. 315.

¹⁶⁶ *Бережанский А. С. Г. В.* Плеханов: от народничества к марксизму. С. 6; Плеханов: от народничества — к марксизму. С. 33. Многочисленные аресты среди молодежи, двинувшейся «в народ», происходили в 1874 г.

Причиной оставления Георгием Валентиновичем военной службы были другие обстоятельства, происходившие весной и осенью 1873 года. Об этом говорило его прошение об увольнении с военной службы. В алфавитном списке юнкеров, начавших службу в училище в 1873 году, записано, что Плеханов, «согласно прошения, уволен по домашним обстоятельствам (курсив — В. К.) в отставку без именованя военным званием 18 ноября 1873 г.»¹⁶⁷, и тогда же был «исключен из довольствия в 3-й роте»¹⁶⁸. «Домашними обстоятельствами», послужившими причиной для подачи им прошения об увольнении с военной службы, по всей вероятности, была смерть 7 мая 1873 года его отца Валентина Петровича. Семья осталась без главы и с долгами, из-за чего на имение Плехановых был наложен частичный арест, и грозило финансовое разорение. Марии Федоровне пришлось начать судебную тяжбу и затем с торгов выкупать родовую землю в деревне Гудаловка Липецкого уезда¹⁶⁹. Только в мае 1875 года она вступила в права владения всей оставшейся после мужа землей¹⁷⁰, состоявшей из 93-х десятин. Хотя дети В. П. Плеханова от первого брака были самостоятельны, но на попечении у его вдовы остались малолетние дочери и больной младший сын (Александра, Варвара, Клавдия, Федор). На Марию Федоровну легли заботы о расстроеном имении. Для Георгия Плеханова средством обеспечить существование свое и семьи стало получение гражданского высшего образования. На решение Плеханова уволиться с военной службы повлияли также встречи с офицерами сокурсниками его брата Митрофана, слушателя Николаевской Академии Генерального штаба. Митрофан, имевший по словам сестер «скептический образ мыслей, не одобрял политических «увлечений» Георгия, тем не менее он снисходительно наблюдал, как тот «обращался с революционной проповедью в кругу его товарищей

¹⁶⁷ РГВИА. Ф. 320. Оп. 1 Д. 252. Л. 187 об.

¹⁶⁸ РГВИА. Ф. 320. Оп. 1. Д. 97. Л. 162; *Бережанский А. С.* Плеханов: от народничества — к марксизму. С. 33.

¹⁶⁹ Представителем Марии Федоровны в судебных делах выступал ее доверенный, отставной офицер подпоручик Михаил Иванович Миклашевский (Государственный Архив Липецкой Области (ГАЛО). Ф. 183. Оп. 1. Д. 1. Л. 245).

¹⁷⁰ Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. Тамбов, 1928 г. № 3. С. 68.

по Академии Генерального штаба». Ответ одного из слушателей-офицеров был столь же снисходителен: «Ну что же, Георгий Валентинович, когда будет власть на вашей стороне, на стороне революционеров, мы перейдем на вашу сторону, а теперь еще рано!»¹⁷¹. Эти встречи и разговоры происходили не позже осени 1873 года, когда Плеханов находился в военном училище и мог говорить о значении офицеров для внесения в солдатскую массу революционных идей¹⁷². Этот эпизод характеризует его умонастроение в осенние месяцы 1873 года после окончания военной гимназии. Будущий политик надеялся привлечь на сторону народа офицеров, но его попытка была неудачной. Призыв к революционной агитации солдатской массы был настолько нереален, что воспринят слушателями Академии Генерального штаба снисходительно, как к мечтаниям незрелого юноши. Р. М. Плеханова, передавая рассказ об этом, по всей вероятности, слышанный ею от Георгия Валентиновича, писала, что результатом встреч с офицерами — товарищами Митрофана, стало решение Плеханова уволиться с военной службы.

¹⁷¹ РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 6. В Академии Генерального Штаба в 1861 г. был революционный кружок, возглавляемый Ярославом Домбровским, в 1871 г. ставшим «генералом» Парижской Коммуны. После выстрела Каракозова 4 апреля 1866 г. наступила реакция, повлиявшая на нравственное состояние либерального общества. Александр II был напуган, «окружил себя крайними ретроgrадами и сделал их своими ближайшими советниками». П. А. Кропоткин писал: «В шестидесятых годах в России, а в особенности в Петербурге, было много передовых людей, которые, как казалось тогда, готовы были всем пожертвовать для своих убеждений. Их кодекс житейской философии заключался теперь в пословицах: “мы кое-что уже сделали, не требуйте большего от нас” или: “потерпите, такое положение вещей долго не продержится”. Муравьев (генерал М. Н. Муравьев-Виленский. — В. К.) обещал искоренить всех радикалов в Петербурге, и потому все имевшие радикальное прошлое трепетали теперь, страшась попасть в лапы вешателю. Больше всего сторонились они от молодежи, чтобы не запутаться как-нибудь в опасное революционное общество» (*Кропоткин П. А. Записки революционера*. С. 233, 237).

¹⁷² А. С. Бережанский считал, что разговоры Г. В. Плеханова с сокурсниками брата Митрофана происходили зимой — весной 1875 г.: будучи юнкером военного училища, он не мог произносить таких речей, так как в 1873 г. «его жизненный путь еще не определился» (*Бережанский А. С. Плеханов: жизнь, судьба, завещание*. М., 2016. С. 46). Такой взгляд не правомерен: поступив в Горный институт и на первом курсе увлекшись учебой, Плеханов терял моральное право призывать офицеров к нарушению воинской присяги. Об обратном говорят и воспоминания Р. М. Плехановой.

В последнем классе военной гимназии Георгий Плеханов соби­рался выступить на защиту народа с помощью солдат, которы­ми будет командовать. В Константиновском училище он принял военную присягу, но не отказался от своих намерений выступить, как военному, на защиту народа. После бесед с офицерами Плеха­нов понял, что помощь народу с его стороны, как военного, — не­реальна и его намерения не выполнимы, хотя и не считал выступ­ление против царя противоречащим военной присяге.

Формирование у Г. В. Плеханова революционно-на­роднических взглядов после увольнения с военной службы

Как вспоминала сестра Клавдия Валентиновна, в декабре 1873 года Георгий приехал в Гудаловку¹⁷³. Подавая прошение об отставке с военной службы, он намеревался поступить затем в какой-либо гражданский институт. Из училища молодой человек писал матери, что «преподаватели говорят ему, что при его спо­собностях ему надо учиться в университете», с чем Георгий со­глашался¹⁷⁴. Но для поступления в университет необходимо бы­ло иметь классическое образование, окончить 8 классов гимназии. Дейч отмечал, что Плеханов намеревался поступить в Медико-Хи­рургическую Академию и «стал готовиться по латинскому язы­ку», но по каким-то причинам «изменил это намерение и подал просьбу о приеме в Горный институт»¹⁷⁵, в котором его привлека­ло изучение естественных наук¹⁷⁶. Для поступления туда достаточ­но было программы реальных училищ, к числу которых относились военные гимназии. Он стал готовиться и 22 августа 1874 года по­дал прошение директору института генералу Кокшарову с прось­бой допустить его к приемным экзаменам¹⁷⁷. Поступив в инсти­тут, он увлекся учебой и в происходивших в тот год «волнениях» студентов-первокурсников, протестовавших против ограничения корпоративных свобод, не принимал участия. В декабре 1874 года

¹⁷³ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л. 5.

¹⁷⁴ Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова. С. 36.

¹⁷⁵ Дейч Л. Горняк Г. В. Плеханов // На пути к победе. Из революционной исто­рии Горного института. Л., 1925. С. 24.

¹⁷⁶ РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. Хр. 9. Л. 1об.

¹⁷⁷ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 5.

Георгий не приехал в Липецк, куда на рождественские и новогодние праздники собирались старшие братья-офицеры. В этот год приехал только Митрофан¹⁷⁸. После успешного окончания 1 курса материальное положение семьи в Липецке заставило Плеханова искать возможность получать стипендию. В мае 1875 года он подал прошение директору Горного института: «Имея отметки, позволяющие мне надеяться на получение стипендии, имею честь просить ходатайства Вашего превосходительства перед Советом института о выдаче мне просимой стипендии...». В приложенном к прошению свидетельстве об имущественном положении семьи, подписанном Липецким предводителем дворянства, указывалось, что «после смерти отца у Плехановых осталось не более 50 десятин земли»¹⁷⁹. Уже 3 июня Совет института постановил с июля назначить Плеханову Екатеринбургскую стипендию.¹⁸⁰

О знакомстве Г. В. Плеханова с участниками пропагандистского кружка в Тамбовской губернии

В то время, когда Плеханов жил в Гудаловке и, как вспоминала его младшая сестра Клавдия Валентиновна, занимался в кабинете отца¹⁸¹, весной 1874 года началось массовое «хождение» молодежи «в на-

¹⁷⁸ Клавдия Валентиновна писала: «Долго не верила мамаша, что Жорж не придет. Долго прислушивалась к шуму проезжавших саней. Ей казалось, что все они останавливаются у нашего дома, и каждый раз при этом она говорила: “а вот и Жорж приехал”. Наконец, она овладела собой» (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л. 8 об. — 9).

¹⁷⁹ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 7. Предполагалось, что эта цифра была занижена предводителем, но надо учитывать, что часть имения Плехановых тогда еще находилось под арестом из-за долгов, оставленных В. П. Плехановым.

¹⁸⁰ Группа «Освобождение труда». Сборник 3. М.; Л., 1925. С. 314; *Дейч Л. Горняк Г. В. Плеханов*. С. 26.

¹⁸¹ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л. 5 об. «В конце марта в один из дней пасхи» 1874 г. в Гудаловке сгорел господский дом, а вместе с ним родовые портреты и большая библиотека отца Плеханова. Георгий в это время болел грудной жабой, и мать запретила ему тушить пожар, не отдав при этом никаких распоряжений крестьянам, которые собрались в праздничный день. Незадолго до пожара она застраховала дом в Гудаловке, но, как потом оказалось, страховое свидетельство не было получено (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л. 6 об.; *Бережанский А. Годы на родине // Собеседник*. Воронеж, 1971. С. 88).

род». Движение коснулось Тамбовской губернии, где существовал кружок, организованный сельским учителем Н. С. Никифоровым и дворянином А. И. Фаресовым¹⁸², занимавшихся устройством в Тамбове мастерских на артельных началах. По определению жан-дармского дознания, мастерские «должны были служить для распространения социально-революционных идей среди рабочих»¹⁸³. В кружок входили: С. И. Арев, Г. П. Сазонов, А. И. Прозоровский¹⁸⁴,

¹⁸² Никифоров Николай Степанович (1850–1912) — незаконнорожденный сын крестьянки. В 1867 г. выдержал экзамен при Тамбовской гимназии на звание сельского учителя и в первой половине 1870-х гг. был сельским учителем в селе Большие Липовцы Тамбовского уезда. В 1873–1874 гг. познакомился с небогатым дворянином А. Фаресовым и занимался с ним устройством мастерской на артельных началах, как центра для организации пропаганды среди народа. В 1874 г. Фаресов познакомил его с Д. М. Рогачевым и П. И. Войнаральским, приезжавшими летом в Тамбов. Никифоров был арестован 11 июля 1874 г. в Тамбове (ДРДВР. Т. 2. Вып. 3. Стлб. 1033, 1034; ДРДВР. Т. 2. Вып. 4. М., 1932. Стлб. 1801).

Анатолий Иванович Фаресов (1853–1928), дворянин, сын коллежского советника. В 1873 г. жил в селе Большие Липовцы с Никифоровым, которого познакомил с Д. Рогачевым и П. Войнаральским. В мае 1874 г. приехал в Саратов, где стал работать в сапожной мастерской Иоганна Пельконена. Занимался фальцовкой пропагандистских книг, привезенных из типографии чайковца И. Н. Мышкина. 31 мая 1874 г. избежал ареста при разгроме мастерской Пельконена. Но на следующий день был арестован при попытке выехать в Самару. Был привлечен к дознанию по «делу 193-х». С 3 по 27 ноября 1876 г. содержался в Петропавловской крепости. Затем переведен в Дом предварительного заключения. Судился по процессу 193-х. Приговорен к гласному надзору полиции на три года с ограничением места жительства. В сентябре 1880 г. получил разрешение жить в Петербурге. Переменил свои революционно-народнические взгляды на земско-либеральные (ДРДВР. Т. 2. Вып. 4. Стлб. 1801–1802).

¹⁸³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 8682. Л. 2.

¹⁸⁴ Арев Семен Иванович, мещанин, владелец оружейной мастерской в Тамбове. За сношения с Фаресовым, Никифоровым и другими пропагандистами был арестован по делу «о преступной пропаганде в Империи». По высочайшему повелению 19 февраля 1876 г. за недостатком улик освобожден от взыскания. Выступал свидетелем на процессе 193-х (ДРДВР. Т. 2. Вып. 1. Стлб. 50). На процессе 193-х Арев рассказывал, что Никифоров познакомил его с Вольским (Рогачевым), который обещал прислать человека для учебы в оружейной мастерской (Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания особого присутствия Правительствующего Сената. Т. 1. СПб., 1878. С. 554–555).

Георгий Петрович Сазонов (1857 (1852)–?), сын купца. Мещанин города Валуйки Валуйского уезда Воронежской губернии. Воспитывался в Воронежской и с 1870 г. в Тамбовской гимназиях, курса не окончил. Живя с родны-

В. И. Успенский¹⁸⁵, Н. Г. Фирсов¹⁸⁶ и другие ... После разгрома 31 мая 1874 года саратовского центра революционной пропаганды, артельная мастерская в Тамбове должна была «скорейшим образом» стать

ми, занимался подготовкой к поступлению в университет. В первой половине 1870-х гг. принимал участие в революционно-народническом движении. В 1874 году он занимался организацией артельной мастерской в Тамбове, как производительной ассоциации рабочих. Ареву, владельцу оружейной мастерской, он предлагал вступить в это предприятие. Арев на допросе показывал, что познакомился с Сазоновым у В. М. Бурцева, чиновника Тамбовской земской управы, работавшего в оружейной мастерской и, по словам Арева, «приходившего к нему в ремесленной блузе и длинных сапогах» (в дальнейшем Бурцев привлекался по делу «о преступной пропаганде в Империи»). Сазонов рассказывал Ареву «о существовании артелей рабочих в Петербурге и Харькове, о их выгодах, и убеждал его устроить артель, которую руководили бы ученые». 17 августа 1874 г. у Сазонова в городе Валуйках, где он тогда жил, был сделан обыск. В тот же день его арестовали и отправили в Тамбов для производства дознания. При обыске у Сазонова найдена была переписка, «указывавшая на близкие его отношения с Никифоровым, Аревым, Фаресовым и Успенским». Были «взяты» также сочинения Герцена и переписка с учениками Харьковского ветеринарного института. 28 сентября 1874 года жандармы дали ему такую характеристику: «Сазонов — личность более или менее серьезная, с характером, некоторым тактом жизненным и достаточным умом, озлобленным и направленным самым вредным образом на окружающих его лиц». Следствие в отношении него продолжалось до декабря 1875 года, после чего за ним учрежден был особый надзор полиции. Следствие в отношении него продолжалось до декабря 1875 года, после чего за ним учрежден был особый надзор полиции (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 6829. Л. 2–2 об., 5; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. 3 эксп. 1874 г. Д. 144. Ч. 5. Л. 52–53).

Аполлон Иванович Прозоровский, сын личного дворянина, титулярного советника. Родился около 1854 г. Летом 1874 г. через Никифорова познакомился с Д. М. Рогачевым и получал от него пропагандистские книги для народа. После ареста и освобождения до решения дела с 3 сентября 1875 г. находился под надзором полиции. 23 января 1878 г. на процессе 193-х признан невиновным. Выслан на родину под надзор полиции. До 1878 г. был студентом Харьковского ветеринарного института, не окончил курса. В феврале 1890 г. освобожден от надзора полиции (ДРДВР. Т. 2. Вып. 3. Стлб. 1268–1269).

¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 8682. Л. 1–2.

¹⁸⁶ Николай Григорьевич Фирсов (1852–?), из дворян. По окончании Тамбовской гимназии поступил в Харьковский ветеринарный институт. Летом 1874 г. жил в Тамбове, где через Н. С. Никифорова познакомился с Рогачевым, с которым собирался идти в народ. Привлечен к дознанию по делу о пропаганде в Империи. По распоряжению начальника Тамбовского ГЖУ 16 октября 1874 г. подчинен в Харькове негласному надзору. По высочайшему повелению 19 февраля 1876 г. освобожден от взыскания по недостатку улик. Был свидетелем на процессе 193-х. В 1876 г. получил звание ветеринара (ДРДВР. Т. 2. Вып. 4. Стлб. 1837).

местом сбора пропагандистов¹⁸⁷. Участники движения Д. М. Рогачев и П. И. Войнаральский, скрывавшие для членов тамбовского кружка свои имена под псевдонимами, привозили в город пропагандистскую литературу для народа. Ее чтением и распространением занимались учащиеся Тамбовской гимназии, среди которых был Прозоровский, окончивший в 1874 году 7 класс, и его товарищ по гимназии Н. К. Кульчицкий¹⁸⁸. Последний, выступая, как свидетель, на «процессе 193-х», утверждал, что пропагандистские книги для народа появились в Тамбове около первой половины июня 1874 года. От Никифорова он получил для прочтения: «Сказку о четырех братьях», «Новый сборник песен и стихов» и «Историю французского крестьянина». Такие же книги были у Прозоровского, который передавал их для прочтения своим знакомым. Около 20 июня он уехал в Моршанск к своему отцу, смотрителю тюремного замка, а 15 июля у молодого Прозоровского был произведен обыск¹⁸⁹.

Плеханов, по рассказу сестер, «отправляясь в Петербург для поступления в Горный институт», встретил «молодого Прозоровского», который «познакомил его с революционными идеями». Встречаться с Прозоровским при переезде в столицу Георгий Валентинович не мог. Свидетельство «на свободный проезд по собственным надобностям в столичный город С.-Петербург и пребывание там» он получил из Липецкого уездного полицейского управления 9 августа 1874 года¹⁹⁰. К этому времени Прозоровский находился под арестом. Сестры передавали слова матери Марии Федоровны, считавшей, что Георгия «с революционны-

¹⁸⁷ Итенберг. Б. С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. С. 309.

¹⁸⁸ Николай Константинович Кульчицкий (1856–1925) после окончания Тамбовской гимназии в 1874 г. поступил в Харьковский университет. Привлекался по делу о пропаганде в Империи по обвинению в чтении запрещенных книг. С 22 сентября 1874 г. подчинен надзору полиции. По высочайшему повелению 12 августа 1876 г. дело о нем разрешено в административном порядке с подчинением негласному надзору. На процессе 193-х был свидетелем. В 1880 г. окончил курс университета со званием лекаря. Стал профессором гистологии Харьковского университета и впоследствии сенатором. Был последним министром народного просвещения Российской империи (с 28 декабря 1916 по 27 февраля 1917 гг.) (ДРДВР. Т. 2. Вып. 2. Стлб. 712).

¹⁸⁹ Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания особого присутствия Правительствующего Сената. С. 556–560, 621.

¹⁹⁰ Бережанский А. Годы на родине. С. 88.

ми идеями» познакомил «студент Прозоровский», в доме которого жила Софья Валентиновна, по мужу Вечеслова, сводная сестра Г. В. Плеханова¹⁹¹. В. И. Дмитриева, будущая писательница, учившаяся тогда в тамбовской женской гимназии, вспоминала: «Весь Тамбов был взволнован массовыми обысками и арестами среди учащейся молодежи. Всюду говорили об этом — и в домах, и на ученических партах»¹⁹². Встречался ли Плеханов с Прозоровским, приезжая в Тамбов и живя у сестры Софии Вечесловой, остается не подтвержденным, кроме свидетельства его матери. Разговоры и слухи об арестах в Тамбове доходили и до Липецка, где жили Плехановы. В Липецке жил обер-офицер Г. В. Горячковский, дочь которого, Мария Гавриловна, в 1874 году была арестована в Тамбове и привлечена к дознанию по делу «о преступной пропаганде в Империи по обвинению в имении запрещенных книг и в сношениях с уличенными в пропаганде»¹⁹³. Плеханов знал Г. П. Сазонова, участника тамбовского пропагандистского кружка, и в конце 1870-х гг. вёл с ним переписку, когда тот учился на юридическом факультете Петербургского университета¹⁹⁴.

¹⁹¹ Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова. С. 45. Если такая встреча с Прозоровским была, то она могла происходить не позже середины июля 1874 г.

¹⁹² Дмитриева В. И. Так было. М., 1930. С. 75. Пик арестов выпадает на лето-осень 1874 г., когда было арестовано около 20 человек, так или иначе причастных к пропаганде. Пудовкин С. В. Народническое движение 1870-х гг. в Тамбовской губернии // Вестник Тамбовского Гуманитарного Университета. Гуманитарные науки. История и политология. 2009. Выпуск 6 (74). С. 353.

¹⁹³ Сазонова (Горячковская) Мария Гавриловна, дочь обер-офицера. Родилась в Черниговской губернии около 1851 г. Воспитывалась в Тамбовском институте благородных девиц. В 1873 г. выезжала в Цюрих и Вену с целью прослушивания курса акушерства. После указа правительства осенью 1873 г. о возвращении учащейся молодежи из Цюриха вернулась в Россию. Кратковременно была преподавательницей в Нахичеванском женском пансионе. По высочайшему повелению 19 февраля 1876 г. дело о ней разрешено в административном порядке. После содержания в тюрьме в течении четырех недель, подчинена особому надзору полиции в Петербурге со 2-го апреля 1876 г. «с воспрещением отлучек». Училась на женских медицинских курсах при Николаевском военном госпитале в Петербурге, которые окончила после 1879 г. Находилась под надзором полиции. В середине 1880-х гг. получила права «женщины-врача». В 1875 г. вышла замуж за Г. П. Сазонова (ДРДВР. Т. 2. Вып. 1. Стлб. 303; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 6832).

¹⁹⁴ В начале 1880 г., во время особенно активных поисков Плеханова полицией, Тамбовский губернатор 15 февраля сообщил Петербургскому полицмейстеру, что «есть вероятность предполагать, что Плеханов скрывается в Петербурге, где состоит в близком знакомстве со студентом Петербургского универси-

К 1882 году, окончив университет, Сазонов стал «кандидатом прав» и служил помощником присяжного поверенного¹⁹⁵.

Идеи П. А. Лаврова и М. А. Бакунина в народнической революционности Плеханова

Высказывалось предположение, что после выхода из военного училища Плеханов «под влиянием «хождения в народ» «заинтересовался идейной стороной движения»¹⁹⁶. У себя на родине молодой человек стал свидетелем деятельности пропагандистов, что, несомненно, способствовало развитию его интереса к теоретическим основаниям движения. Пробудился этот интерес после начала «хождения в народ», или под влиянием изучения работ революционных демократов, которым он занимался и в предыдущие годы? Вполне вероятно, что в последних классах военной гимназии и в месяцы, проведенные в училище, он читал доступную ему литературу теоретиков «хождения в народ». Как сказано выше, у членов революционного кружка в Константиновском училище

тета Сазоновым, с которым во время своего отсутствия в городе ведет переписку» (Государственный Архив Тамбовской Области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 2949. Л. 11–12). В 1875 году Г. П. Сазонов, находившийся тогда в тюрьме, женился на М. Г. Горячковой, также арестованной. Ее отец, Гавриил Васильевич Горячковский, с 1883 года состоял попечителем сестер Г. В. Плеханова — Клавдии и Варвары (Позняковой) (ГАЛО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 152. Л. 67–68, 90 об.).

¹⁹⁵ В летние месяцы Г. П. и М. Г. Сазоновы приезжали в Липецк и жили в доме отца Марии Гавриловны (Списки приехавших в Липецк «на воды» // Липецкий сезонный листок. 1882. № 1. 1–10 июня; 1886. № 3. 8 июня; 1887. № 2. 31 мая; 1887. № 7. 5 июня). В конце 1880-х гг. Сазонов был принят на службу в министерство внутренних дел и занимался земскими вопросами, по своим взглядам эволюционировал в сторону легального народничества. Он писал книги о русской крестьянской общине и производственных артелях. Плеханов в реферате, прочитанном в Берне в 1896 г., посвященном полемике «со старыми и молодыми» народокольцами, упоминал сочинение Сазонова «Быть или не быть общине?» (СПб., 1894), в котором, по словам докладчика, тот защищал крестьянскую общину, тем самым борясь с «разлагающим» ее капитализмом. В реферате Плеханов писал: «Борьба с капитализмом — средство, борьба с революцией — цель. Один ли Сазонов так рассуждает?» (Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова : в 3 т. Т. 1. М., 1973. С. 267).

¹⁹⁶ *Бережанский А. С. Г. В. Плеханов: от народничества к марксизму.* С. 8.

был номер журнала «Вперед!», издававшийся за границей под редакцией П. Л. Лаврова¹⁹⁷. К чтению литературы теоретиков народнического движения Плеханова понуждало и разочарование, постигшее его в Константиновском училище. Вполне вероятно, оказавшись вынужденным отказаться от надежд помочь народу, «подняв на его защиту солдат, которыми он будет командовать», Плеханов обратился к активному изучению литературы народнического движения в поиске пути осуществления своих революционных стремлений.

В 1874–1876 гг., по словам Клавдии Валентиновны, чтение было его «увлечением». Она писала: «Мне помнится, летом 74 года Жорж вернулся из Питера после вступительных экзаменов¹⁹⁸. Им очень интересовалось липецкое общество. Но он поглощен был книгами. Редко выходил к гостям, еще реже бывал у кого-нибудь¹⁹⁹... Летом 75-го года приехала домой Варя²⁰⁰ из Тамбовского института, а из Питера приехал Жорж с старшей сестрой Сашей. Жорж сильно увлекался в это время своими книгами»²⁰¹.

¹⁹⁷ В 1873 г. в 1 томе неперидического сборника «Вперед!», издававшегося П. Л. Лавровым на средства, главным образом, петербургского кружка его последователей (А. С. Гинзбурга, А. Ф. Таксиса, В. В. Варзара) была помещена статья Лаврова «Знание и революция», содержащая полемику с М. А. Бакуниным по проблемам подготовки революции в России. В статье излагались тактические взгляды автора на подготовку грядущей революции, которыми стали руководствоваться его последователи. Если Бакунин считал, что крестьянство готово к «всеобщему бунту», и надо только его организовать, то, по мнению Лаврова, речь могла идти об общественном перевороте, время совершения которого укажет «течение исторических событий», и к которому необходимо длительно готовиться. Для этого необходимы, так называемые, «критически мыслящие личности», прошедшие «строгую усиленную личную подготовку» к работе среди народа, а также «длительная пропаганда в народе». Пропагандист должен был «вооружиться основательными знаниями» и отказаться от «всякого участия в государственном строе современной России», чтобы встать в ряды страждущих и обездоленных и объяснять своим братьям-груженникам их права и задачи борьбы, сплотить их для социального переворота (Вперед! Непериодическое обозрение. Цюрих, 1873. Т. 1. С. 12, 18, 23; *Корольчук Э. А.* «Северный союз русских рабочих» и революционное рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге / Под ред. К. Г. Шарикова. Л., 1946. С. 65–67; *Итенберг Б. С.* П. Л. Лавров в русском революционном движении. М., 1988. С. 116–117).

¹⁹⁸ Экзамены для поступления в Горный институт в 1874 г. проходили осенью.

¹⁹⁹ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л. 7.

²⁰⁰ Сестра Г. В. Плеханова.

²⁰¹ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л. 10.

Среди книг, интересовавших будущего политика, вполне вероятно, были работы П. А. Лаврова и М. А. Бакунина, служившие молодежи тех лет идейным основанием движения «в народ», ставшие программами этого движения²⁰². Плеханов мог читать литературу, как лавристовского, так и бакунинского толка. Бакунин и Лавров в вопросе «оценки крестьянства, как главной революционной силы в России», были «более или менее единодушны». Бакунин признавал русский народ «социалистом по инстинкту и революционером по природе», а Лавров считал «крестьянство с его общинным землевладением той почвой, на которой может развиваться будущность большинства русского населения»²⁰³.

Бакунин в 1868 году в 1-м номере женевского журнала «Народное Дело» сформулировал свою анархистскую программу и, обращаясь к разночинной молодежи, писал: «Путь освобождения народа посредством науки для вас загражден; вам остается поэтому только один путь — путь революции»²⁰⁴. В 1873–1874 гг. программное значение для движения «в народ» с целью поднятия крестьянского бунта имела работа Бакунина «Государственность и анархия» и, особенно, «Прибавление А» к этой книге²⁰⁵. В 1868–1869 гг. в газете «Неделя» публиковались «Исторические письма» П. Миртова (П. А. Лаврова), в которых проводилась идея долга «образованных классов» перед народом. В 1870 году «письма» вышли в России отдельной книгой²⁰⁶. Лавров в то время

²⁰² Идеи Бакунина и Лаврова дополнили народническую доктрину Герцена и Чернышевского, «главным образом, по вопросам тактики» (*Троицкий Н. А.* Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 2003. С. 251–252). Появление программ Лаврова и Бакунина было вызвано неосуществлением в 1861–1863 гг. надежд революционных демократов на стихийный крестьянский бунт, о котором они говорили и который ожидали после выхода Манифеста об отмене крепостного права и принятия уставных грамот.

²⁰³ *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века. М., 1958. С. 298–299.

²⁰⁴ *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века. С. 260–261.

²⁰⁵ Книга была отпечатана в Цюрихе и Женеве, а ее первая партия переправлена через границу в октябре — ноябре 1873 г. В конце 1873 — начале 1874 гг. «Государственность и анархия» была широко распространена в кружках революционной молодежи (*Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. С. 220–221).

²⁰⁶ *Итенберг Б. С.* П. А. Лавров в русском революционном движении. С. 106.

был Плеханову ближе, чем Бакунин. И не только от того, что «Исторические письма» публиковались в России. В раннем периоде формирования революционных взглядов Плеханова его чувство личного нравственного долга перед народом получало отклик в «Письмах» Миртова²⁰⁷. Эта книга имела также большое значение для умственного развития Плеханова.

В «Исторических письмах» была выдвинута формула прогресса, который, по мысли Лаврова, заключался в «развитии личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости». Своей «формулой прогресса» автор выражал взгляды и устремления российской радикальной молодежи второй половины 60-х гг. Как было замечено историком В. А. Богучарским²⁰⁸, в ней были воплощены два направления общественной мысли тех лет: взгляды Писарева и идеи Добролюбова²⁰⁹. Задачей своей работы мыслитель считал рассмотрение «условий, необходимых для осуществления прогресса» на пути его движения по предложенной им формуле, которая, как показали ближайшие события, отвечала чаяниям революционной молодежи. По словам Плеханова, молодежь «с удовольствием, не чуждым удивления» увидела в Лаврове революционера²¹⁰.

Умственное развитие личности, по мысли автора, «лишь тогда прочно, когда личность выработала в себе: потребность критического взгляда на все, ей представляющееся, уверенность в не-

²⁰⁷ Думается, что мнение Бережанского о первом прочтении Плехановым «Исторических писем» осенью 1875 г. — ошибочно (*Бережанский А. С. Г. В. Плеханов: от народничества к марксизму.* С. 8). Ссылка при этом на переписку В. М. Гаршина, в которой он указывал, что «Письма...» читались студентами Горного института осенью 1875 г., не доказывает, что и Плеханов тогда же впервые прочел это произведение Лаврова.

²⁰⁸ *Богучарский В.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 103–104.

²⁰⁹ Призыв Писарева сосредоточиться на развитии личности и формировании из интеллигенции «мыслящих реалистов» соответствовал первой части формулы, где идет речь о развитии личности «в физическом, умственном и нравственном отношении». Вторая часть формулы: «воплощение в общественных формах истины и справедливости» следует традициям Добролюбова и Чернышевского (*Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. С. 86).

²¹⁰ *Плеханов Г. В.* О социальной демократии // Плеханов Г. В. Сочинения. Т. IX. М.; П., 1925. С. 6.

изменности законов, управляющих явлениями, и понимание, что справедливость в своих результатах тождественна с стремлением к личной пользе»²¹¹. Соглашаясь, что при настоящем строе общества, «основанном на войне всех против всех, личная польза не только не тождественна с справедливостью, но прямо противоречит ей», Лавров задавался вопросом: «не придется ли при перестройке патологического общественного строя в здоровый принять в основание не борьбу всех против всех, не всеобщую конкуренцию, но возможно тесную и возможно обширную солидарность между личностями?»; и отвечал: «а что такое общественная солидарность, как не сознание того, что личный интерес совпадает с интересом общественным, что личное достоинство поддерживается лишь путем поддержки достоинства всех солидарных с нами людей?». Иначе говоря, «в здоровом обществе справедливость в своих результатах тождественна с стремлением к личной пользе»²¹². Двигателями прогресса, считал философ, являются «критически мыслящие личности», видящие свой интерес «в отыскании истины и в воплощении справедливости». Он выдвигал практический тезис, что «критически мыслящие личности», это меньшинство общества, которое сознает, что его досуг и развитие приобретено или выработано «кровью, страданиями или трудом миллионов». Снять с себя ответственность «за кровавую цену своего развития» это меньшинство сможет, если употребит его на то, «чтобы уменьшить зло в настоящем и в будущем», что является нравственным императивом «развитого человека»²¹³.

Проповедь Лаврова, появившаяся в легальной печати, имела в то время определяющее воздействие, прежде всего, на молодежь, отзывчивую к нравственным ценностям. Плеханов-марксист отвергал первостепенную роль нравственности в поступках людей и считал, что молодежь увлеклась мыслью автора «Исторических писем» «о долге образованных классов по отношению к народу», так как эта мысль «явилась теоретическим выражением ее практического стремления увлечь народ в начинающуюся борьбу ее с правительством...»²¹⁴. Тем не менее, нельзя забывать

²¹¹ Лавров П. А. (П. Миртов). Исторические письма. СПб., 1906. С. 51, 52.

²¹² Там же. С. 54–56.

²¹³ Там же. С. 93–94.

²¹⁴ Литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 8. Ч. 1. М., 1940. С. 116. В литературе отмечалось, что «этические идеи, выдвинутые теоретиками и практика-

о субъективных, по своей сути нравственных стремления молодежи «увлечь народ в борьбу с правительством»²¹⁵. На практике, именно с появлением «Исторических писем», дававших теоретическое обоснование необходимости «уменьшения зла в настоящем и будущем», в разных частях страны начинает стихийно формироваться среди молодежи движение в поиске ответов на вопросы о способах перестройки жизни на справедливых началах, о долге перед обездоленным народом и служении его интересам. Уже в первой половине 1871 года в Петербурге состоялся нелегальный съезд студентов, обсуждавших «программу для кружков самообразования и практической деятельности», во введении к которой излагались идеи «Исторических писем». На съезде присутствовали не только многие петербургские члены образовавшегося тогда народнического кружка «чайковцев», но и представители Москвы, Киева, Харькова, Одессы, Казани. Идея формулы прогресса Лаврова определила направление программы, которая была «разнесена по другим городам России». В результате, легально изданная книга Лаврова «Исторические письма» дала толчок в «практической деятельности революционных кружков», — «к сближению с народом», к «хождению в народ»²¹⁶. Молодежь, «уже давно терзавшаяся сознанием “своего неоплатного долга” перед народом»²¹⁷, увидела в произведении призыв к борьбе, как способу разрешения своих нравственных мучений.

Для борьбы за общественный переворот «критически мыслящим личностям» из интеллигенции, согласно Лаврову, необ-

ми революционного движения 70-х гг., почти не анализировались Г. В. Плехановым». Между тем, «этической проблематике в его идейном наследии этого периода принадлежало значительное место» (*Матковская И. Я. Проблемы этики в трудах Г. В. Плеханова. Автореферат дисс... к. ф. н. М., 1968. С. 8*).

²¹⁵ Увидев, что «Положение об освобождении крестьян от крепостной зависимости» не обеспечивает экономическое освобождение народа, молодежь, наиболее радикальная ее часть, движимая моральными мотивами, стала искать пути для борьбы с самодержавием.

²¹⁶ Книга Лаврова повлияла на умонастроение поколений демократической интеллигенции, ее идеи оказались в одинаковой степени приемлемыми для всех течений революционной мысли России пореформенного периода (*Итенберг Б. С. П. А. Лавров в русском революционном движении. С. 109–111; Семенов М. Г. П. А. Лавров в революционном движении России // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 60*).

²¹⁷ *Троицкий Н. А. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 72.*

ходимо было иметь теоретическую подготовленность. После выхода с военной службы Плеханов, следуя постулату Лаврова, готовился вступить в «борьбу за уменьшение зла в обществе в настоящем и будущем», и относился к этому «на редкость основательно»²¹⁸. Его нравственная революционность начинает наполняться теоретическим содержанием. Не случайно в октябре 1881 года он писал Лаврову: «С тех самых пор, как во мне стала пробуждаться “критическая мысль”, Вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитывавшими и развивавшими мой ум во всех отношениях»²¹⁹. Можно согласиться с мнением, что эти слова не были только данью уважения Лаврову²²⁰. Они отражали влияние его идей на умонастроение юноши в начале 1870-х гг. Приведенная строка свидетельствует, что родственной ему была мысль о необходимости для революционера «критического мышления», которое стало «пробуждаться» у него после чтения автора «Исторических писем». То, что он ставил в один ряд Лаврова, Маркса и Чернышевского говорило, прежде всего, не о его философском эклектизме, а о поиске у этих авторов ответов на волновавшие его вопросы общественного развития России, хотя и с эклектических позиций. Среди перечисленных им мыслителей нет Бакунина, у которого в стихийном народном бунте теории не было места. Своих приверженцев Лавров считал «подготовителями-пропагандистами», которым надо было не столько призывать народ к бунту, сколько просвещать его и призывать к революции²²¹. Работы Лаврова раскрывали перед Плехановым путь к реализации своего «чувства долга» перед народом. Это был путь нравственного самосовершенствования и теоретическое приготовление к осуществлению грядущего социалистического переворота, что соответствовало его научному складу ума. Понимание просвещения, как пути к морально-нравственному совершенствованию и развитию личности, необходимого для выполнения ее долга перед обществом, входило также в этическую концепцию Чер-

²¹⁸ Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 28.

²¹⁹ Письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову // Дела и Дни. Пг., 1921. Кн. 2. С. 86.

²²⁰ Бережанский А. С. Г. В. Плеханов: от народничества — к марксизму. С. 41–42.

²²¹ Пелевин Ю. А. Хожение в народ 1874–1875 гг. // Вопросы истории. М., 2013. № 4. С. 66.

нышевского²²². Не случаен, думается, порядок имен мыслителей в приведенной цитате из письма Плеханова к Лаврову. Сначала он познакомился с работами Лаврова, в начале 1876 года прочел «Капитал» Маркса, а затем стал изучать произведения Чернышевского²²³.

Г. В. Плеханов — «кающийся дворянин»

Участниками революционного движения, начиная с конца 1850-х — начала 1860-х гг., становятся, кроме дворян, разночинцы — выходцы из непривилегированных сословий населения Российской империи. Дворянство с этого времени теряет свое безусловное лидерство в общественном движении. Плеханов писал о 1870-х годах: «Студент-разночинец частью опередил тогда студента-дворянина, частью подчинил его своему влиянию»²²⁴. С практической точки зрения призыв Лаврова отдать долг народу относился непосредственно к молодым дворянам. В 1870-х гг. они преобладали в организациях революционных народников²²⁵. Это были, так называемые, «кающиеся дворяне»²²⁶, которые «сознавали свой социальный, а не лич-

²²² Матковская И. Я. Проблемы этики в трудах Г. В. Плеханова. С. 9.

²²³ Плеханов писал: «Мое собственное умственное развитие совершалось под огромнейшим влиянием Чернышевского, разбор его взглядов был целым событием в моей литературной жизни» (Плеханов Г. В. Чернышевский в Сибири // Плеханов Г. В. Сочинения. Т. VI. М.; Л., 1925. С. 382).

²²⁴ Плеханов Г. В. А. И. Герцен и крепостное право. С. 282. Такой вывод не лишен был личного опыта Плеханова.

²²⁵ Из 664-х участников политических процессов 1871–1880 гг. 263 происходили из дворян (Троцкий Н. А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. Саратов, 1976. С. 339–390).

²²⁶ «Появление этого социального феномена стало следствием ряда явлений в истории России XVIII–XIX вв., вызванных спецификой социальной системы страны... Жертвенность, страстная вера в собственные идеалы и искреннее желание пострадать за народ... в совокупности с той неприглядной картиной народной жизни, которую видела вокруг себя интеллигенция, производили на свет ту самую фигуру “кающегося дворянина”, нигилиста и радикала, готового принести собственное счастье, здоровье и даже жизнь на алтарь т. н. “народного блага”» (Летняков Д. Э. Дворянство как участник революционного движения: российские особенности // Политико-философский ежегодник. Вып. 5. М., 2012. С. 99–100, 102–104).

ный грех, и в нем каялись»²²⁷. Появлению в 1860-х гг. феномена «кающегося дворянина», «народолюбца» способствовали тенденции в обществе, формировавшие у молодежи революционные настроения. Молодые дворяне проникались желанием освободить народ, подняв его на революцию против самодержавного режима, также и потому, что чувствовали свой морально-нравственный долг перед ним. Один из современников писал о взглядах и чувствах дворянской молодежи, воспринимавшей проповедь Лаврова: «Чтобы интеллигенция могла жить интеллигентной жизнью, она должна проедать трудовые деньги народа, должна питаться его соками; чтобы один человек мог учиться и двигать прогресс, необходимо, чтобы, по крайней мере, 10 человек на него работали. Таковы были господствующие идеи нашей молодежи. Взволнованному юноше уже представлялось, сколько человек голодает, потому что он сыт; сколько человек он сделал несчастными, лишь одним своим существованием. Образ замученного, забитого, с укором смотрящего на него мужика преследует его воображение. В оплату же за все страдания, причиненные им мужику, он клянется посвятить всю свою жизнь на служение народу»²²⁸. Эти чувства жалости, сострадания и в тоже время вины перед народом «служили в ту эпоху, — писал Дейч, — первыми стимулами, побуждавшими тогдашнюю передовую молодежь вступать “в стан погибающих за великое дело любви”»²²⁹.

Комплекс вины и личного долга перед народом сформировалось у Плеханова, по всей вероятности, к окончанию военной гимназии. Свидетельством этому служит история с арендой крестьянами земли у его матери Марии Федоровны в деревне Гудаловка. Клавдия Валентиновна Плеханова, вспоминая о том времени, писала: «Ранней весной 74 года крестьяне соседнего села, молокане, сняли у мамы земли под яровой хлеб, также и ту, которая уже была засеяна нами озимым хлебом. Словом, всю землю. Узнав об этом, Жорж очень взволновался. Он объяснял мамаше, как неудобно это своим крестьянам. Он советовал

²²⁷ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 49.

²²⁸ И. П. [И. Н. Присецкий] Заметка о взаимном отношении нарождающихся и действующих в России партий // Вольное Слово. 29 сентября (11 октября) 1881. № 10. С. 6–8.

²²⁹ Дейч Л. Молодость Г. В. Плеханова. С. 129.

ей пересдать землю гудаловцам, а молоконам возратить их задаток»²³⁰. Студент Горного института В. М. Гаршин, с которым Плеханов познакомился в институте, также испытывал чувство нравственного долга перед народом. По приезде в Петербург 14 августа 1874 года он писал матери в Старобельск Харьковской губернии: «Об аренде пишете. Если земля будет отдана Голубу, у меня в шесть лет не будет минуты спокойной. Как хотите, мама. Я все-таки повторю, что не отнимать земли у крестьян — наш нравственный долг; лучше тридцать раз надуть такого кулака-кровопийцу, как Иван Иванович, чем отнимать кусок хлеба у целой деревни... Что хохол Голуб будет меньше истощать землю, чем крестьяне, пашущие сохами и кладущие удобренье, это решительный абсурд, и хоть бы десять Старобельсков говорили мне, я не поверю; это противно здравому смыслу, конечно не хохлацкому»²³¹. «Исторические письма» Гаршин прочитал через год после приведенного письма к матери²³². Судя по этому, феномен нравственного долга перед народом был распространен среди лучшей части дворянской молодежи 1860–1870-х гг., независимо от воздействия произведения Лаврова, в котором прозвучал призыв «к уплате своего долга» народу. О своем «чувстве вины» перед народом Плеханов писал в воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении». В конце 1875 года в Петербурге при встрече с «представителем народа» рабочим-революционером С. В. Митрофановым будущий политик почувствовал, что «в душе шевельнулось смешанное чувство жалости и какой-то неловкости, точно будто я в чём-нибудь перед ним провинился»²³³. Это признание, как нельзя лучше, гово-

²³⁰ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. Хр. 410. Л. 6.

²³¹ *Гаршин В. М.* Из переписки // Литературное Наследство. Из истории русской литературы и общественной мысли. 1860–1890 гг. М., 1977. С. 200.

²³² «Исторические письма» Гаршин читал осенью 1875 года. 30 октября он писал в Старобельск: «Работаю много: утром Институт, потом учу мальчишку 7 л[ет] грамоте... потом домой, до 8 занятия; в 8 часов приходит Володя Латкин с “Историческими письмами”, и мы читаем их вместе. Одному читать ни мне, ни ему невозможно: не хватает терпения, а книжку прочесть непременно нужно. В 11 ч[асов] письма уносятся» (*Гаршин В. М.* Полное собрание сочинений в 3 томах. Т. 3. М.; Л., 1934. С. 48, 51).

²³³ *Плеханов Г. В.* Русский рабочий в революционном движении (По личным воспоминаниям) // Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 57.

рит о его внутренней солидарности с нравственными установками с оппозиционно настроенными элитами. Хотя впоследствии он относился к «дворянам этого разряда» несколько скептически²³⁴.

Кодекс поведения Плеханова-революционера

После окончания военной гимназии Плеханов в Петербурге искал свой стиль поведения в гражданском столичном обществе. В те месяцы, когда он находился в военном училище, особенное влияние на него имел старший брат Митрофан и его товарищи гвардейские офицеры. Дейч писал: «мне Георгий Валентинович не раз рассказывал, как этот брат и его приятели, сильно отличавшиеся привычками и образом жизни от армейских офицеров, преподавали ему, 16-летнему юнкеру, “правила светского поведения”. Так, по его словам, Митрофан при всяком удобном поводе любил повторять: “приличие — прежде всего”. И действительно, соблюдение приличий Плеханов никогда не нарушал»²³⁵.

В Горном институте, оставаясь дворянином в сословном отношении, он стал отождествлять себя, по его выражению, с «de facto разночинцами, деятельность которых не укладывается в сословные рамки»²³⁶. Иначе говоря, оказавшись среди студентов Горного института, Плеханов принял нигилистический кодекс поведения, разночинцы «подчинили» его своему влиянию. «Кающийся дворянин» соединился в нем с революционным разночинцем. Перефразируя выражение Н. А. Бердяева, — в Плеханове-революционере происходила «работа совести» «кающегося дворянина» и «работа чести» разночинца нигилиста²³⁷.

²³⁴ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении (По личным воспоминаниям). С. 66.

²³⁵ Дейч А. Горняк Г. В. Плеханов. С. 24.

²³⁶ Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский. Введение [к немецкой книге 1894 г.]. С. 60. Не случайно, говоря в своих работах о революционных народниках, Плеханов называл их разночинцами.

²³⁷ Народники-дворяне двигались по преимуществу мотивами совести. Народниками-разночинцами двигал мотив чести — требование признания человеческого достоинства. (Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 49).

Плеханов и нигилистское разночинное студенчество Петербурга

Отмечалось, что на первом году обучения в Горном институте Плеханов, «по-видимому, пережил некоторое увлечение нигилизмом»²³⁸. Для молодежи нигилизм²³⁹ не был модой. Это было социальное явление со своими историческими причинами, на котором, как представляется, отразилось свойственное времени тяготение образованного общества к естественно-научным знаниям и прагматизму в жизненных установках.

В новой интеллигентской среде нигилизм внешне проявлялся в отрицании принятых в «образованном обществе» взглядов и норм поведения. О таких взглядах, бывших у Плеханова, свидетельствовали мемуары его сестры Клавдии Валентиновны. Летом 1875 года, после сдачи экзаменов за 1-й курс Горного института, он приехал к родным в Гудаловку с сестрой Сашей, учившейся в Петербурге в училище Терезии Ольденбургской. Клавдия Валентиновна вспоминала, что брат «сильно увлекался в это время... протестом против щегольства». «Все мы и без того не были приучены к щегольству, — писала она, — но Жорж восставал даже и против густых и длинных кос Саши, доказывая, что хороши лишь те волосы, которые легко носить и не требуют большого ухода»²⁴⁰. Летом 1876 года «был Жорж и в этот свой приезд —

²³⁸ Березжанский А. С. Г. В. Плеханов: от народничества к марксизму. С. 7.

²³⁹ Термин «нигилизм» (отрицание чего-либо) вошел в общественный оборот к 1862 г. после выхода романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», в котором автор называл Базарова, одного из своих героев, нигилистом. В 1864 г. термин «нигилизм» использовал Ф. М. Достоевский. В журнале «Эпоха» (1864, № 5) была опубликована его статья «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах». Достоевский называл журнал «Современник» — органом «умеренных нигилистов», а журнал «Русское Слово» — органом «неумеренных нигилистов». Появление понятия нигилизм связывается с разочарованием радикальной разночинской молодежи в действиях правительства, разочарованием положениями крестьянской реформы 1861 года. Надежды на полное освобождение крестьян с наделом земли сменились разочарованием, которое породило «критическое умонастроение, кристаллизовавшееся в чувство отчуждения — непричастности к господствующей культуре, которое стало объединяющим для нигилистического сообщества» (Ицкович М. А. Нигилизм в России 1860-х годов как социокультурное явление. Автореферат дисс... к. и. н. Самара, 2011. С. 12).

²⁴⁰ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л. 10.

протестующим и очень даже протестующим против щегольства», вспоминала сестра²⁴¹.

Внешний облик и стиль поведения молодого человека в 1875–1876 гг. не говорили о его нигилизме. Нигилистическое сознание не затронуло его внешность и стиль поведения. О нем, начала весны 1876 года, вспоминал Л. Г. Дейч: «Своей внешностью и костюмом Плеханов, в противоположность почти всем тогдашним революционерам, нисколько не походил на “нигилиста”»: он одевался чисто, аккуратно, но без претензий на франтовство; волосы на голове причесывал назад, небольшую темно-русую бородку своевременно подстригал, между тем как многие из нас тогда редко прибегали к ножницам и гребню, почему волосы наши находились в “живописном беспорядке”. Манерами, приемами и обращением Плеханов также резко отличался от нас: он был вежлив, корректен, производил впечатление “благовоспитанного молодого человека”»²⁴².

Нигилизм Плеханова не носил поверхностный характер, когда молодые люди, кроме вольного поведения и словесного фрондерства, демонстративно одевались в народный костюм. В провинции такое поведение молодежи вызывало не только осуждение консервативного общества, но и подозрение в «неблагонадежности»²⁴³. Подобное происходило с Н. Н. Позняковым, будущим мужем сестры Г. В. Плеханова — Варвары Валентиновны. Летом 1880 года в Липецке он обратил на себя внимание полиции «неприличным костюмом и резкими неодобрительными суждениями о действиях правительства»²⁴⁴. Тамбовский губернатор 28 ноября 1880 года сообщал в департамент государственной полиции, что летом липецкая городская полиция особенное внимание обратила на родных будущего политика: «на девицу Варвару Валентинову Плеханову и на двою-

²⁴¹ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л. 11 об.

²⁴² Дейч Л. Г. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии. С. 6.

²⁴³ Во второй половине 1860-х годов, после покушения Д. В. Каракозова на Александра II и, как следствие, ужесточения карательной политики правительства, «принадлежность к нигилистическому сообществу стала приравниваться властями к открытому политическому неповиновению» (Ицкович М. А. Нигилизм в России 1860-х годов как социокультурное явление. С. 19).

²⁴⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 290. Д. 5447. Л. 1; ГАРФ. Ф. 109. 3 экспедиция, 1879 г. Д. 548. Л. 249–250 об.

родного брата ее — студента С-Петербургского университета Николая Николаевича Познякова, с которыми Георг Плеханов (так в рапорте. — В. К.) был особенно близок, а также на студента того же университета Николая Иванова Иванова». Позняков и Иванов демонстрировали провинциальному обществу Липецка свой «нигилизм», пренебрегая не только нормами поведения людей своего сословия. Губернатор доносил в Петербург, что «студенты эти, проживая в Липецке, отличались оригинальным костюмом — они носили чересчур длинные волосы, синие очки, длинные пальто, навывпуск красные сорочки и высокие сапоги, избегали всякого знакомства, за исключением Варвары Плехановой, с которой гуляли преимущественно по вечерам». «Иванов и Позняков, — сообщал губернатор, — не редко высказывали весьма резкое неудовольствие против правительственного порядка и служащих лиц в следующих выражениях: «правительство в России очень дурно и никуда не годится»²⁴⁵, правительственных лиц следует «учить палкою быть полезными для народа»²⁴⁶. Плеханов летом 1875 года в Липецке и Гудаловке был вне подозрений полиции. В августе 1876 года, перед тем как он приехал к родным, в Петербурге за ним вели наблюдение жандармы и полиция. Следила ли тогда полиция за Георгием Валентиновичем в Липецке, остается не выясненным.

Нигилистическое сознание Плеханова проявлялось в его вхождении в среду разночинного студенчества и присоединении к тем, кто демонстрировал отказ от взглядов традиционного общества. Войдя в Петербурге в круги нигилистов, он во второй половине 1875 года стал сближаться с их революционной частью²⁴⁷, взгляды и культурный код которой отвечали его намерениям сблизиться с народом, «идти в народ».

Осенью 1875 года, начав учебу на втором курсе Горного института, и сохраняя интерес к отдельным научным дисциплинам, Пле-

²⁴⁵ Ильинский А. Г. В. Плеханов и III отделение // Былое. 1920. № 15. С. 60–61.

²⁴⁶ ГАТО. Ф, 4. Оп. 1. Д. 2985. Л. 10.

²⁴⁷ «Социокультурная среда нигилизма становилась питательной почвой для функционирования и развития революционного движения». Ужесточение карательной политики властей во второй половине 60-х гг. привело к распаду нигилистического сообщества и выделению тех, кто становился участниками революционно-народнического движения (Ицкович М. А. Нигилизм в России 1860-х годов как социокультурное явление. С. 3, 16–17).

ханов стал посещать «многочисленные тогда студенческие сходки», на которых обсуждались, по его словам, «вопросы о “знании и революции”», «хождении в народ», «пропаганде и агитации»²⁴⁸. Темы дискуссий говорили о происходившем осмыслении молодежью неудачной попытки во время «хождения в народ» призвать крестьянство к революции и социалистическому перевороту. Шел поиск новых методов сближения и работы в народе. Как вспоминал Плеханов, «наступившее после арестов 1873–1874 годов затишье уступило место новому оживлению молодежи, на развалинах старых кружков вырастали новые организации, революционные “программы” предшествующего периода заменялись, так называемым, «народничеством»²⁴⁹.

«На одной из студенческих сходок», состоялось знакомство Плеханова с А. Д. Михайловым, поступившим осенью 1875 года в Петербургский Технологический институт. На сходке Михайлов был одет «нигилистом», в красной шерстяной рубашке и высоких сапогах»²⁵⁰. По своим взглядам он всецело не разделял тогда какое-либо из народнических направлений: лавризм, бунтарство, яacobинство²⁵¹, а отдался «организации студенческих кружков саморазвития и помощи пропагандистам»²⁵². Практический «нигилизм» Плеханова имел тогда иное содержание. Он, прежде всего, хотел найти верное направление рево-

²⁴⁸ Плеханов Г. В. Воспоминания об А. Д. Михайлове // Плеханов Г. В. Сочинения. Т. I. М.; Л., 1923. С. 153.

²⁴⁹ Плеханов Г. В. Воспоминания об А. Д. Михайлове. С. 156. Термин «народничество» означал крестьянскую демократию.

²⁵⁰ Плеханов Г. В. Воспоминания об А. Д. Михайлове. С. 153. Воспоминания Плеханова о А. Д. Михайлове, публиковались в 1883 году в заграничном народо-вольческом сборнике «На Родине» № 3.

²⁵¹ Пелевин Ю. А. А. Д. Михайлов в революционном движении 1870-х — 1880-х годов. дисс... к. и. н. М., 1984. С. 38.

²⁵² Живя уединенно в «Измайловском полку», с несколькими товарищами А. Д. Михайлов организовал нелегальный студенческий кружок саморазвития. Через два месяца, усилиями его и еще нескольких человек, «составился... студенческий союз с кассой и федеративными кружками в Медицинской Академии, в Павловском училище, в Университете и других учебных заведениях» (А. Д. Михайлов (материалы для биографии). Автобиографические заметки // Былое. 1906. № 2. С. 162; Пелевин. Ю. А. А. Д. Михайлов в революционном движении 1870-х — 1880-х годов. С. 37. Показания А. Д. Михайлова на следствии // Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. А. Д. Михайлов. М.; Л., 1925, С. 85.

люционной деятельности и выработать свое отношение к ней. По этой причине, присутствуя на студенческих сходках, молодой человек «с напряженным вниманием прислушивался к речам бывалых революционеров»²⁵³ и знакомился с начинающими студентами-«нигилистами», одним из которых был Михайлов. В Технологическом институте, после введения в высших учебных заведениях новых правил занятий, студенты начали коллективно отказываться от посещения «репетиций»²⁵⁴. Михайлов, как писал Плеханов, «отказался от посещения «репетиций», когда «остальные студенты являлись на них самым исправным образом». Он считал их бесполезными и пустой тратой времени, но начавшиеся коллективные студенческие протесты не подерживал²⁵⁵. Новые правила занятий были введены и в Горном институте. В. М. Гаршин писал 15 октября 1875 года: «В Институте новые порядки: дают правила и заставляют подписываться в исполнении их. Мне, впрочем, отчего-то не дали, так что я человек свободный. 7 параграф правил гласит: “всякое корпоративное движение студентов, безусловно, воспрещено”. Покуда все тихо и смирно, да, кажется, так и останется»²⁵⁶. 13 ноября он писал, что «в Институте все благополучно»²⁵⁷. Михайлов в это время был занят организацией студенческих кружков, что, по всей вероятности, было целью его приезда в Петербург и по-

²⁵³ «Все узнанное тогда, — писал А. Г. Дейч, — глубоко западало в его душу, запечатлевалось в его памяти и, поэтому в соответствующее время он сумел впоследствии сделать необходимые, правильные теоретические и практические выводы из узнанных на этих сходках сообщений» (Дейч А. Г. Молодость Г. В. Плеханова. С. 134).

²⁵⁴ Ввиду отсутствия «академической свободы» в учебных заведениях демократическое студенчество готово было прибегать против несправедливостей начальства или профессуры к демонстративным манифестациям, которые официально именовались «беспорядками» и «волнениями». «Из такого положения дел, — писал Плеханов в начале 1890-х годов, — естественно должны были происходить студенческие “беспорядки”, до сих пор повторяющиеся с правильностью астрономических явлений» (Плеханов Г. В. Введение к немецкой книге о Н. Г. Чернышевском // Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934. С. 93; Плеханов Г. В. Сочинения. Т. XII. М.; Л., 1924. С. 137–138; Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский. Введение [к немецкой книге 1894 г.]. С. 57).

²⁵⁵ Плеханов Г. В. Воспоминания об А. Д. Михайлове. С. 154.

²⁵⁶ Гаршин В. М. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 46.

²⁵⁷ Там же. С. 54.

ступления в Технологический институт. Несмотря на то, что он «сдержал слово и не принимал ни малейшего участия в “беспорядках”», его, «как упрямого протестанта против новых порядков, доказавшего свою “злую волю” непосещением репетиций еще в то время, когда другие студенты являлись на них самым исправным образом», административно «водворили на родину одним из первых»²⁵⁸. Как записано в докладе III отделения, «решением конференции Технологического института, состоявшейся 17 ноября, первый курс был закрыт, и все студенты этого курса объявлены исключенными из института». Исключенным студентам предложено вновь поступать с условием письменного подчинения его правилам и порядкам. В поступлении отказано было десяти «подстрекателям к беспорядкам», которых арестовали и выслали на родину²⁵⁹. Среди них был Александр Михайлов²⁶⁰, вынужденный покинуть столицу 24 ноября 1875 года²⁶¹. В Петербурге он провел три с половиной месяца²⁶², которые называл нигилистическими, так как еще не вступил в революционную организацию²⁶³.

Плеханов впоследствии также называл нигилистами студенческую молодежь, проявлявшую в своих поступках оппозиционность к власти и к официальному обществу, но еще не принимавшую участия в революционной деятельности²⁶⁴. Таким был и он, осенью 1875 года продолжавший искать свой путь в движении и готовившийся присоединиться к революционным народникам.

²⁵⁸ Плеханов Г. В. Воспоминания об А. Д. Михайлове. С. 154.

²⁵⁹ Коллективные выступления студентов в защиту своих демократических и корпоративных прав имели для них объединяющий характер и способствовали выделению из их среды наиболее активных представителей и организаторов. Кроме Михайлова, были высланы: Эдмунд Бржезинский, Степан Валуевич, Алексей Вердкович, Николай Лопатин, Василий Напалков, Константин Туре, Лев Темников, Иосиф Таргановский, Владимир Цветков (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 1449. Л. 16).

²⁶⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 1449. Л. 1–2.

²⁶¹ Пелевин. Ю. А. А. Д. Михайлов в революционном движении 1870-х — 1880-х годов. С. 37.

²⁶² А. Д. Михайлов (материалы для биографии). Автобиографические заметки. С. 160.

²⁶³ Плеханов Г. В. Воспоминания об А. Д. Михайлове. С. 156.

²⁶⁴ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении (По личным воспоминаниям). С. 82–83.

«В шумном водовороте петербургской студенческой жизни, — писал Плеханов, — я скоро совсем забыл о Михайлове, не подозревая, что мне еще придется жить и действовать с ним вместе»²⁶⁵. В октябре 1876 года, через год после знакомства, молодой человек случайно вновь встретился с Михайловым, приехавшим в Петербург в начале августа. Он намеревался поступить в какое-либо учебное заведение, чтобы получить право жить в городе²⁶⁶. Причиной его возвращения было желание найти здесь «настоящих революционеров» и познакомиться с ними²⁶⁷. В первое время по приезде Михайлов «превратился в активного члена студенческих “коммун”, вечно перекочевывавшего из одной квартиры в другую»²⁶⁸. На одной из сходов он познакомился с членами возникшего тогда Северного общества «Земля и воля» и быстро был принят в него²⁶⁹. Участвуя в демонстрации студентов и рабочих у Казанского собора 6 декабря 1876 года, Михайлов был в той группе землевольцев, которые, сплотившись вокруг «оратора» Г. В. Плеханова, не дали его арестовать²⁷⁰.

В этой группе демонстрантов, «плотным кольцом сомкнувшихся вокруг говорившего», был рабочий Митрофанов, который командовал: «Ребята, держись тесней, не выдавай, не подпускай полиции». «Сдернув шапку с говорившего, и надевши на него какую-то фуражку, он закутал башлыком ему голову», — писал Плеханов²⁷¹. Столь активное участие этого рабочего в защите «оратора» от полиции, сохранившееся в памяти Георгия Валентиновича, говорило об их связях после встреч в конце 1875 года.

²⁶⁵ Плеханов Г. В. Воспоминания об А. Д. Михайлове. С. 154.

²⁶⁶ После сдачи вступительного экзамена в Горный институт Михайлов не был принят из-за отсутствия вакансии (не прошел по конкурсу) и записался вольнослушателем на математический факультет Петербургского университета (через год он вышел из него по собственному желанию) (Пелевин Ю. А. А. Д. Михайлов в революционном движении 1870-х — 1880-х годов. С. 40).

²⁶⁷ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 154–155.

²⁶⁸ Там же. С. 155.

²⁶⁹ Там же. С. 156.

²⁷⁰ Пелевин Ю. А. А. Д. Михайлов в революционном движении 1870-х — 1880-х годов. С. 51.

²⁷¹ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 86.

С. В. Митрофанов, первый рабочий-революционер, с которым познакомился Плеханов, — кем он был?

С рабочим Митрофановым «судьба столкнула» Плеханова в конце 1875 года. Плеханов, называя себя студентом-революционером, писал, что был тогда, «как все студенты-революционеры, большим народолюбцем и собирался идти “в народ”». По его словам, Митрофанов «был довольно известный когда-то в русской революционной среде... впоследствии умерший в тюрьме от чахотки»²⁷². Их знакомство состоялось у студентов Медико-Хирургической Академии братьев Х.²⁷³, у которых Митрофанов, как писал Плеханов, «тогда нелегальный», жил, «скрываясь от полиции». Рассказывая о встрече и знакомстве с Митрофановым, мемуарист называл себя студентом-революционером, «большим народолюбцем», собиравшимся «идти в народ», хотя понятие о нем, «как и у всех студентов-революционеров того времени», имел «очень смутное и неопределенное»²⁷⁴. Он относился тогда к поколению студенческой молоде-

²⁷² Впервые воспоминания Г. В. Плеханова «Русский рабочий в революционном движении» были напечатаны в сборниках «Социал-демократ», издававшихся группой «Освобождение труда» за границей в начале 1890-х гг. Во втором издании «Русского рабочего...» 1902 года изменений, касающихся характеристики Митрофанова, не было. До сих пор среди историков сохраняются такое мнение о Митрофанове.

²⁷³ Инициал не раскрыт. Не ясно, был ли этот инициал «иксом» или буквой «Х». Л. Г. Дейч, по-видимому, считал, что Плеханов дал фамилии студентов, укрывавших Митрофанова, инициал «икс», и делал предположение, что это были студенты МХА «братья Воскресенские, которые готовились стать революционерами, но не порвали с буржуазной средой». Со старшим из них Дейч познакомился в начале весны 1876 г. на общей студенческой квартире на Большой Дворянской улице, где искал ночлег. Старший брат знал тогда Плеханова и предложил Дейчу обратиться к нему. Мемуарист поселился в квартире с Плехановым. Дейч писал в воспоминаниях, что его сосед познакомился с Митрофановым, «кажется через братьев Вознесенских», которые были «сочувствующие», готовившиеся стать бунтарями (Дейч Л. Г. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии. С. 5, 11). Братья Воскресенские не «порвали с буржуазной средой» и не стали революционерами. Их имен нет в «Библиографическом словаре деятелей революционного движения в России» 1870-х годов. Если Плеханов скрыл фамилию студентов, укрывавших Митрофанова, под буквой «Х», то тогда можно предположить, что это были братья Худадовы, также студенты МХА, принимавшие участие в движении молодежи 1870-х гг.

²⁷⁴ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 57.

жи, которое только вступало в новое движение, не имея опыта отношений с народом. «Любя “народ”, я знал его очень мало, — писал Плеханов, — а лучше сказать, не знал совсем, хотя и вырос в деревне». Это создавало особый эмоциональный настрой его первой встрече и знакомству с «представителем народа». Он хотел заговорить с Митрофановым, но не знал, как начать, и в «каких выражениях» вести разговор с этим «сыном народа». Плеханову известна была пропагандистская литература, как бы «адаптированная» под речь народа, и ему казалось, что в разговоре с Митрофановым он должен держаться тех слов, каким были написаны многие из этих агиток. «К счастью, — вспоминал он, — Митрофанов вывел меня из затруднения» и «заговорил первый». Когда беседа перешла «на революционную литературу», молодой человек увидел, что «его собеседник читал не одни только ряженные брошюры». Ему знакомы были «сочинения Чернышевского, Бакунина, Лаврова, и он умел отнестись к ним критически». Журнал и газета «Вперед!» «казались Митрофанову недостаточно революционными». Он «склонялся к бунтарству» и, как писал мемуарист, «отстаивал этот способ действия с помощью тех же самых доводов, которые приводились обыкновенно “бунтарями”-студентами»²⁷⁵. Личность Митрофанова его заинтересовала, и они стали встречаться. Плеханов «жадно расспрашивал об его революционной деятельности в народной среде». «Из всех слоев народа ближе всего ко мне, по моему тогдашнему положению, — признавался мемуарист, — были, конечно, петербургские рабочие, и вот я засыпал своего нового знакомого вопросами о том, что представляют они собой». К рабочим Митрофанов относился «отрицательно» и «из его слов выходило, что настоящий народ, это крестьянство, городские же рабочие в значительной степени развращены и проникнуты буржуазным духом, вследствие чего революционеры должны идти в деревню». Такие отзывы, «вполне соответствовавшие представлениям бунтарей о народе, — писал Плеханов, — не могли возбудить во мне склонности к ближайшему знакомству с петербургской рабочей средой». В течение нескольких месяцев Митрофанов оставался единственным лично известным ему рабочим, и он смотрел на него «почти с благово-

²⁷⁵ Там же. С 57–58.

лением, как смотрит, вероятно, всякий искренний и молодой²⁷⁶, не бывавший в *переделках* революционер на опытного, *пострадавшего* за дело товарища». Он смотрел на Митрофанова «снизу вверх»²⁷⁷.

Отрицательное отношение Митрофанова к городским рабочим Плеханов связывал с тем, что тот «долго жил среди “интеллигенции” и совершенно проникся всеми ее чувствами»²⁷⁸. Биографы Г. В. Плеханова воздерживались рассматривать причину критического взгляда Митрофанова к пролетариату²⁷⁹. С. В. Тютюкин, указав на его участие в рабочих кружках, организованных «чайковцами» в 1872–1874 гг., писал: «Характерно, однако, что сам Митрофанов относился к основной массе рабочих достаточно скептически, считая настоящим народом только крестьянство с его прочными моральными устоями»²⁸⁰. Обратив внимание на неприятие Митрофанова рабочих, историк оставил без рассмотрения причины его «скептицизма».

Познакомившись в начале 1876 года с петербургским пролетариатом, Плеханов увидел, что бунтарской агитации он предпочитает политическую образованность. Это, в какой-то мере, подтверждало слова Митрофанова, что городские рабочие «в значительной степени проникнуты буржуазным духом», вопреки тому, что народники, по словам Георгия Валентиновича, «учили рабочих презирать “буржуазные” политические права и “буржуазную” политическую свободу и ставили перед ними, в виде соблазнительного идеала, допотопные крестьянские учреждения»²⁸¹. Говоря о проникновении в среду трудящихся «буржуазного духа», Митрофанов имел ввиду проявлявшееся во время его деятельности среди петербургских рабочих стремление последних найти свое особое место в борьбе, которой занимались «чайковцы» и обособиться от них. Это мнение

²⁷⁶ Плеханов называл себя конца 1875 года «искренним, молодым революционером».

²⁷⁷ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 58, 61.

²⁷⁸ Там же. С. 66. Народники считали, что стремление рабочих к политическому самоопределению свидетельствовало о проникновении в их среду «буржуазного духа».

²⁷⁹ Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. С. 15; Бережанский А. С. Г. В. Плеханов: от народничества к марксизму. С. 10.

²⁸⁰ Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 29.

²⁸¹ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 72.

Плеханов называл «исключением из общего правила», полагая, по-видимому, что социальное сознание пролетариата тогда еще не «достигло уровня понимания своих собственных политических задач».

Новый товарищ рассказывал Плеханову о своей жизни до встречи с ним. Не случайно последний вспоминал, что «Митрофанов постигал до тонкости, отличительные признаки различных революционных программ и спорные программные вопросы»²⁸². Но Плеханов остался в неведении о поведении Митрофанова весной 1874 года во время разгрома полицией петербургских рабочих кружков. Не подозревал он и о сотрудничестве Митрофанова с III отделением. Историк В. И. Невский писал: «Неизвестно, состоял ли Митрофанов... в момент знакомства с ним Плеханова на службе III отделения, но что он в это время уже “оказывал ему услуги” видно из документальных данных»²⁸³. Возможно, «благодаря» Митрофанову, с весны 1876 года за Плехановым было установлено наблюдение полиции²⁸⁴. Все эти обстоятельства повлияли на его ведение занятий с петербургскими рабочими.

Степан Васильевич Митрофанов, крестьянин деревни Пальчино Голенищевской волости Муромского уезда Владимирской губернии, был намного старше Плеханова. Он родился около 1848 года. С 1862 года жил в Петербурге и работал на заводе Макферсона (ныне Балтийский завод на Васильевском острове), а к началу 1870-х гг. — на заводе Нобеля²⁸⁵ («Русский дизель» на Выборгской стороне). В конце 1871 года, в группе с другими заводскими рабочими он сошелся с несколькими «интеллигентами» — студентами, примыкавшими к организации «чайковцев»²⁸⁶. Митрофанов возглавил рабочих, сгруп-

²⁸² Там же. С. 60.

²⁸³ Невский В. Виктор Павлович Обнорский // Историко-революционный сборник под редакцией В. И. Невского. Т. 3. М.; Л., 1926. С. 10. Историк ссылается на биографию Митрофанова в «примечаниях к готовящемуся к печати новому изданию воспоминаний Г. В. Плеханова «Русский рабочий в революционном движении». Насколько известно, это издание не вышло в свет (*Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении*. С. 218).

²⁸⁴ О наблюдении жандармов за Плехановым в 1876 г. сказано далее.

²⁸⁵ ДРДВР. Т. 2. Вып. 3. Стлб. 939.

²⁸⁶ «Рабочее дело» «чайковцев» направлено было на подготовку из среды пролетариата «сознательных единиц», способных помочь Обществу в про-

пировавшихся вокруг студента Технологического института А. А. Лисовского²⁸⁷, который вёл с ними «разговоры об артельных началах». В январе 1872 года на Большой Дворянской улице Петроградской стороны Лисовский организовал артельную сапожную мастерскую, именовавшуюся «чайковцами» «ассоциацией» (в бакунинском значении). Мастерская стала, главным образом, «конспиративной квартирой» для встреч рабочих с интеллигентными революционерами²⁸⁸. Поддержку в ее организации оказывал Митрофанов²⁸⁹, по-видимому, увлекшийся ассоциациями и оставивший свою слесарную профессию²⁹⁰. Он стал «хозяином» (управляющим) сапожной мастерской. В начале 1872 года к Лисовскому присоединились студенты Медико-Хирургической Академии А. В. Низовкин и К. К. Доводчиков. В это время состоялось знакомство Низовкина с Митрофа-

пагандистско-организаторской деятельности, главным образом, в рабочей массе города. Из тех немногочисленных «чайковцев», которые по своей инициативе начали в конце 1871 г. заниматься с петербургскими трудящимися, выделялись А. А. Лисовский и А. И. Сердюков. Лисовский с конца 1871 г. был одним из инициаторов и ведущих участников пропаганды «чайковцев» среди заводских рабочих Петербурга (*Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды. Большое общество пропаганды 1871–1874 годы. Саратов, 1991. С. 176*).

²⁸⁷ Александр Александрович Лисовский (1851–?), студент Петербургского Технологического института, в 1872 г. занимался с Митрофановым организацией сапожной артели в Петербурге и привозил из-за границы запрещенную литературу. В начале 1873 г. в Петербурге вошел в кружок «чайковцев» и вел пропаганду среди петербургских рабочих. Весной 1874 г. уехал в Москву, а затем в Одессу вместе с В. Обнорским. Там работал на заводе. В том же году уехал с Обнорским за границу и жил в Швейцарии (*АРДВР. Т. 2. Вып. 2. Стлб. 788*).

²⁸⁸ *Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды. С. 176–177. Д. Н. Смирнов, работавший в начале 1870-х гг. на Патронном заводе, вспоминал: «Я знал Митрофанова — хозяина сапожной мастерской, которую открыли политики в надежде превратить ее в конспиративную квартиру... Были у него и ученики и подмастерья. Он шил нам, политикам, сапоги и мне шил охотничьи сапоги». Средства на устройство «ассоциации» дали А. И. Корнилова и С. А. Лешерн-фон-Герцфельд, участница кружка С. Л. Перовской (*Смирнов Д. Н. На трубочном заводе в прошлом // Красная летопись. 1928. № 2 (26). С. 222*).*

²⁸⁹ *Бортник М. В 70-е и 80-е годы на Трубочном заводе (очерк). С. 180.*

²⁹⁰ До сапожной у Митрофанова была слесарная мастерская. Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания особого присутствия Правительствующего Сената. С. 35.

новым²⁹¹, который привел к нему своих товарищей. Низовкин жил на Выборгской стороне в доме 38 по Астраханской улице²⁹². Если Лисовский «уже тогда, для осуществления революционно-организаторских замыслов, стремился внушить рабочим ненависть к государственному и гражданскому строю России», то Низовкин считал, что с пролетариатом, для начала, надо заниматься с учебно-образовательными целями. С весны 1872 года в квартире Низовкина товарищ Лисовского А. И. Сердюков²⁹³ «приступил к изложению перед рабочими социалистической программы, призывал их к свержению существующего политического строя и переходу к социализму» как «общинному владению землей и промышленному союзу производительных ассоциаций». Доводчиков же с марта 1872 года занимался с рабочими уроками по истории, географии и физиологии. Среди слушателей был Митрофанов и другие старые посетители «ассоциации» (сапожной мастерской), рабочие с заводов: Патронного, Нобея, Леснера, а также с Семянниковского завода. Квартира Низовкина с весны 1872 года стала «важнейшим местом пропаганды «чайковцев» среди трудящихся Петербур-

²⁹¹ Митрофанов на суде говорил, что его знакомство с Низовкиным произошло в то время, когда он «был управляющим сапожной артели» (Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания особого присутствия Правительствующего Сената. С. 34).

²⁹² На судебном процессе 193-х 25 октября 1877 г., отвечая на вопросы «первоприсутствующего», Низовкин говорил: «Вокруг Лисовского группировалось некоторое количество заводских рабочих, во главе которых стоял Митрофанов. Познакомившись со мною, Митрофанов бывал у меня, причем приводил ко мне товарищей... Обнорского, Козлова, Графова и Николаева. Митрофанов в это время бывал у многих студентов, от которых пользовался лекциями по разным предметам элементарного курса» (Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания особого присутствия Правительствующего Сената. С. 25–26).

²⁹³ Анатолий Иванович Сердюков (Степура-Сердюков), дворянин (1852–1878), в 1868 г. поступил в Медико-Хирургическую Академию, которую не окончил, выйдя из нее по болезни в 1873 г. В 1869 г. примкнул к кружку студентов-медиков, из которого образовался впоследствии кружок «чайковцев». В 1872 г. жил на одной квартире с А. Низовкиным на Выборгской стороне и вел пропаганду среди рабочих. 7 декабря 1872 г. арестован и заключен в тюремный замок, из которого освобожден ввиду возникших сомнений в нормальности его умственных способностей. Помещен в психиатрическую лечебницу, где признан страдающим «мрачным помешательством». 5 апреля 1878 г. в Твери отравился карболовой кислотой (ДРДВР. Т. 2. Вып. 4. Стлб. 1469–1470).

га²⁹⁴. К концу того же года у Низовкина и Сердюкова сложился тесно сплоченный кружок рабочих²⁹⁵, в котором Митрофанов, помимо интеллигентов, играл заметную роль²⁹⁶. По свидетельствам его и других рабочих, давших после ареста откровенные показания, Низовкин, «везде, где только представлялся случай», призывал «уничтожить буржуазию, капиталистов, дворянство и духовенство» и «вообще, людей — не работающих»²⁹⁷, «внушал рабочим мысль теснее сблизиться между собой, учиться и развиваться для того, чтобы подготовить себя к восстанию против правительства с целью низвержению его ... и учреждения свободной рабочей ассоциации на федеративных началах»²⁹⁸. Встречи в квартире Низовкина-Сердюкова осуще-

²⁹⁴ Осенью 1872 года для бесед рабочими Сердюков привел А. И. Корнилову, которая только что возвратилась из Вены, где знакомилась с австрийским рабочим движением. Перед петербургскими рабочими она «развивала те же идеи, как и Сердюков и указывала на необходимость политической и социальной революции». Той же осенью пропаганду в квартире на Астраханской улице начали вести Кравчинский, Кропоткин и другие члены кружка «чайковцев». С начала 1873 г. пропаганда среди заводских рабочих расширилась и получила более четкую организованность (*Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды*. С. 177, 181, 182, 197).

²⁹⁵ *Корольчук Э. А. «Северный союз русских рабочих» и революционное рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге*. С. 38–39. В своих показаниях в суде 25 октября 1877 г. Низовкин сообщал: «в конце 1872 г. рабочие Митрофанов, Обнорский и другие продолжали посещать для слушания лекций Доводчикова, причем к прежним рабочим присоединились Лавров, Петерсон и Михаил Орлов, которых привел на лекции Обнорский». Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. С. 27.

²⁹⁶ Среди хорошо подготовленных и проверенных рабочих, посещавших лекции, в том числе Кравчинского, был Митрофанов (*Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды*. С. 197).

²⁹⁷ *Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды*. С. 212.

²⁹⁸ В организационном отношении он старался дистанцироваться от «чайковцев». Между Низовкиным и «чайковцами» существовал некий договор о разделе сфер занятий в рабочей среде. При дознании и следствии Низовкин говорил, что, приехав осенью 1873 года в Петербург, нашел, что Кравчинский, Клеменц, Кропоткин и их товарищи, пропагандируя собиравшимся рабочим свои идеи, зашли дальше тех пределов, которые ставились им. Прокурор Саратовской судебной палаты С. С. Жихарев рапортовал в сентябре 1874 г. министру юстиции К. И. Палену: «Это повлекло за собою сначала размолвку, а затем и полный разлад между Низовкиным и остальными. Отдавшись от них, Низовкин образовал свой кружок, преимущественно из заводских рабочих, в числе которых были: Сергей Виноградов, Дмитрий Смирнов, Игнатий Бачин, Степан Митрофанов и другие, работающие большей

стваялись до лета 1873 года, после чего «чайковцы» стали собирать рабочих за Невской заставой. Митрофанова среди них не было²⁹⁹. К осени 1873 года пропаганда среди пролетариата Петербурга была на пике своего развития. Низовкин после ареста показывал, что когда он осенью 1873 года приехал в Петербург, то не узнавал знакомых рабочих: «С изумлением я увидел в нашей квартире фабричных... сблизившихся сверх обычая с заводскими мастеровыми. В конце 1873 года рабочие прочно усвоили идеи солидарности, явно начали обнаруживать склонности к тесному сближению между собой, между тем как раньше это была нейтральная среда, из которой агитаторы отбирали отдельных лиц, как Обнорского и других»³⁰⁰. Во второй половине 1873 года Митрофанов «одно время» входил в организованный С. С. Синегубом³⁰¹ кружок заводских рабочих, который собирался за Невской заставой и придерживался бунтарской тактики³⁰². Особенно активная пропаганда шла между фабричными рабочими, тесно связанными с деревней и сельским «миром», которые жадно слушали речи интеллигентов. К ним, как вспоминал Синегуб, заводские рабочие, «вроде рабочих Семяниковского механического завода и Патронного завода, относились свысока, презрительно-снисходительно называли их “серыми”»³⁰³. Весной 1874 года во время арестов членов рабочих

частью на казенном Патронном заводе и заводе Нобеля» (Становление революционных традиций петербургского пролетариата. Пореформенный период. 1861–1883 гг. Л., 1987. С. 145, 162).

²⁹⁹ *Троцкий Н. А.* Первые из блестящей плеяды. С. 199–200.

³⁰⁰ *Бортник М.* В 70-е и 80-е годы на Трубочном заводе (очерк). С. 184–185.

³⁰¹ Сергей Силович Синегуб (1851–1907), дворянин Екатеринославской губернии. В 1871 г. поступил в Петербургский Технологический институт и вошел в кружок «чайковцев». Завязал связи с петербургскими рабочими с целью пропаганды. До лета 1872 г. занимался с рабочими заводе Жданова на Петербургской стороне. С начала августа 1872 г. вел пропаганду среди ткачей на Выборгской стороне. С декабря 1872 г. вел пропаганду среди рабочих в студенческой коммуне в доме Байкова на Выборгской стороне. В феврале 1873 г. уехал в Тверь и поступил народным учителем. В конце июля 1873 г. вернулся в Петербург. Организовал кружки рабочих и в своей квартире вел пропаганду. 12 ноября 1873 г. арестован (ДРДВР. Т. 4. Вып. 4. Стлб. 1500–1502).

³⁰² *Синегуб С.* Записки чайковца. М.; Л., 1929. С. 117.

³⁰³ Там же. С. 35. Плеханов, знавший о таком отношении заводских рабочих к фабричным, замечал лишь кратко, что «между “серыми” людьми деревни и петербургскими рабочими происходили иногда недоразумения... печаль-

кружков единственным интеллигентным деятелем среди них, как отмечало следствие, был Низовкин³⁰⁴. «Чайковцы» к этому времени обратились к «хождению в народ», оставив петербургских рабочих.

В 1872–1874 гг. Митрофанов входил преимущественно в кружок трудящихся, с которыми занимался Низовкин, придерживавшийся в пропаганде умеренной позиции. Он считал необходимым вести длительную работу, прежде всего образовательную, в отличие от «чайковцев», которые готовили заводской пролетариат к революционной и пропагандистской деятельности в городе в момент начала крестьянского бунта. При этом «чайковцы» рассказывали своим слушателям-рабочим о том, как их собратья в Западной Европе организовываются для борьбы за свои права. Нарастающий размах, с которым шло в Петербурге рабочее дело с 1871 по 1874 гг., показывал, что трудящиеся были «благодарными учениками»³⁰⁵. Они начинали чувствовать разницу в интересах своих и народнической интеллигенции. Низовкин на допросах рассказывал: «В сентябре 1873 года рабочие были уже не те, развязно толковали об общественных вопросах, об идее рабочего сословия и устремлялись мыслями и симпатиями за границу»³⁰⁶. Понимали это и некоторые из «чайковцев», занимавшихся со столичными пролетариями. П. А. Кропоткин писал, что заводские рабочие, которым «недурно платили в Петербурге, относились к фабричным с некоторой долей пренебрежения и отнюдь не горели желанием стать мучениками социалистического дела». «Только после того, как большинство из них арестовали, — писал он далее, — и некоторых продержали в тюрьме года по три за то, что они дерзнули думать, как социалисты, после того лишь ... они стали горячими пропагандистами, главным образом, политической революции»³⁰⁷. Среди таких был рабочий И. А. Бачин с казенно-

ного свойства». *Плеханов Г. В.* Русский рабочий в революционном движении. С. 67.

³⁰⁴ Прокурор Петербургской судебной палаты сообщал министру юстиции: «партия эта не имела тесных связей с чайковцами и действовала совершенно отдельно от них». Становление революционных традиций питерского пролетариата. Пореформенный период. 1861–1883 гг. Л., 1987. С. 144.

³⁰⁵ *Троицкий Н. А.* Первые из блестящей плеяды. С. 173–175.

³⁰⁶ *Бортник М.* В 70-е и 80-е годы на Трубочном заводе (очерк). С. 184–185.

³⁰⁷ *Кропоткин П. А.* Записки революционера. С. 306. Кропоткин относился к революционной деятельности среди рабочих прагматично, с народниче-

го Патронного завода на Васильевском острове, один из «горячих противников интеллигентского засилья». Рассказывая о лекциях, которые вели «чайковцы», он смеялся над Кропоткинским и говорил, что от «студентов следует брать книги, а если они будут учить вздору, то их следует бить»³⁰⁸. Эти тенденции вели к отрыву заводских рабочих от фабричных, остававшихся крестьянами. Первые из них, начинавшие чувствовать свои особые интересы, стремились обособиться от «чайковцев» в собственной организации. Митрофанов знал об этих настроениях. После ареста на дознании он рассказывал о нежелании рабочих «принимать людей к себе не своей среды»³⁰⁹. Впоследствии, под влиянием интеллигентных революционеров, он стал считать стремление заводских к самостоятельности в своей организации началом проникновения в их среду «буржуазного духа». Для народников 70-х гг. «городские рабочие были не более как крестьянами, испорченными «трактирной цивилизацией»»³¹⁰.

В «Обвинительном акте по делу о революционной пропаганде в Империи» отмечалось, что деятельность «чайков-

ской точки зрения, ввиду того, что рядом с заводскими есть фабричные, которые «нисколько не разрывают своих связей с селом, и нисколько не изменяют своего прежнего крестьянского образа жизни». По этой причине фабричным должно уделять преимущественное внимание. «Чайковцы» при работе с пролетариатом проводили среди них отбор, в зависимости от их способностей и склонностей. Для установления с ними связей использовалось их стремление к обучению грамоте. Если в рабочем проявлялся интерес к социальным вопросам, нужно было развивать в нем это стремление; тех, кто «будет видеть в занятиях арифметикой свою исключительную цель, следовательно через некоторое время оставлять»; «человека восприимчивого, энергичного, обещающего сделаться полезным агитатором», но неграмотного, необходимо выучить грамоте, чтобы сделать его еще более полезным» (Записка П. А. Кропоткина // Революционное народничество 70-х годов XIX в. Т. 1. М., 1964. С. 103; *Троицкий Н. А.* Первые из блестящей плеяды. С. 173–175).

³⁰⁸ *Голосов Г. К.* Биографии одного из основателей Северо-Русского Рабочего Союза. И. А. Бачин и его драма // Каторга и ссылка. 1924. № 6 (13). С. 53. Бачин говорил «что у студентов книги надо отобрать, а если не дадут, то побить следует, а когда начнут вздор молоть, то побить их надо» (Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания особого присутствия Правительствующего Сената. С. 153).

³⁰⁹ *Левин Ш. М.* Кружок чайковцев и пропаганда среди петербургских рабочих в начале 1870-х гг. // Каторга и ссылка. 1929. № 12 (61). С. 24.

³¹⁰ *Плеханов Г. В. А. И.* Герцен и крепостное право. С. 352. Выражение «трактирная цивилизация» принадлежало А. И. Герцену.

цев» в Петербурге стала известна охранным органам в конце 1873 года³¹¹. Кроме ликвидации кружка Синегуба, в полиции были получены доносы от рабочих и начались аресты в отдельных районах города. Провал Синегуба, заставил насторожиться сочувствующих ему трудящихся по всему городу³¹². В его кружок, как сказано выше, входил и Митрофанов. После этого среди заводских рабочих появился предатель, который стал осведомлять тайную полицию обо всем происходившем в кружках. Историк Ш. М. Левин, исследовавший пропаганду «чайковцев» среди петербургских рабочих, считал, что предателем мог быть Митрофанов³¹³. Надо отметить, что оснований для такого предположения он не представил. Остается только полагать, что основанием такого утверждения стали «откровенные» показания, данные Митрофановым дознанию и последующая его деятельность. Полиция не спешила с арестами, а выжидала и наблюдала³¹⁴. Разгром заводских кружков произошел в ночь на 18 марта 1874 года после большой сходки (около 25 человек³¹⁵), организованной 3 марта на квартире в 7-й роте Измайловского полка³¹⁶. В полиции об этом собрании было получено донесение осведомителя³¹⁷. Митрофанов также был задержан, «возможно, для инсценировки»³¹⁸. Уже 18 марта, в день ареста, он давал «откровенные» показания³¹⁹.

³¹¹ Обвинительный акт по делу о революционной деятельности в Империи. Составлен в С.-Петербурге мая 5 дня 1877 г. С. 5.

³¹² Левин Ш. М. Кружок чайковцев и пропаганда среди петербургских рабочих в начале 1870-х гг. С. 22.

³¹³ Там же. С. 25.

³¹⁴ Там же. С. 22, 25.

³¹⁵ По показанию Низовкина, присутствовавшего на сходке 3 марта 1874 г., в ней участвовало «до 40 человек рабочих». Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания особого присутствия Правительствующего Сената. С. 28.

³¹⁶ Левин Ш. М. Кружок чайковцев и пропаганда среди петербургских рабочих в начале 1870-х гг. С. 22.

³¹⁷ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 2. Ч. 1. М., 1950. С. 438–440. В агентурном донесении с перечнем участников сходки указывалось, что на собрании рабочими было принято «единогласное решение» о разрыве с «чайковцами».

³¹⁸ Троцкий Н. А. Первые из блестящей плеяды. С. 213.

³¹⁹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 213; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 2. Ч. 1. С. 448.

Если Митрофанов не был «осведомителем», то о причине его «откровенности» при даче показаний можно догадываться. На «процессе 193-х», выступая как свидетель 25 октября 1877 года, Митрофанов отказался от некоторых своих слов, могущих его заподозрить в распространении «преступных изданий». Он оправдывался тем, что давал их, чтобы выйти на свободу. «Я подтвердил это показание, — говорил Митрофанов судье, — ввиду того, чтобы меня освободили, потому что я человек семейный, у меня трое детей, жена, мать-старуха»³²⁰. 24 марта 1874 года, через неделю после ареста, он был выпущен под надзор полиции³²¹. 2 августа 1876 года «по Высочайшему повелению» дело Митрофанова было «разрешено в административном порядке». Бывшего свидетеля оставили в Петербурге, где с сентября «подчинили негласному надзору полиции»³²².

Когда же «появилось» у Митрофанова, старого заводского рабочего, «отрицательное» отношение к своим товарищам? Как представляется, это было связано с его деятельностью после освобождения из тюрьмы в марте 1874 года. Агенты III отделения сообщали в мае 1874 года: «Рабочие, освобожденные от ареста, находятся в чрезвычайно угнетенном состоянии... Масса относится к ним чуть-ли не с ненавистью и отвращением, им приходится выносить резкие намеки, колкости, насмешки»³²³. Чтобы отделиться от рабочей среды, где к нему могли относиться с подозрением, по крайней мере, за скорое освобождение из тюрьмы, Митрофанов с какого-то времени стал сблизиться с интеллигенцией. Как поднадзорный и «пострадавший при аресте», он получил поддержку со стороны студентов, близких к революционным кружкам. Скрываясь среди них, Митрофанов изучал взгляды ин-

³²⁰ Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания особого присутствия Правительствующего Сената. С. 37.

³²¹ Откровенные показания дали также А. И. Низовкин, А. В. Ярцев и др. (*Троцкий Н. А.* Первые из блестящей плеяды. С. 62, 215). Выступая на процессе 193-х свидетелем, Митрофанов 25 октября 1877 г. рассказывал, что в III отделении под арестом находился «с неделю», а после того, как дал показания, «через день был освобожден» (Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания особого присутствия Правительствующего Сената. С. 39).

³²² ДРДВР. Т. 2. Вып. 3. Стлб. 940.

³²³ *Левин Ш. М.* Кружок чайковцев и пропаганда среди петербургских рабочих в начале 1870-х гг. С. 26.

теллигенции, проникаясь их убеждением в «буржуазной развращенности городских рабочих», не желавших стать «мучениками социалистического дела», но стремившихся к социальному самоопределению. В 1874–1875 гг., под воздействием бакунистских взглядов интеллигенции, он укрепился в уверенности о революционных возможностях крестьянства.

Показательно, что в конце 1875 — начале 1876 г. Митрофанов не был связан с рабочими кружками, в среде которых, по словам Плеханова, «в то время велась... довольно деятельная пропаганда»³²⁴. После арестов 1874 года «большинство рабочих было вскоре выпущено и подчинено до суда надзору полиции». Из этих поднадзорных, участников кружков 1872–1874 гг., стали создаваться новые группы³²⁵, но Митрофанов среди них исследователями не упоминался. Не писал о его участии в рабочих кружках в 1876 году и Плеханов. Это говорило не только о приверженности Митрофанова идеи крестьянской революции, но, возможно, и о негативном отношении к нему бывших товарищей-рабочих, подозревавших его в связях с полицией. С этой точки зрения возможна другая причина выработки у Митрофанова «отрицательного» отношения к заводским рабочим. Как представляется, скрываясь от полицейского надзора после освобождения из тюрьмы в марте 1874 года, он, подсознательно ища оправдание своему предательству товарищей-рабочих, старательно изучал бунтарские взгляды интеллигенции, отвергавшей собственное значение пролетариата в народной революции. Причиной известного ему недовольства заводских рабочих «чайковцами» Митрофанов стал считать, так называемое, «проникновение буржуазного духа» в их среду и стремление к политической самостоятельности.

После выявления в начале 1920-х гг. архивных документов о сотрудничестве Митрофанова с III отделением и, думается, из-за той оценки, которую Плеханов давал ему в своих воспоминаниях, в исторических исследованиях предпочитали не писать о нем. В. И. Невский, перечисляя петербургских рабочих, стоявших в центре движения 1870-х гг., приведшего к основанию Северного рабочего союза,

³²⁴ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 58–59.

³²⁵ Корольчук Э. Из истории пропаганды среди рабочих Петербурга во второй половине 70-х годов // Историко-революционный сборник. Т. 3. С. 53.

подчеркивал буквально, что о Митрофанове «распространяться вследствие его предательства много не приходится»³²⁶. Документально известно, что «услуги» III отделению он оказывал во второй половине 1870-х гг. В мае 1879 г. выдал полиции бежавшего из ссылки рабочего А. Н. Петерсона и способствовал аресту организатора Северного рабочего союза — рабочего В. П. Обнорского³²⁷. При дознании по этому делу Яков Смирнов и Митрофанов, как свидетели, указали также на рабочего инструментального отдела Патронного завода Дмитрия Николаевича Чуркина, как на близко знакомого с Обнорским³²⁸. В тетрадях землеольца, а затем народовольца Н. Клеточникова с записями о секретных сотрудниках III отделения и шпионах среди революционеров, начиная с марта 1879 года, несколько раз встречается имя Митрофанова, как шпиона³²⁹. Отношение историков к его истинной роли в рабочих кружках Петербурга недостаточно определено. В. И. Невский писал, что неизвестно, состоял ли Митрофанов уже в момент знакомства с Плехановым на службе третьего отделения, но что он в это время уже «оказывал ему услуги» видно из документальных данных³³⁰.

³²⁶ Невский В. К вопросу о рабочем движении в 70-е годы // Историк-марксист. 1927. № 4. С. 153.

³²⁷ ДРДВР. Т. 2. Вып. 3. Стлб. 940. В «Обвинительном акте по делу о В. П. Обнорском, П. Н. Петерсоне и Я. П. Смирнове, преданных военному суду» 31 мая 1880 г., было записано, что после ареста Обнорского «проживающий по Большой Дворянской улице сапожных дел мастер крестьянин Митрофанов представил в С-Петербургское губернское жандармское управление телеграмму, полученную им из Москвы и адресованную на его имя с передачею Ивану Иванову». При этом сообщал в жандармском управлении, «что телеграмма эта относится до Обнорского, так как последний в приезде его в конце 1877 г. и начале 1878 года в Петербурге скрывался под именем Ивана Иванова, о чем он узнал от рабочих Смирнова и Петерсона, у которых Обнорский бывал до задержания его. Ввиду такого заявления Митрофанова ... у означенных лиц были произведены обыски» (Невский В. Виктор Павлович Обнорский. С. 266).

³²⁸ Чуркин был арестован, допрошен и затем административно выслан в Восточную Сибирь в село Тункинское Иркутского округа (Бортник М. В 70-е и 80-е годы на Трубочном заводе (очерк). С. 205–206).

³²⁹ Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли». С. 168, 197, 419. В конце 1870-х гг. С. В. Митрофанов продолжал содержать сапожную мастерскую в Санкт-Петербурге по адресу: Большая Дворянская улица, 26 (Невский В. Виктор Павлович Обнорский. С. 37).

³³⁰ В начале пути. Воспоминания петербургских рабочих 1872–1897 гг. А., 1975. С. 382.

Архивным изысканиям историков о работе Митрофанова на полицию противоречила его оценка, как «пострадавшего за дело товарища», «известного в русской революционной среде, впоследствии умершего в тюрьме от чахотки», данная Плехановым, смотревшим на него в конце 1875 года «снизу вверх»³³¹.

Плеханов и студенты-революционеры в квартире дома на Кронверкском проспекте

В дискуссиях конца 1875 — начала 1876 г., когда происходила выработка новой революционной тактики, участвовали сторонники, как Бакунина, так и Лаврова. «Большинство революционеров из интеллигенции, — писал Плеханов, — думало, что главные силы русской социалистической партии должны быть направлены на *“агитацию на почве существующих народных требований”*, а за *“пропаганду”* стояли так называемые *“лавристы”*». Оценивая положение в то время сторонников Лаврова среди революционной молодежи, он называл их «людьми малодеятельными и потому маловлиятельными в революционной среде»³³². Сам же Плеханов, несмотря на симпатии к бакунизму, по словам Дейча «нарушал его догмат о вреде *“излишнего пристрастия к книгам”* и ... читал запоем все, что было доступно, пользуясь для этого решительно всякой свободной минутой, урывая время, где было только возможно»³³³.

Сблизившись с революционной частью студенчества, и под ее влиянием, Плеханов «сильно проникся бунтарскими взглядами»³³⁴, определившимися тогда, как главенствующее течение в революционном народничестве. Бакунинский радикализм отвечал достигнутому им уровню нравственно-интеллектуальной готовности к революционному действию. Бунтарство для Плеханова

³³¹ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 57, 219. По мнению В. Н. Гинёва, эта фраза Плеханова противоречит данным Э. А. Корольчук о предательстве Митрофанова (Революционеры 1870-х годов. Л., 1986. С. 416). Остается невыясненным, откуда у Плеханова были сведения, что Митрофанов «умер в тюрьме от чахотки».

³³² Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 59.

³³³ Дейч А. Г. Молодость Г. В. Плеханова. С. 143.

³³⁴ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 64.

стало действенным способом скорейшего «уменьшения зла в обществе», а критический стиль мышления и последующие занятия в 1876 году пропагандой и просветительством среди петербургских рабочих говорили о его склонности к идеям Лаврова. То и другое он проповедовал одновременно и гармонично.

Зимой 1875–1876 гг. Плеханов познакомился с молодыми людьми, которые принимали участие в пропагандистском движении предыдущих лет. Некоторые из них стали его товарищами и близкими друзьями по революционной деятельности. В ноябре 1875 года, получая Екатерининскую стипендию, Плеханов снял на Кронверкском проспекте Петербургской стороны комнату в квартире, которая была замечательна своими жильцами. Это были студенты, уже участвовавшие в движении, или собиравшиеся «идти в народ». О том же задумывался тогда и Георгий Валентинович³³⁵. Выбор Петербургской стороны, в отдалении от Горного института, можно объяснить близостью Кронверкского проспекта к училищу Терезии Ольденбургской, в котором воспитывалась его сестра Александра³³⁶. Другой причиной могла стать благоприятная для интересов Плеханова молодежная среда в этом районе. На Петербургской и соседней Выборгской сторонах жило много студентов Медико-Хирургической академии — наиболее активная в общественной жизни столицы, по свидетельствам современников, часть учащейся молодежи.

В квартире на Кронверкском проспекте снимал комнату Е. П. Карпов³³⁷, готовившийся участвовать в народническом движении. В мемуарной заметке он писал: «Жил я тогда на Кронверкском проспекте, в д. 65 у добродушной чухонки³³⁸. В эту же квартиру в ноябре месяце приехал молодой студент Горного ин-

³³⁵ Там же. С. 57.

³³⁶ Училище располагалось в доме на углу Каменноостровского и Большого проспектов Петербургской стороны. Вполне вероятно, что после возвращения из Липецка осенью 1875 г. Плеханов посещал сестру.

³³⁷ Карпов Евтихий Павлович (1857–1926), из дворян. Учился в Константиновском межевом институте в Москве, курса не окончил. В революционное движение вступил в 1876 г., принимал участие в пропаганде среди крестьян Торопецкого уезда Псковской губернии. Впоследствии стал театральным режиссером.

³³⁸ По-видимому, речь идет о квартире № 8 на Кронверкском проспекте в доме № 67, о которой писал Плеханов в своих воспоминаниях о петербургских рабочих.

ститута Плеханов... Вскоре мы, соседи по комнатам, познакомились и встречались почти ежедневно... Г. В. отличался общительным характером и был необычайно приятным собеседником... По своим воззрениям он принадлежал тогда к так называемым «лавровистам»³³⁹. Одной из причин такого мнения Карпова могло быть то, что Плеханов продолжал учебу в Горном институте, и «отличался излишним пристрастием к книгам», что показывало родство его интересов с теорией П. А. Лаврова о критически мыслящих личностях.

В один из дней конца 1875 года Плеханова попросили устроить у себя в комнате нелегального. Им был эмигрант-бакунист П. Б. Аксельрод³⁴⁰, который в июле-августе того же года приехал в Россию³⁴¹. Не ранее октября он поселился в Петербурге, где встречался с членами кружка М. А. Натансона³⁴². Они представ-

³³⁹ Карпов Е. Юный Плеханов // Новые ведомости. 8 июня 1918. № 81. С. 5. Мемуарист, по его признанию, тогда «тяготел к бакунистам», что делает его утверждение о «лавровизме» Плеханова более убедительным.

³⁴⁰ Павел Борисович Аксельрод (около 1850–1928), участник российского революционного движения с 1872 г., когда начал вести социалистическую пропаганду в Киеве в артелях строительных рабочих. В 1873 г. он определился, как бакунист. В 1874 г. после разгрома «хождения в народ» скрылся от преследования полиции и в сентябре того же года уехал за границу. До января 1875 г. жил в Берлине, где познакомился с немецким рабочим движением, затем — в Женеве. В конце июля — начале августа 1875 г. отправился в Россию для установления более тесных связей заграничной группы бакунистов, издававшей в Женеве газету «Работник», с русской революционной средой. Вместе с тем он рассчитывал заинтересовать русских революционеров восстанием в Герцеговине и крестьянскими волнениями в Чигиринском уезде Черниговской губернии. В Москве, где Аксельрод собирался встретиться с Г. Ф. Здановичем, руководителем Всероссийской социально-революционной организации, он узнал, что последний 19 сентября был арестован. Из-за отсутствия надежных квартир в Москве, Аксельрод вскоре уехал в Петербург, куда стягивались с разных концов России уцелевшие от арестов члены разгромленных революционных кружков. Имея адрес петербургской квартиры, полученный в Москве, он встречался на ней с С. А. Перовской, М. А. Натансоном, Г. А. Лопатиним. В конце 1875 г. Аксельрод вернулся за границу (ДРДВР. Т. 5. Вып. 1. М., 1931. Стлб. 44–45; ДРДВР. Т. 2. Вып. 2. Стлб. 453; Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. Книга первая. Берлин, 1923. С. 148–158).

³⁴¹ Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. С. 147.

³⁴² Марк Андреевич Натансон (1850 (1851) — 1919), из зажиточной еврейской семьи города Свеняны Виленской губернии. После окончания свенянской гимназии поступил в 1868 г. в Медико-Хирургическую Академию. 16 марта 1869 г. арестован за участие в студенческих выступлениях и подвергнут ше-

ляли собой, как вспоминал Аксельрод, «инициативную группу, из усилий которой должна была впоследствии вырасти организация “Земля и воля”». Все участники кружка «жили лишь одной заботой: вновь собрать рассеянные силы и возобновить революционную работу». «Общим сочувствием пользовалась идея революционно-социалистических групповых поселений», для осуществления которой «требовалась организация с руководящим центром, ее то и нужно было создать, прежде всего», — писал Аксельрод³⁴³. «Хозяйкой» конспиративной квартиры, в которой собирались члены кружка Натансона, и где остановился мемуарист, была С. Л. Перовская, находившаяся на нелегальном положении. Аксельрод вспоминал: «Политическое настроение кружка соответствовало переходному моменту в революционном движении. Оно было радикальнее, революционнее лавризма, но бунтарская тактика встречала здесь серьезные возражения». Как «бакунист» по своим тогда взглядам, Аксельрод признавал, что по этому поводу у него «бывали большие споры с Перовской, которая была противницей бунтарства», хотя общие «дебаты по вопросам программным и тактическим не происходили» (при Аксельроде). Внимание всех поглощено было, главным образом, организационной работой — собиранием силы и созданием³⁴⁴. По всей вероятности, как нелегальный и, чтобы не привлекать внимания к квартире Перовской своим в ней нахождением, Аксельрод менял места жительства в Петербурге.

стинедельному аресту. В августе 1871 г. стал одним из основателей кружка так называемых «чайковцев», поставившего себе целью приобретение и распространение среди молодежи общественно-политических книг по удешевленным ценам. В октябре 1871 г. арестован, а в феврале 1872 г. административно выслан в г. Шенкурск Архангельской губернии за распространение книги Флеровского-Берви «Азбука социальных наук». В апреле 1873 г. переведен под надзор полиции в г. Бобров Воронежской губернии. Вскоре выехал в г. Куопио в Финляндию под надзор полиции. В декабре 1874 г. гласный надзор был заменен негласным наблюдением. Скрылся от полицейского наблюдения, уехав в Петербург, где организовал кружок для собирания революционных сил. В ноябре 1875 г. поселился у матери в Якобштадте Курляндской губернии. В 1876 г. вернулся в Петербург, где продолжил работу по объединению разрозненных революционных сил. Зимой 1876–77 гг. организовал северную революционно-народническую группу, из которой затем образовалось второе общество «Земля и воля» (ДРДВР. Т. 2. Вып. 3. Стлб. 1002–1003).

³⁴³ Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. С. 153.

³⁴⁴ Там же. С. 154.

Он вспоминал, «как меня устроили однажды для ночевки в комнате студента-горняка I или II курса³⁴⁵. Ночевал он у Плеханова и было это, судя по воспоминаниям Ф. И. Цедербаума (П. Дневницкого), пользовавшегося, по всей вероятности, рассказами Георгия Валентиновича, глубокой осенью или в декабре 1875 года. Мемуарист писал: «Всем своим видом — потертое платье, тонкое пальто на стужу (курсив мой. — В. К.) — своей очевидной преданностью революции П. Б. производит на юношу громадное впечатление. Они проводят время в многочасовых беседах на общественные темы»³⁴⁶. Вся его комната была «уставлена химическими снарядами, ретортами, колбами, банками и прочими химическими принадлежностями», — описывал немного позднее О. В. Аптекман жилище Плеханова³⁴⁷. Как представляется, революционно настроенный Плеханов, в духе лавристских представлений, говорил Аксельроду о необходимости личной подготовленности к будущей народной революции и намеревался совершенствоваться в науках — в химии, к которой он имел особую склонность. Но гость возразил ему: «это роскошь, если вы будете долго усовершенствоваться в химии, когда начнете вы работать для революции?»³⁴⁸. В этих словах была свойственная убежденным бакунистам уверенность в скором общественном перевороте. В то время он считал, что в Западной Европе близка победа социалистической революции, которая поможет России в установлении «справедливого общественного устройства». Плеханов, вероятно, обратил внимание на категоричность Аксельрода и уверенность в сказанном им. Рассказывая о той встрече, политик позже говорил: «он поразил меня своею

³⁴⁵ Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. С. 156.

³⁴⁶ Дневницкий П. Из жизни Г. В. Плеханова. С. 3.

³⁴⁷ Аптекман О. В. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. По личным воспоминаниям. 2-е испр. и доп. изд. П., 1924. С. 218; Аптекман О. В. Георгий Валентинович Плеханов. По личным воспоминаниям. П., 1924. С. 10. О времени знакомства с Плехановым Аптекман писал не точно. В книге «Общество «Земля и Воля» 70-х гг.» он указывал, что встреча произошла в 1875 г. В брошюре о Г. В. Плеханове — зимой 1875–1876 гг. В целом, судя по содержанию воспоминаний, можно утверждать, что знакомство состоялось в феврале 1876 г. Познакомил их тогда в Петербурге В. И. Успенский, поселившийся вместе с Плехановым в январе 1876 г., с которым Аптекман учился в одной гимназии.

³⁴⁸ Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. С. 157.

беззаветною преданностью революции»³⁴⁹ и «своим революционным подвижничеством»³⁵⁰. Аксельрод, со своей стороны, рассказал в кружке Натансона о студенте Горного института, «отрекомендовал Плеханова», как молодого человека, на которого «нужно обратить внимание и привлечь к революционному делу». В декабре 1875 года Аксельрод уехал из России, а Плеханова, как он писал, «действительно привлекли к работе»³⁵¹. По всей вероятности, Аксельрод имел в виду деятельность Плеханова в 1876 году среди петербургских рабочих. Дейч считал легендой, бытовавшее мнение, что Плеханова открыл Аксельрод, переночевав у Георгия Валентиновича, и затем упомянув о нем Натансону. Он писал: «В этом рассказе заключается некоторое преувеличение, по поводу которого не без иронии прохаживался Георгий Валентинович, утверждавший, что в его сближении с Натансоном и др. П. Б. Аксельрод не играл никакой роли»³⁵². Сближение Плеханова с бунтарями, в их числе с теми, кто был связан с Натансоном, происходило, по мнению Дейча, «через студентов и рабочих»³⁵³.

Как писал Евтихий Карпов, в одной квартире вместе с ним и Плехановым жили «студент Митрофан Гриценко»³⁵⁴ и студент-

³⁴⁹ Пометки О. В. Аптекмана на статье о Г. В. Плеханове // Каторга и ссылка. 1928. № 5 (42). С. 45.

³⁵⁰ Аптекман О. В. «Черный Передел» (Страница из истории «Земли и Воли» 70-х годов) // Памятники агитационной литературы. Т. 1. Черный Передел. Орган социалистов-федералистов. 1880–1881 г. М.; П., 1922. С. 98.

³⁵¹ Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. С. 157.

³⁵² Дейч Л. Г. Молодость Г. В. Плеханова. С. 130. Через 4 года Дейч смягчил свое воспоминание. Он писал о Плеханове: «Кажется, его сближение с Натансоном произошло иначе...».

³⁵³ Дейч Л. Г. Молодость Г. В. Плеханова. С. 132.

³⁵⁴ Митрофан Александрович Гриценков (Гриценко) (1856 (1857) — ?) учился в Орловской губернской гимназии, директором которой был его отец. В сентябре 1873 г. он поступил в Петербургский университет. Жил на Фонтанке около Чернышова моста в доме № 60, в квартире № 20, где познакомился с революционным студенчеством. С начала 1874 г. вошел в кружок С. Ф. Ковалика, с которым весной того же года переехал в Москву и вместе с ним пропагандировал среди студентов Петровской земледельческой академии. В мае уехал в Ярославль, намереваясь затем вести пропаганду среди крестьян Ярославской губернии, но заболел и в середине мая вернулся на родину в Орел. Там в августе 1874 г. Гриценкова арестовали жандармы по делу «о преступной пропаганде в Империи», но вскоре освободили под поручительство отца — действительного статского советника, под залог в 1 тысячу рублей се-

ка медицинского института Наталья Тарачкова, впоследствии первая жена Плеханова». В декабре 1875 года они оставили жилище на Кронверкском проспекте³⁵⁵. В это же время Карпов, «чтобы быть ближе к народу», занялся освоением сапожного ремесла, которому начал учиться еще гимназистом в Орле³⁵⁶. Он поселился в мастерской «у сапожника Алексея Ивановича, отставного гвардейца», в «деревянном ветхом флигеле на Большой Дворянской улице»³⁵⁷ (недалеко от прежней квартиры на Кронверкском проспекте). Благодаря тому, что сестра Карпова была женой (хотя и фиктивной) народника-пропагандиста Д. М. Рогачева³⁵⁸, у него были знакомые в революционной среде и в квартиру, где он снимал комнату, «приходила молодежь и освобожденные из тюрьмы»³⁵⁹. Вместе с ним жил студент Ме-

ребром, под домашний арест. При дальнейших допросах он дал откровенные показания о своих связях в Петербурге, Москве и Ярославле. В феврале 1875 г. его вновь арестовали и отправили в Петербург. С 22 февраля до 1 апреля содержался в Петропавловской крепости, затем был переведен в Коломенскую часть Петербурга. После освобождения от ареста на время ведения следствия, в 1875 г. жил в Петербурге и, по всей вероятности, находился под надзором полиции (ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 258. Л. 2–4 об., 50–60 об.; Деятели революционного движения в России. Вторая половина 1850-х — конец 1890-х. Т. 2. 1870-е гг. М., 2009. С. 145). По словам Р. М. Плехановой, после ареста в 1874 году Гриценков «повел себя недостойно» (*Бережанский* А. С. Г. В. Плеханов: от народничества — к марксизму. С. 236).

³⁵⁵ Карпов Е. Юный Плеханов. С. 5. Карпов, родом из г. Карачева Орловской губернии, был знаком с Гриценковым с 1872 г., когда входил в орловский гимназический кружок самообразования. По другим воспоминаниям Гриценков возглавлял тогда гимназический кружок «бунтарей-бакунинцев» (*Русанов* Н. С. На родине. 1859–1882. М., 1931. С. 85).

³⁵⁶ *Русанов* Н. С. На родине. 1859–1882. С. 95.

³⁵⁷ *Чернавский* М. М. Демонстрация 6 декабря 1876 г. По воспоминаниям участника // Каторга и ссылка. 1926. № 7–8 (28–29). С. 8.

³⁵⁸ Рогачев Дмитрий Михайлович (1851–1884), дворянин, образование получил в кадетском корпусе и в Петербургском Михайловском артиллерийском училище, после окончания которого, служил в артиллерии и вышел в отставку с чином поручика. В 1872 г. поступил в Технологический институт. Тогда же вступил в революционное движение. Пропагандист, один из организаторов и участников «хождения в народ». В 1874–1875 гг. вел пропаганду в Поволжье. В эти же годы познакомился с петербургскими пропагандистами и стоял близко к кружку «чайковцев». С ноября 1873 г. до ареста в Петербурге 14 августа 1876 г. находился на нелегальном положении. Судился по «Процессу 193-х» (ДРДВР. Т. 2. Вып. 3. Стлб. 1332–1334).

³⁵⁹ *Чернавский* М. М. Демонстрация 6 декабря 1876 г. По воспоминаниям участника. С. 8.

дико-Хирургической академии М. М. Чернавский. Оба они, как писал Евтихий Павлович, тяготели к «бакунистам» и весной собирались «идти в народ», для чего и решили изучить сапожное ремесло, думая, что оно даст возможность ближе «подойти к мужику». К Карпову и Чернавскому присоединилось еще человек пять молодежи, желавших обучиться этому ремеслу. Комната превратилась в место, куда приходили не только сапожничать, но и «переговорить по конспиративным делам, просто поболтать и поспорить о важных вопросах, узнать новости, сообщить об арестах, о сидящих в тюрьмах товарищах, или об успехах пропаганды в народе»³⁶⁰. В конце мая Карпов уехал в Торопецкий уезд Псковской губернии, где «организовалась колония интеллигентов для обучения земледельческому труду и для ознакомления с жизнью народа»³⁶¹.

На той же Большой дворянской находилась «общая квартира». В ней, как вспоминал Дейч, «жили или по целым дням и ночам околачивались лица, стоявшие, так сказать, на разных ступенях революционной лестницы»³⁶². В «общую квартиру», которая была удобным местом для встреч с революционной молодежью, приходил и Плеханов. К кружку, собиравшемуся там в начале 1876 года «на первом этаже деревянного дома на Большой дворянской» он «стал в близкие отношения»³⁶³. В июне переехал на Большую дворянскую.

В самом начале 1876 года в квартире на Кронверкском проспекте (после отъезда Гриценкова и Карпова), вместе с Плехановым, поселились студенты Владимир Иванович Успенский³⁶⁴ и Кронид Павлович Солярский. Успенский участвовал в «хождении в народ», а Солярский был прикосновенен к движению. В «Биобиблиографическом словаре деятелей революционного движения в России» в статье о В. И. Успенском не указывалось,

³⁶⁰ Карпов Е. Странички из воспоминаний. Александр Константинович Соловьев // Каторга и ссылка. 1924. № 6 (13). С. 31.

³⁶¹ Карпов Е. Странички из воспоминаний. С. 32–33.

³⁶² Дейч Л. Г. Молодость Г. В. Плеханова. С. 137.

³⁶³ Там же. С. 136.

³⁶⁴ Владимир Иванович Успенский родился в 1851 г. Происходил из дворян Екатеринославской губернии и был сыном врача. Воспитывался в Екатеринославе в частном пансионе Шора и в гимназии, затем — в тамбовской гимназии. В 1873 г. поступил в Медико-Хирургическую академию. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 8682. Л. 1.

что в 1876 году он жил с Плехановым в одной квартире. В этом справочнике есть отдельная статья о некоем В. Успенском, который «в 1876 г. жил в Петербурге вместе с Г. В. Плехановым»³⁶⁵. В реальности, и тот и другой — одно лицо. О проживании В. И. Успенского с января 1876 года в под одной крышей с Георгием Валентиновичем указывается в работе Г. С. Жуйкова³⁶⁶. В справке об Успенском из III отделения было записано, что он учился в Екатеринославской гимназии и в 1873 г. поступил в Медико-Хирургическую академию в Петербурге³⁶⁷.

Ко времени поселения на Кронверкском проспекте В. И. Успенский участвовал в движении пропагандистов. В 1874 году в Тамбовской губернии он «принимал участие в устройстве мастерских на артельных началах, каковые должны были служить для распространения социально-революционных идей среди рабочих». В сентябре того же года он, студент МХА, находился в Петербурге, где на его след навели аресты, происходившие в городе. У него были «отобраны книги революционного содержания»³⁶⁸, Успенского арестовали и продолжительное время содержали под стражей, но так как следствию не удалось добыть доказательств его виновности, дело было прекращено³⁶⁹. По Высочайшему повелению 19 февраля 1876 года В. И. Успенский «за недостатком улик был освобожден от взыскания»³⁷⁰.

Знакомство с ним дало Плеханову возможность больше узнать о кружке пропагандистов 1874 года в Тамбовской губернии. Успенский учился в местной гимназии и, принимая участие в организации артельных мастерских в Тамбове, по всей вероятности, был знаком с гимназистом А. И. Прозоровским, известным Георгию Валентиновичу. Возможно, нашлись также другие общие тамбовские знакомые. В. И. Успенский, предположительно, был тем «Успенским», который осенью 1873 года жил в Петербурге на одной квартире с Нефёдовым, Аитовым, Голоушевым, Ши-

³⁶⁵ ДРДВР. Т. 2. Вып. 4. Стлб. 1786; *Корольчук Э.* Из истории пропаганды среди петербургских рабочих во второй половине 1870-х гг. С. 53.

³⁶⁶ *Жуйков Г. С.* Петербургские марксисты и группа «Освобождение Труда». Л., 1975. С. 18

³⁶⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 8682. Л. 1

³⁶⁸ Там же. Л. 1–2.

³⁶⁹ Там же. Л. 1об.

³⁷⁰ ДРДВР. Т. 2. Вып. 4. Стлб. 1787.

горевым и другими студентами, весной 1874 года с бакунинскими идеями отправившимися «в народ»³⁷¹. М. Д. Нефёдов, как сказано выше, учился в Воронежской военной гимназии, которую окончил на год раньше Плеханова, а затем сошелся с революционным студенчеством Петербурга. Все эти обстоятельства способствовали особенному сближению Плеханова и Успенского, «испытанного» тюрьмой студента-революционера. Вскоре они вместе участвовали в собрании рабочих, устроенном в их квартире на Кронверкском проспекте.

К. П. Солярский³⁷², другой постоялец квартиры на Кронверкском, приехал в Петербург из Москвы в декабре 1875 года³⁷³. В январе 1876 года, по распоряжению Архангельского жандармского управления, в квартире по Кронверкскому проспекту, как записано в жандармском отчете, «состоящей из прихожей и двух жилых комнат»³⁷⁴, был сделан обыск. Причиной досмотра стал адрес Солярского, обнаруженный у ссыльно-поселенного в Архангельске В. В. Берви-Флеровского³⁷⁵. Как указывалось в отчете об обыске, в квартире на Кронверкском проспекте, кроме Солярского, жили: «бывший студент М[едики]-Х[ирургической] А[кадемии] Владимир Успенский»³⁷⁶, студент Горного институ-

³⁷¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 8680. Л. 1.

³⁷² Солярский Кронид Павлович, родился в 1857 г. в Онежском уезде Архангельской губ. Сын священника Архангельского уезда Ненокского посада. Воспитывался в Архангельской реальной гимназии. По окончании ее в 1873 г. поступил в Медико-Хирургическую академию, где проучился полтора года и в декабре 1874 г. вышел по болезни. Затем до середины августа 1875 г. жил в Москве (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 7799. Л. 1).

³⁷³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 7799. Л. 1 об.

³⁷⁴ Там же. Л. 2.

³⁷⁵ Вильгельм Вильгельмович (Василий Васильевич) Берви-Флеровский (1829–1918) (Берви, псевд. Н. Флеровский и др.), из дворян. Деятель российского революционного движения. В 1849 г. окончил юридический факультет Казанского университета. За оппозиционную деятельность с 1862 по 1870 гг., с перерывами, был в ссылке. В 1869 г. написал книгу «Положение рабочего класса в России». После сближения с чайковцами, по их предложению, в 1871 г. также написал «Азбуку социальных наук». В 1873 г. вместе с членами кружка «долгушинцев», за связь с ними, был арестован и сослан в Архангельскую губернию. В мае 1874 г. был поселен в Шенкурске, а затем с марта 1875 по март 1876 гг. жил под надзором полиции в Архангельске (ДРДВР. Т. 2. Вып. 1. Стлб. 106–108).

³⁷⁶ В жандармской справке на В. И. Успенского указывалось, что в 1876 г. в Петербурге вместе с Солярским он был подвергнут обыску (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 8682. Л. 1 об.).

та Георгий Плеханов, причем дома были Солярский, Успенский и в качестве гостя в комнате Солярского сын священника Петр Алексеев Иванов»³⁷⁷. В одной из жандармских справок на Плеханова об этом происшествии указывалось: «В январе 1876 года у проживавшего в ПБге [Петербурге] Константина Солярского был произведен обыск. В той же квартире жил тогда и студент Горного института Георгий Валентинович Плеханов. По самому тщательному осмотру в указанной квартире ничего преступного найдено не было. Плеханов во время обыска находился в отлучке»³⁷⁸. Это было первое известное упоминание Г. В. Плеханова в полицейско-жандармских документах. В ходе следственных действий у Солярского нашли рукопись на 15 листах с выписками «из Бокля и 1 тома Лассаля»³⁷⁹, книг, легально изданных кружком «чайковцев», и распространенных в то время среди студенческой молодежи³⁸⁰. У Солярского были общие идейные интересы с Успенским и Плехановым. В дальнейшем, до прекращения в Архангельском Губернском жандармском управлении (ГЖУ) в апреле 1876 г. дознания о Берви-Флеровском, он оставался под надзором полиции, а в августе того же года получил разрешение вновь поступить в Медико-Хирургическую академию³⁸¹.

К весне 1876 года среди знакомых Плеханова были, как начинающие студенты-нигилисты, так и испытанные участники революционно-пропагандистского движения. От них он узнавал о практике «хождения в народ», которая убеждала его в правильности тактики народников-бунтарей. На тех из них, кто уже был испытан тюрьмой, Георгий Валентинович смотрел «снизу вверх». В этот период он узнал о таких революционерах, как С. М. Кравчинский, Д. А. Клеменц, Д. М. Рогачев, С. Ф. Ковалик, о кото-

³⁷⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 7799. Л. 2. Петр Алексеевич Иванов, сын священника. Родился около 1855 г. в селе Городецком Онежского уезда Архангельской губернии. В 1873 г. переехал в Петербург. В конце 1876 — начале 1877 г. вошел в пропагандистский кружок, организованный в Петербурге И. Окушко и Н. Смецкой (ДРДВР. Т. 2. Вып. 2. Стлб. 490).

³⁷⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 5342. Л. 14.

³⁷⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 7799. Л. 1–1об.

³⁸⁰ Аптекман О. В. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. С. 71–72. Речь идет о книге Генри Томаса Бокля «История цивилизации в Англии», изданной в Англии в 1857–1861 гг.

³⁸¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 7799. Л. 1–2.

рых в эмиграции он говорил Дейчу, что «они представлялись ему людьми недостижимой величины, необыкновенными и он готов был преклоняться перед ними»³⁸².

Встреча и знакомство Плеханова с петербургскими рабочими

Импульсом для сближения с «народом» послужила для Плеханова его первая встреча с петербургскими рабочими, произошедшая вполне прозаически, когда понадобилась его комната для организации собрания последних с интеллигенцией. Вскоре после январского обыска у Солярского, в квартире на Кронверкском проспекте собрались рабочие и «интеллигентные революционеры», по своим взглядам — бунтари³⁸³. Было это, как вспоминал Плеханов, «под какой-то большой праздник»³⁸⁴, по утверждению Э. А. Корольчук, накануне масленицы 12 февраля 1876 года³⁸⁵. Впечатление, произведенное пролетариями на мемуариста, было потрясающее. «Я совершенно забыл мрачные отзывы Митрофанова о петербургских рабочих», — писал он³⁸⁶.

Плеханов, «развивавший и воспитывавший свой ум» в соответствии с концепцией Лаврова, по всей вероятности, не имел контактов с петербургскими лавристами, организовавшимися в 1872 году, и с 1874 года ведущими пропаганду в рабочей среде города³⁸⁷. Свидетельством тому было его «предубеждение про-

³⁸² Дейч Л. Г. Молодость Г. В. Плеханова. С. 133.

³⁸³ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 60.

³⁸⁴ Там же. С. 59.

³⁸⁵ Праздник масленицы в 1876 г., как указано в месяцеслове на этот год, продолжался неделю: с воскресенья 8 февраля до субботы 14 февраля. Корольчук писала: «Дату эту нетрудно определить, так как Плеханов пишет, что на ней (сходке) присутствовал В. (Волков), “только что оставивший дом предварительного заключения”, а он был освобожден 9 февраля 1876 г., и это было “накануне большого праздника” (по-видимому, масленицы)» (Корольчук Э. Из истории пропаганды среди рабочих Петербурга во второй половине 70-х годов. С. 53). Таким образом, сходка интеллигенции и рабочих на квартире, где жил Плеханов в 1876 г., могла происходить между 10 и 14 февраля.

³⁸⁶ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 61.

³⁸⁷ Формирование кружка петербургских лавристов, во главе которого стоял Л. С. Гинзбург, относится, по-видимому, к январю 1871 г. Действовать кружок начал, по крайней мере, с 1872 г., когда его члены стали инициаторами

тив городских рабочих», «заимствованное» у С. В. Митрофанова³⁸⁸. Не будучи достаточно осведомлен о практической деятельности сторонников Лаврова в среде трудящихся Петербурга, и «проникшись» к началу 1876 года бунтарством, Плеханов считал для рабочих, как и все бунтари, «излишнее пристрастие к книге признаком холодного, неревolutionного темперамента»³⁸⁹. На этой основе у него возникли споры с рабочими, пришедшими на собрание, и доказывавшими необходимость для себя образованности. Как бакунист, молодой человек возражал: «Каждый рабочий по самому положению своему — революционер. Разве он не видит, не понимает, что хозяин наживается на его счет?». «Понимает, да плохо; видит, да не так, как следует, — стояли на своем рабочие. — Другому кажется, что иначе и быть не может, что так уж Богу угодно, чтобы терпел рабочий. А вы покажите ему, что может быть иначе. Тогда он станет настоящим революционером». Плеханов писал: «Спор затянулся надолго. В конце концов, обе стороны пошли на уступки. Решено было не пренебрегать пропагандой, но в то же время не упускать удобных случаев для агитации»³⁹⁰. Рабочие склонили Георгия Валентиновича к признанию, что образованность, которую он считал необходимой для критически мыслящих личностей из интеллигенции, нужна и про-

создания заграничного теоретико-практического журнала лавровского толка. Впоследствии они имели постоянные связи с издателями журнала и затем газеты «Вперед!». Кружок Гинзбурга, сторонника социалистических идей, состоял, в основном, из студентов Медико-хирургической академии, Технологического института и Петербургского университета. Объединение не имело не только Устава, но и общих правил деятельности для его членов. По этой причине по своему составу кружок был расплывчат: его участники могли примыкать к другим революционным группам, следуя своим идейным соображениям, в зависимости от развития движения. Практическая деятельность петербургских лавристов была направлена на организацию социалистических пропагандистских кружков среди рабочих и студенческой молодежи. Кроме материальной поддержки изданию «Вперед!» и его нелегальной перевозки в Россию, кружок занимался распространением народнической литературы (*Итенберг Б. С. П. А. Лавров в русском революционном движении. С. 145–146*). Активными петербургскими лавристами были: В. М. Ильин, В. П. Образцов, М. Чудновский, А. Ф. Таксис, Н. Г. Кулябко-Корецкий, В. Е. Варзар, братья В. С. и А. С. Семяновские, А. А. Криль и др. Там же.

³⁸⁸ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 59.

³⁸⁹ Там же. С. 64.

³⁹⁰ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 60–61.

летариату, чтобы понимать свое положение и таким образом стать революционером. Несмотря на то, что с конца 1876 года Плеханов прокламировал себя приверженцем бунтарских взглядов, в его деятельности среди рабочих стали проявляться идейные постулаты Лаврова о необходимости для подготовки революции пропагандистско-просветительской деятельности в народе.

Много лет спустя, в 1912 году Плеханов писал: «Народники 70-х годов уже не могли забывать, что в городах существуют рабочие в собственном смысле этого слова. Но для них городские рабочие были не более как крестьянами, испорченными “трактирной цивилизацией”»³⁹¹. Таким же было в начале 1876 года его представление о городских рабочих, которое стало разрушаться после первого с ними знакомства. Плеханов увидел, что заводские рабочие «были сравнительно очень развитыми людьми», с которыми он мог говорить «так же просто и, следовательно, так же искренно, как со своими знакомыми-студентами». На тех из них, «кто уже отсидели известное время в тюрьме, постояв за свое дело», Плеханов «смотрел снизу вверх»³⁹². Увлечшись занятиями среди трудящихся, он сам пришел впоследствии к убеждению в их самостоятельной роли в революционном движении.

В начале 1876 года, благодаря сближению с петербургскими рабочими, Плеханов познакомился с Е. Н. Ковальской (Солнцевой), последовательницей идеи Бакунина³⁹³. Скрываясь от полиции,

³⁹¹ Плеханов Г. В. А. И. Герцен и крепостное право. С. 352. Выражение «трактирная цивилизация» принадлежало А. И. Герцену.

³⁹² Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 61.

³⁹³ Елизавета Николаевна Ковальская (Солнцева) (1851–1943), в конце 1860-х годов после судебной реформы, в обстановке общественного оживления, гимназисткой начала организовывать в Харькове просветительские кружки среди девушек и женщин, стремившихся к самообразованию. Наряду с этим Ковальская занималась с работницами, ведя агитацию по эмансипации женщин. В начале 1871 г. поступила на Высшие женские курсы при Аларчинской гимназии в Петербурге. Там Ковальская познакомилась с А. И. Корниловой, которая ввела ее в женский кружок С. А. Перовской. Члены кружка изучали произведения Н. Г. Чернышевского, Берви-Флеровского, Лассаля, Луи Блана и других революционных писателей (*Ковальская Е. Из моих воспоминаний // Каторга и ссылка. 1926. № 1 (22). С. 31–34*). В дальнейшем Ковальская участвовала в революционной пропаганде в Петербурге и Харькове. Из-за болезни она уехала в Швейцарию, где в Цюрихе познакомилась с русской революционной эмиграцией и увлеклась бакунизмом. Прожив там в 1874–1875 гг., Ковальская вернулась в Россию с намерением «идти в народ». Из-за «физиче-

она приехала в Петербург и заводила связи с городскими рабочими. Ковальская писала: «С Плехановым я познакомилась задолго до его выступления на Казанской площади. В момент нашей встречи он усердно занимался науками, штудировал Маркса, но к революции еще не был прикосновенен»³⁹⁴. Мемуаристка имела в виду, что ее новый знакомый еще не перешел тогда на нелегальное положение. Их встречу можно отнести к весне 1876 года, когда Плеханов заводил связи с рабочими. Познакомились они, вероятно, через тех из них, кого Ковальская снабжала революционной литературой. Тогда, весной 1876 года, Георгий Валентинович готовился к переходным экзаменам со второго курса Горного института на третий³⁹⁵. Он штудировал Маркса, занимаясь в кружке пропагандиста И. Ф. Фесенко, который, по словам Дейча, «возбудил» у молодого человека «интерес к политической экономии вообще и к Капиталу Маркса, в частности», и «восторженно» отзывался о его «дарованиях»³⁹⁶. В эти месяцы, по всей вероятности через Ковальскую, Плеханов познакомился также с С. Л. Перовской и А. И. Корниловой³⁹⁷. После демонстрации у Казанского собора,

ской слабости она не годилась для роли простой работницы», по этой причине, поступив в Царскосельском уезде народной учительницей на Колпинский завод, Ковальская занялась пропагандой и распространением среди рабочих агитационных материалов. Предупрежденная о полицейском наблюдении и готовящемся аресте, она скрылась, уехав в Петербург, где познакомилась с несколькими рабочими, снабжая их революционной литературой. Находясь на полулегальном положении, Ковальская жила то в Петербурге, то в Харькове (*Ковальская Е. Н. Автобиография // Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70–80-х годов. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Том сороковой. М., 1926. Стлб. 193–194*).

³⁹⁴ Ковальская Е. Страничка из жизни Г. В. Плеханова // Каторга и ссылка. 1924. № 6 (13). С. 25.

³⁹⁵ Экзамены в Горном институте должны были начаться 11 апреля 1876 года (*Гаршин В. М. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 59*).

³⁹⁶ Дейч А. Г. Молодость Г. В. Плеханова. С. 139. Фесенко, как считал Дейч, «привлек Георгия Валентиновича к занятиям с рабочими».

³⁹⁷ А. И. Корнилова (Мороз) с 1871 г. принимала участие в распространении кружком «чайковцев» революционной литературы в Петербурге. 1872–1874 гг. занималась пропагандой среди рабочих Выборгской стороны и на Лиговке. 5 января 1874 г. была арестована. Во время следствия содержалась в тюрьме III отделения, затем — в Коломенской части, где отказывалась давать показания. Была переведена в Петропавловскую крепость и находилась там с 3 мая 1875 по 30 января 1876 г. После чего Корнилову отправили в Дом предварительного заключения. В марте 1876 г. была отпущена на по-

где он выступал, как оратор, Ковальская помогала ему укрываться от полиции, так как не была связана с кружком Натансона. Она организовала встречу Плеханова со студентом Медико-Хирургической Академии В. А. Штанге³⁹⁸, который обеспечил ему проживание в нескольких квартирах в Петербурге для укрытия от полиции³⁹⁹.

С Л. Г. Дейчем Плеханов встретился в начале весны 1876 года, когда тот, приехав в Петербург, появился «на общей квартире» на Большой дворянской с просьбой «устроить его в надежном месте». Таким местом названа была квартира, «находившаяся очень близко», в которой жил Плеханов⁴⁰⁰. Дейч писал, что лица, жившие, а также посещавшие «общую квартиру», «стояли на разных ступенях революционной лестницы» и не составляли тесного кружка». Это были студенты «еще не порвавшие с высшими учебными заведениями, так называемые “сочувствовавшие”, лица, готовившиеся стать заправскими бунтарями, но пока не порвавшие с “буржуазной средой”». К частым посетителям этой квартиры принадлежали пострадавшие за хождение в народ и сидевшие в тюрьмах. К таким Дейч относил, в частности, Ю. М. Тищенко («Титыча»), Митрофанова и И. Ф. Фесенко⁴⁰¹. Кварти-

руки отца под денежный залог в 5 тысяч рублей. Летом 1876 г. участвовала в организации побега П. А. Кропоткина из Николаевского военного госпиталя. Во вновь организованный М. А. Натансоном кружок «троглодитов» отказалась вступать из-за разногласий по вопросу о принципах принятия в члены организации. За время заключения, особенно в Петропавловской крепости, А. И. Корнилова «утратила веру в возможность путем революции моментально изменить социальный строй жизни народа и оценила важное значение политической свободы для умственной и нравственной эволюции народа», стала сочувствовать «борьбе с деспотизмом во имя свободы, равенства и братства». *Корнилова-Мороз А. И. Автобиография // Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения... Стлб. 214–220.*

³⁹⁸ Владимир Адольфович Штанге (1856–?), окончил в Петербурге гимназию Человеколюбивого общества и в 1879 г. Медико-Хирургическую Академию. Не принимая непосредственного участия в народническом движении, был близок к революционным кругам в Петербурге (М. Натансон, А. Попич и др.). У него на квартире скрывался Плеханов после Казанской демонстрации. В 1880 г. был земским врачом в Лужском уезде. В 1900-х гг. — консультант клинического института Елены Павловны (ДРДВР. Т. 2. Вып. 4. Стлб. 2052).

³⁹⁹ Ковальская Е. Страничка из жизни Г. В. Плеханова. С. 26.

⁴⁰⁰ Дейч Л. Г. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии. С. 5.

⁴⁰¹ Там же. С. 18–19.

ра Георгия Валентиновича, в которой поселился Дейч, состояла из трех комнат, в одной из которых, как писал он, жили Плеханов и Успенский, в другой — «медичка Смирнова». В третьей комнате, служившей общей столовой, поместили Дейча⁴⁰². По его словам, хозяин «уже тогда был разносторонне образованным юношей». «Чего только не знал он, — писал Дейч, — военные науки он усвоил в военно-учебных заведениях... прекрасно знал математику, физику, химию и другие точные науки... При этом он не довольствовался штудированием руководств, а читал еще много специальных сочинений... С юных лет он запоем читал решительно все, что только доставал, по беллетристике, истории, публицистике и пр.»⁴⁰³.

Плеханов под наблюдением агентов III отделения

За квартирой, в которой жил Плеханов и поднадзорные Успенский и Солярский, вели наблюдение петербургские жандармы. После собрания рабочих и интеллигентов там был произведен новый обыск, что говорило о «провале» квартиры, как месте встреч с рабочими. Плеханова и Успенского арестовали и допросили⁴⁰⁴. Об этом известно из Справки III отделения Собственной его императорского величества канцелярии, в которой, замечу, сообщалось о «собраниях» рабочих в квартире, где жил Плеханов. Это дает основание полагать, что в феврале — марте 1876 года в квартире на Кронверкском проспекте происходило несколько рабочих сходок, о которых ее хозяин не упоминал в своих воспоминаниях, также, как он не писал об обыске и своем аресте. В Справке, датированной 21-м марта 1876 года, кроме прочего, говорилось: «студент Горного института Георгий Валентинов Плеханов с 20 января⁴⁰⁵ сего [года] проживает Петербургской части 1 участка по Кронверкскому проспекту в доме № 67 в кв. № 8, вместе с студентом Медико-Хирургической ака-

⁴⁰² Дейч Л. Г. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии. С. 5.

⁴⁰³ Там же. С. 6–7.

⁴⁰⁴ О Солярском в отчете об аресте не упоминалось.

⁴⁰⁵ По всей вероятности, сведения о том, что Плеханов жил по указанному адресу с 20 января 1876 г., были извлечены агентами секретной полиции из домашней книги, или иного официального источника.

демии Владимиром Ивановым Успенским, у них обоих был недавно обыск, взяты были под арест и после опроса освобождены. После того оба присмирели и собрания у них прекратились»⁴⁰⁶ (курсив здесь и далее мой. — В. К.). Как видим, в жандармском документе сообщалось, что на Кронверкском проспекте студент Плеханов поселился 20 января 1876 года и жил там вместе со студентом В. И. Успенским. Солярский ко времени нового обыска не упоминался. Как показано выше, жить стал Георгий Валентинович по указанному в агентурной справке адресу задолго до 20 января 1876 года.

Справка была извлечена из дела: «Агентурные донесения о наблюдении за студентом Петербургского горного института Плехановым Г. В. и справка III отделения о безуспешности розысков Плеханова Г. В. и об обнаружении местожительства его жены»⁴⁰⁷. Дело хранилось в «Секретном архиве» III отделения, куда поступали наиболее важные расследования о «политических преступлениях». Документы в нем датированы периодом с 21 марта 1876 года по 6 декабря 1877 года. Для правильного понимания дела необходимо учитывать структуру охранительных органов власти и их подчиненность в то время. Делопроизводство III отделения распределялось по экспедициям. В середине 60-х гг. политическое наблюдение и дела, связанные с государственными преступлениями, переданы были из первой экспедиции в третью. С декабря 1871 года по распоряжению Шувалова, «*все первоначальные сведения о различного рода государственных злоумышлениях*» сосредотачивались в третьей экспедиции этого отделения. При управляющем III отделением, помимо экспедиций и Архива, находился Секретный архив, куда поступали наиболее важные политические дела, выписки из перлюстрационных писем и сведения о заграничной агентуре. Исполнительным органом III отделения был Корпус жандармов. Дела в III отделении начинались, почти всегда, с какого-нибудь донесения: тайного агента, или записанного полицией показания дворника. Дознания по таким донесениям производились не всегда; если же и производились, то распросом

⁴⁰⁶ Жуйков Г. С. Петербургские марксисты и группа «Освобождение Труда». С. 18–19; Бережанский А. С. Плеханов: от народничества — к марксизму. С. 43, 45.

⁴⁰⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 680.

двух-трех человек⁴⁰⁸. При этом наблюдением для добывания «первоначальных сведений о государственных преступлениях» занимались агенты, как Петербургского жандармского управления (ПЖУ), так и Корпуса жандармов. О ходе дознаний по таким делам ПЖУ сносилось с управляющим III отделением, от которого шли распоряжения офицерам Корпуса жандармов.

О происхождении Справки, отрывок из которой приведен выше, можно судить по предваряющему ее тексту: «По справке в Секретном отделении и Адресном столе студентов: Игнатовых 1 и 2, Баранникова, Рогачева и Шартомского не значитя»⁴⁰⁹. Судя по содержанию этой записки в целом, в ней сообщалось о результатах первоначального расследования о перечисленных в ней «подозрительных личностях». Авторы записки ссылались в своих сведениях на «Секретное отделение» при Петербургском оберполицмейстере⁴¹⁰ и на «Адресный Стол» города, из которых узнали о времени проживания Плеханова на Кронверкском проспекте и о недавнем обыске у него. Из этого можно сделать вывод, что обыск в марте 1876 года в квартире, которую снимал молодой человек, производился петербургской полицией, ее Охранным отделением⁴¹¹. Косвенно это подтверждается тем, что в «Справке о Г. В. Плеханове», имеющейся в алфавитном архиве справок III отделения, нет сведений об этом обыске⁴¹². Содержание записки позволяет считать, что она была ответом ПЖУ на запрос третьей экспедиции III отделения об указанных в ней лицах. Можно предположить, что студенты, перечисленные в агентурной записке, были участниками собрания в квартире на Кронверкском проспекте

⁴⁰⁸ Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982. С. 108–110. Агент Исполнительного комитета «Народной воли» Н. В. Клеточников, который состоял на службе в III отделении по третьей экспедиции чиновником для письма, в своих показаниях говорил: «Меня просто поразило громадное число ложных доносов. Из ста доносов один оказывался верным» (Там же. С. 111).

⁴⁰⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 680. Л. 1.

⁴¹⁰ Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России. С. 112.

⁴¹¹ После покушения студента Дмитрия Каракозова 4 апреля 1866 г. на Александра II было создано Охранное отделение при канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника, названное «Отделением по охранению порядка и спокойствия в столице», занимавшееся расследованием политических преступлений.

⁴¹² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 5342.

12 февраля 1876 года, сведения о котором получены были в III отделении от своих агентов, наблюдавших за квартирой, где жили поднадзорные Успенский и Солярский.

После того, как Секретное отделение петербургской полиции и городской Адресный Стол не смогли предоставить нужных сведений об «образе жизни и деятельности» перечисленных студентов, за ними было «учреждено наблюдение». Об этом говорит записка подполковнику штаба Корпуса жандармов Ф. Н. Рёмеру⁴¹³ из третьей экспедиции III отделения в марте 1876 года, в которой предписывалось: «В дополнение записки Вашей прошлого февраля № 123 имею честь покорнейше просить учредить наблюдение за образом жизни и деятельностью нижеследующих личностей: Игнатовых 1-й и 2-й, Лато, Баранникова, Рогачева, Плеханова, Штильмана и Шартомского»⁴¹⁴. В ответ на эту записку в экспедиции 4 августа было получено сообщение, что братья Василий и Илья Игнатовы — «студенты Медико-Хирургической академии, жили по Кронверкскому проспекту в д. № 41/51 и 9 истекшего апреля выехали в Москву»⁴¹⁵. Оба брата Игнатовы: Василий (1850–1885) и Илья (1858–1921) Николаевичи, были участниками народнического движения. Василий Николаевич стал одним из основателей группы «Освобождение труда». Об остальных студентах либо не было сведений в Адресном Столе, либо ничего «предосудительного» о них не обнаружено. Как видим, Георгий Валентинович в марте 1876 года оказался включенным в дополнительную записку из третьей

⁴¹³ Федор Николаевич Рёмер (1841–1877), сын тайного советника, камергера и сенатора. С марта 1868 г., после принятия 16 сентября 1867 г. нового положения о Корпусе жандармов, последовало массовое учреждение в Российской империи ГЖУ. Рёмер в 1868 г. был определен помощником начальника Лифляндского жандармского управления и в том же году перемещен в Петербург, в штаб Корпуса жандармов. В 1872 г. он — майор, в 1875 г. — подполковник, а в 1876 г. отчислен от должности. Рёмера упоминала в своей автобиографии А. И. Корнилова-Мороз. Она писала, что в ночь с 4 на 5 января 1874 г. ротмистр Рёмер руководил обыском у нее (*Корнилова-Мороз А. И. Автобиография // Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения... Стаб. 217*). Майор Рёмер находился во главе команды жандармов и полицейских при аресте в конспиративной квартире Синегуба, Тихомирова и других чайковцев в ноябре 1873 г. (*Синегуб С. Записки чайковца. С. 126–127*).

⁴¹⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 680. Л. 13.

⁴¹⁵ Там же. Л. 15.

экспедиции III отделения в числе других лиц, заподозренных в «предосудительных действиях». Особый интерес к нему возник у жандармов после ареста 11 февраля 1876 года студента Горного института К. Я. Шамарина⁴¹⁶, ведшего пропаганду среди петербургских рабочих. Следствием по его делу занималось ПЖУ. В одном из показаний в мае 1876 года он упомянул о своем знакомстве с Плехановым. Шамарин говорил, что в ноябре 1875 года «встретился у товарища своего по Горному институту Плеханова с одним господином по фамилии Файнштейн, познакомился с ним и просил его бывать у себя». Файнштейн «побывал у него два раза... и передал на хранение закрытый саквояж», в котором полиция обнаружила запрещенные и нелегальные издания⁴¹⁷. 21 и 31 мая у подполковника Рёмера были затребованы сведения о месте жительства и образе жизни знакомых Шамарина, в числе которых был и Плеханов⁴¹⁸. В ответном агентурном донесении 1 июня сообщалось: «По собранным весьма секретно и осторожно сведениям оказалось: студент Горного института Плеханов Георгий Валентинович, 25 лет, прибыл из Царского Села, живет Петербургской части 1 участка по Кронверкскому про-

⁴¹⁶ Константин Яковлевич Шамарин (1854–1902), сын фельдшера Каменского казенного завода Камышловского уезда Пермской губ. Учился в Екатеринбургской гимназии. В 1872 г. поступил в Петербургский Технологический институт, из которого перешел в Горный институт. Предположительно, участвовал в кружке «чайковцев». Вел пропаганду среди рабочих и студенчества. В конце 1872 г. был среди студентов, близких к «чайковцам», которые поселились на Сампсониевском проспекте Выборгской стороны, где занимались общеобразовательным обучением рабочих. 11 февраля 1876 г. арестован вместе с Д. Любовцевым и Т. Руденко, с которыми жил на одной квартире. Привлечен к дознанию по обвинению в пропаганде. Содержался в Доме предварительного заключения, а с 1 авг. 1876 г. — в Петропавловской крепости. Предан суду особого присутствия Сената. Судился 2 мая 1878 г. и приговорен к двум месяцам тюремного заключения («проявил полное отсутствие какого-либо раскаяния»). Умер в Камышлове, где работал земским фельдшером, 24 ноября 1902 г. (ДРДВР. Т. 2. Вып. 4. Стлб. 1989–1991).

⁴¹⁷ ГАРФ. Ф. 109. 3 экспедиция, 1874 г. Оп. 159. Д. 144, ч. 171. Л. 82–83; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 9643. Л. 6 об. — 7. Надо полагать, что встреча происходила на Кронверкском проспекте, 67, кв. 8. Иовчук и Курбатова в своей книге о Плеханове писали, что в 1875 году он познакомился с «революционерами» и «под их влиянием включился в революционную деятельность народников, храня нелегальную литературу и выполняя различные поручения» (Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. С. 13).

⁴¹⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 680. Л. 2, 4.

спекту д. № 67 кв. 8 с сыном надворного советника Владимиром Ивановым Успенским вольнослушателем Медико-Хирургической Академии. Оба они известны за людей либеральных свойств»⁴¹⁹. 22 июля из очередного донесения стало известно, что Плеханов живет на Большой Дворянской улице в доме № 22⁴²⁰. 4 августа был получен еще один агентурный отчет на запрос третьей экспедиции III отделения о молодом человеке, в котором сообщалось: «Студент Горного института Георгий Плеханов проживает на Петербургской стороне по Большой Дворянской улице в доме № 22. Живет очень бедно, определенных занятий никаких не имеет; на этой квартире живет недавно; средства к жизни получает от родных из провинции, но очень скудные: в 2–3 месяца от 15 р. до 25 р. Прежде имел мелкие уроки, но в настоящее время, кажется, более не занимается. Одевается бедно и неряшливо»⁴²¹. 10 августа агентура сообщала: «По собранным сведениям... о Плеханове... оказалось следующее: Студент Георгий Валентинович Плеханов жил по Б. Дворянской в д. № 22 кв. № 3 смирно и спокойно. 5 дней тому назад он сказал квартирной хозяйке и дворнику, что уезжает из Петербурга, но куда именно не объявил и отмечен “за город”»⁴²².

Донесения жандармских агентов согласуются с воспоминаниями Дейча, который сообщал, что до августа 1876 года молодой человек оставался в Петербурге, ожидая возвращения ему свидетельства на проезд по железной дороге, а затем уехал к родным в Гудаловку. Об этом приезде вспоминали его сестры. По их словам, «из Петербурга Георгий Валентинович последний раз приехал гостить домой в Гудаловку летом 1876 года вместе с товарищем студентом-медиком Кронидом Павловичем Солярским и двоюродной сестрой последнего⁴²³ Марией [Натальей] Александровной Смирновой (Тарач-

⁴¹⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 680. Л. 5. К. П. Солярский к этому времени, по-видимому, уехал с Кронверкского проспекта.

⁴²⁰ Там же. Л. 14. Весной 1876 г. Плеханов не сдал во время переходных экзаменов с 2-го на 3-й курс Горного института геометрию, высшую математику и физику. После этого последовало заключение Совета института: «Лишить получаемой стипендии и оставить на год, на том же курсе» (Группа «Освобождение труда». Сборник 4. М.; Л., 1926. С. 409).

⁴²¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 680. Л. 9.

⁴²² Там же. Л. 15.

⁴²³ По-видимому, так Георгий Валентинович представил Н. А. Смирнову (Тарачкову) своим родственникам.

ковой)»⁴²⁴. К. В. Плеханова рассказывала: «В конце августа все мы поехали в Гудаловку. Жорж и его товарищ сильно увлекались народным “говором”. Им нравилось крестьянское “що” и “коё” больше — “чего” и “кого”. Подолгу оставались с работающими на полях и, по словам мамашки, помогали им в их полевых работах... Принимали участие в тушении деревенских пожаров... Раз читал Жорж Евангелие... С необычайно глубоким смыслом читал он слова: “Кто братья мои... положит душу свою за други своя”, казалось, что он подготавливал мамашу к своей революционной деятельности»⁴²⁵. Клавдия Валентиновна задавалась вопросом: «что побудило его выбрать эту деятельность?» и отвечала: «По-моему, воспитание матери, которая в совершенстве подготовила его к этой деятельности; во-вторых — влияние народной литературы», имея в виду поэзию Н. А. Некрасова⁴²⁶. В августе 1876 года вместе с Георгием Валентиновичем в Липецке и в Гудаловке был его старший сводный брат Николай Валентинович, офицер гренадерского полка. В 1924 году в своей автобиографии он писал: «В 1876 году мы съехались с братом Георгием Валентиновичем у родителей в деревне Гудаловка... Тут первый раз он посвятил меня в свои идеи “народников”. Мы ходили

⁴²⁴ Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова. С. 38; РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 410. Л. 11. О том, что с Плехановым приезжал К. П. Солярский, высказывалось сомнение и выдвигалось предположение, что Георгий Валентинович отправился на родину с В. И. Успенским (Бережанский А. С. Плеханов: от народничества к марксизму. С. 14, 186; Плеханов: от народничества — к марксизму. С. 47, 237). С Успенского 19 февраля 1876 г. было «снято взыскание» и он, по всей вероятности, продолжил учебу в МХА. Солярского же, жившего в Петербурге, с апреля 1876 г. освободили от полицейского надзора.

⁴²⁵ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л. 11 об. В Священном писании народники искали подтверждения революционным идеям. Теплов, член так называемого «кружка артиллеристов», в своих показаниях на следствии говорил, что «считал некоторое время “революцию историческою необходимостью, могущею произвести переворот в строе государства”, почему и записывал в тетрадь тексты из Священного писания, подтверждающие, по его мнению, такое положение». Член того же кружка Нефёдов писал матери во второй половине 1872 г.: «Хорошо было бы, если бы возможен был мирный путь, но вспомните слова Иисуса Христа: не мир пришел я принести на землю, а меч» (Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник под редакцией В. Базилевского (Богучарского). Том третий (Процесс 193-х). С. 56).

⁴²⁶ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л. 12. К. В. Плеханова подразумевала эпизод из учебы Г. В. Плеханова в Воронежской военной гимназии, о котором он вспоминал в своей работе «Н. А. Некрасов (речь)» (С. 389).

с ним по деревням, он развивал свои мысли между крестьян, но крестьяне плохо воспринимали и как сейчас помню, единственный Никифор⁴²⁷ садовник, который увлекался и сам приходил просить еще поговорить и послушать»⁴²⁸.

Обстоятельства знакомства Г. В. Плеханова с Н. А. Смирновой (Тарачковой)

Сближение Н. А. Смирновой (Тарачковой) с Плехановым связано было с её отношениями с М. А. Гриценковым, который был гражданским мужем Тарачковой, в результате чего в начале весны 1876 года она забеременела. Супруг же в мае был взят под стражу Петербургским жандармским управлением для ознакомления с обвинительными документами по его делу об участии «в преступной пропаганде в Империи», и содержался в тюрьме III отделения⁴²⁹. По всей вероятности, с этого времени происходило сближение Плеханова с Натальей Тарачковой. Л. Г. Дейч писал, что в начале весны 1876 года они жили в одной квартире⁴³⁰. В августе 1876 г., когда Плеханов поехал на родину, то взял с собой её и знакомого студента К. П. Солярского. Родственникам Тарачкову представили как двоюродную сестру последнего⁴³¹. В 26 декабря 1876 года (7 января 1877 года) Наталья Александровна родила дочь Надежду, которую удочерил Георгий Валентинович, с 25 октября 1876 года обвенчанный с Тарачковой⁴³².

После собрания рабочих и интеллигентов, происходившего в его комнате, будущий политик приобрел много знакомых среди пролетариата, а бунтари, видя, как его заинтересовало «рабочее дело», приняли его в свой кружок. Занятия с рабочими стали с тех пор революционной обязанностью Плеханова⁴³³. Осенью 1876 го-

⁴²⁷ Никифор — садовник в имении Плехановых в Гудаловке.

⁴²⁸ Аманжолова Д. А. Из семейной хроники Плехановых. 1924–1935 гг. С. 171.

⁴²⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 689. Л. 1; ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. Оп. 159. 1874 г. Д. 144. Часть 291. Л. 30, 30 об.

⁴³⁰ Дейч Л. Г. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии. С. 5.

⁴³¹ Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова. С. 38; РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 410. Л. 11.

⁴³² РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 202. Л. 1об.

⁴³³ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 63.

да он вошел в число членов организованного Натансоном и его последователями в Петербурге Северного общества «Земля и воля». Деловитость, полезность для организации и честность Плеханова были таковы, что тогда же его допустили в строго конспиративную квартиру на Бассейной улице, где решались практические начинания организации⁴³⁴.

Осенью Плеханов также вошел в число тех, кто занимался подготовкой демонстрации у Казанского собора, произошедшей 6 (18) декабря 1876 года. Аксельрод, по-видимому, со слов Плеханова, писал о том, как готовилась «казанская демонстрация»: «Цельми днями он бегал по заводским кварталам, разыскивая сознательных рабочих, которых нужно было привлечь к делу. Вечером Натансон расспрашивал его о выполненной работе, и порой в повышенном тоне очень строго выговаривал студенту, почему не побывал он по такому-то адресу. Плеханов кротко выслушивал резкие замечания старшего товарища и на следующий день утром спешил исправить упущения. Все его мечты об окончании института и о дальнейшей научной работе рассеялись, как дым, — в революции Плеханов нашел свое призвание»⁴³⁵.

Через год — полтора после поступления в Горный институт Плеханов стал широко осведомленным о течениях в революционной молодежи. С осени 1875 до конца 1876 г. он свел знакомство с участниками южных пропагандистских кружков (Е. Н. Ковальская, О. В. Аптекман, Л. Г. Дейч, И. Ф. Фесенко, А. Е. Сентянин⁴³⁶); с бывшими чайковцами — К. Я. Шамариным и его окружением, с теми из них, кто был отпущен до суда (в частности, с сестрами Корниловыми и Перовской); с будущими основателями «Земли и воли» — сторонниками агитации в народе на основе его непосредственных нужд и стремлений. Среди них были революционные народники, в дальнейшем ставшие соратниками Плеханова по революционной деятельности (Михайлов, Аксельрод, Аптекман, Дейч, Игнатов). В 1875 году в Петербурге после арестов и тюремного заключения стали выходить на свободу рабочие — участники кружков, организованных «чайковцами»

⁴³⁴ Фигнер В. Запечатленный труд. Воспоминания : в 2 т. Т. 1. М., 1964. С. 149–150.

⁴³⁵ Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. С. 157.

⁴³⁶ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. С. 85.

в 1872–1874 гг. Некоторых из них он узнал на собрании 12 февраля 1876 года. Такое широкое знакомство с разными группами революционной молодежи и петербургскими рабочими позволило Плеханову осмыслить результаты развития движения за предыдущие годы, найти в нём свое место среди «бунтарей», положивших основание, как он писал впоследствии, «нашему революционному народничеству»⁴³⁷.

В настоящей статье выдвинуты доводы в пользу того, что учебу в Воронежской военной гимназии Плеханов начал в 1866 году, но из-за болезни оставил ее и в 1868 году был принят во второй класс. В гимназии он испытал влияние гимназических традиций. Под их воздействием у молодого человека сложились коллективистские взгляды, которые проявлялись, когда Плеханов вошел в революционное сообщество. Обсуждение между учениками новых книг и журнальных статей сказалось в его увлечении чтением, формировавшим интерес к естественно-научным и гуманитарным знаниям. На нравственно-патриотические чувства воспитанников воздействовала система преподавания Н. Ф. Бунакова, учителя русского языка и словесности, вызывавшая у наиболее отзывчивых из них стремление помочь угнетенному народу. Влияние преподавателя, входившего в 1863 году в организацию «Земля и воля» и в авторский кружок революционно-демократического журнала «Русское Слово», стало одним из факторов появления у Плеханова революционных стремлений. Готовясь к военной карьере, он решает помочь страдающему народу, направив солдат, которыми будет командовать, на его защиту. В Константиновском училище Плеханов вошел в «ядро», существовавшего там, «революционного кружка» и после приведения к военной присяге не оставлял намерения выступить против царя на защиту угнетенного народа. Встречи с офицерами из Академии Генерального штаба убедили его, что армия не готова поддержать народ. После этого он решает оставить военную службу. К этому поступку будущего по-

⁴³⁷ Плеханов Г. В. Предисловие к русскому изданию книги А. Туна. «История революционных движений в России» // Плеханов Г. В. Сочинения. Т. XXIV. С. 100.

литика вынуждало и сложное экономическое положение семьи после смерти отца. Благодаря научному складу ума, Плеханов начинает изучать произведения теоретиков народнического движения. Чувству нравственного долга перед народом, присущему молодому человеку, отвечали «Исторические письма» П. Л. Лаврова. Их чтение пробуждало критическое отношение к вопросам общественного развития России, волновавшим его. После поступления в Горный институт на революционное сознание Плеханова оказало сильное воздействие нигилистическое разночинное студенчество. Он становится студентом-революционером, который связывает свою дальнейшую жизнь с борьбой за освобождение народа. В статье рассмотрены обстоятельства знакомства Плеханова с рабочим Митрофановым и исследован вопрос о его «отрицательном» отношении к пролетариату, что связывается с влиянием идеологии революционного народничества. Сделан также обзор исторических сведений о сотрудничестве Митрофанова с III отделением. Знакомства Плеханова осенью 1875 года с революционным студенчеством также способствовали появлению у него бунтарских взглядов. К началу 1876 года, «сильно проникшись бунтарскими взглядами», он считал себя революционером по убеждениям и готовился стать революционером действующим. После знакомства с петербургскими рабочими за Плехановым с февраля 1876 года было установлено жандармское наблюдение, которое продолжалось до тех пор, пока он не перешел на нелегальное положение.

Наряду с фактической стороной вопроса, важным, если не важнейшим при выборе Плехановым жизненного пути являлись морально-нравственные стремления, которые сформировались у него в юности. Изучение идейного развития по пути к народничеству показывает взаимосвязанность этого процесса со складыванием этических установок.